

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В.П. ГРАЧЕВ

**Балканские владения
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
на рубеже
XVIII-XIX вв.**

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В. П. ГРАЧЕВ

**Балканские владения
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
на рубеже
XVIII—XIX вв.**

*(Внутреннее положение,
предпосылки национально-
освободительных движений)*

Ответственный редактор
доктор исторических наук Н. И. ХИТРОВА

МОСКВА
НАУКА
1990

Грачев В.П.

Г 78 Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений).-М.: Наука, 1990.-198 с.

ISBN 5-02-009970-8

Автор исследует малоизученную проблему предпосылок национально-освободительных движений в балканских владениях Османской империи в XVIII-XIX вв. В книге рассказывается о формировании центров антиправительственной оппозиции, о междоусобной борьбе политических группировок. Большое внимание уделено отношению великих держав (России, Австрии, Франции) к внутренней политике Османской империи и национально-освободительному движению балканских народов.

Для историков, славистов.

Рецензенты:

кандидат исторических наук С.Ф. Орешкова,

кандидат исторических наук Л.Е. Семенова

Г 0503030000-132 110-90 II полугодие
042 (02)-90

БКБ 63.3 (4)

ISBN 5-02-009970-8

© Издательство "Наука", 1990

ВВЕДЕНИЕ

Оказавшись на стыке таких исторических дисциплин, как османистика, славяноведение и балканистика, проблема общего кризиса Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв. и его взаимосвязи с национально-освободительными движениями в ее балканских владениях в первой трети XIX в., по этой и ряду других причин, пока еще продолжает оставаться малоизученной. Кроме работы сербского историка Ст. Новаковича, опубликованного в 1906 г. книгу "Турско царство пред српски устамак, 1780-1804 гг.", выводы которой уже не соответствуют уровню современных знаний о проблеме, ни один из представителей названных выше дисциплин не ставил перед собой задачу исследовать в комплексе демографическую, административную, социально-экономическую структуру балканских владений Порты, а также взаимосвязь динамики процессов внутривластной борьбы с предпосылками национально-освободительных движений в этом регионе на рубеже XVIII-XIX вв. Туркологи, традиционно считая себя ориенталистами, исследовали процесс разложения классической тимарной системы и, как правило, концентрировали внимание на событиях, происходивших в азиатских и африканских владениях этого политаического государства. В Балканских государствах, выделившихся из состава Османской империи во второй половине XIX в., изучение и систематическое исследование истории своих народов стали появляться на рубеже XIX-XX вв. и сосредотачивались в основном на проблемах национальной истории. При отсутствии собственных источников разработка проблемы национально-освободительных движений осуществлялась на недостаточной источниковой базе и, естественно, с позиций господствовавших в тот период историко-философских и правовых учений. Разработка общих концепций национальной истории чаще всего поручалась влиятельным политическим деятелям и строго контролировалась сторонниками правящей династии или же главой государства. Эти и другие факторы наложили на страноведческие исследования второй половины XIX-начала XX вв. заметный отпечаток определенной тенденциозности, которая наиболее отчетливо проявляется при моделировании процессов внутреннего развития каждого из народов в стремлении изолировать эти процессы от влияния господствовавших в Османской империи законов и порядков, в произвольном толковании роли внешнеполитических факторов, влияние которых на процесс национально-освободительных движений чаще всего

характеризуется негативно. Значительная часть сербских и болгарских историков до середины нашего столетия отрицала причастность болгар и сербов к внутриполитической борьбе Порты с сепаратизмом пашей и к междоусобиям румелийских аянов. Например, болгарский историк В.Н. Златарский в 20–30-е годы XX в. утверждал, что болгарский народ на рубеже XVIII–XIX вв. продолжал оставаться в "инертном и апатичном состоянии", поскольку у него было "притуплено всякое чувство самозащиты" от царившей в империи анархии и междоусобий румелийских пашей. В марксистской историографии второй половины XX в., за рубежом и у нас, возобладала точка зрения, согласно которой восстания первой трети XIX в. в Сербии (1804–1813 и 1815 гг.), в Дунайских княжествах (1821 г.), Греции (1821–1829 гг.) наряду с национально-освободительными задачами попутно выполняли и функции буржуазных или буржуазно-демократических революций. Руководствуясь этими соображениями многие зарубежные и советские историки объясняют предпосылки этих движений, применяя известную схему природы буржуазных революций, разработанную основоположниками учения об историческом материализме для развитых государств Европы. Между тем накопленный за последние 20 лет фактический материал, в частности по истории первого сербского восстания 1804–1813 гг., в ряде случаев явно противоречит такому объяснению предпосылок этого восстания.

Принимая во внимание это обстоятельство, автор поставил перед собой задачу выявить в архивах СССР документы, в которых содержатся факты, освещающие события в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв., изучить опубликованные источники и соответствующие страноведческие исследования, в которых в той или иной мере рассматривается данная проблема, и на основе их анализа рассмотреть демографическую, административную и социально-экономическую структуру балканских владений Османской империи, проследить характер миграционных процессов, введение реформ в этом регионе в 90-х годах XVIII в. и в 1804 г., формирование центров оппозиционных Порте военно-политических группировок в Румелии, характер сопротивления этих сил введению реформ и междоусобной борьбе румелийских пашей и аянов, отношение к этой борьбе сербов, болгар, отчасти греков, албанцев и других балканских народов, отношение Австрии, Франции и России к политике Порты, к междоусобной борьбе румелийских пашей и аянов, к национально-освободительному движению сербов. Короче говоря, автор стремился учесть все возможные факторы, оказавшие влияние на природу сербского восстания 1804 г., которое положило начало национально-освободительным движениям в этом регионе в первой трети XIX в. В контексте внутренних и внешних событий 1792–1805 гг. прослеживается развитие сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке в национально-освободительное движение сербского народа за создание автономного государства и отношение к нему вышеназванных великих держав.

Предвидя справедливый упрек в отсутствии в книге обзора источников и историографии, автор считает своим долгом извиниться за это и предупредить, что отказ от публикации этих достаточно обширных по объему разделов объясняется только ограниченностью листажа, выделенного для освещения этой неразработанной, разноплановой и многогранной темы. В случае особой заинтересованности специалисты могут ознакомиться с этими разделами в машинописном варианте книги, который параллельно подготовлен автором для защиты его в качестве докторской диссертации.

Глава I

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БАЛКАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ ХVIII- НАЧАЛЕ XIX В.

1. Краткий обзор истории формирования

административно-территориального деления и органов управления в балканских владениях Османской империи

Владения доскутной многонациональной Османской империи, возникшей в результате завоевательных войн, которые велись в XIV-XVII вв. турками-османами, к началу XIX в. располагались в Африке, Азии и Европе. В целом они составляли 21 тыс. кв. миль. По данным переписи 1844 г., на этой территории проживало свыше 35,5 млн человек. Из них в африканских владениях - 3,5 млн, в азиатских - 16 млн 200 тыс. и в европейских - 15,5 млн человек¹. В процессе завоевания турками-османами Балканского полуострова в конце XIV-XV в. административно-территориальное деление на присоединяемых землях складывалось постепенно, с учетом старой структуры территориального деления и отчасти этнических и даже религиозных особенностей живших там народов. Например, купы - административно-территориальные единицы сербского государства Неманичей - в основном сохранили свои прежние размеры, но были переименованы в нахии². Население, исповедовавшее определенную религию, выделялось в особые группы - милеты. Верховным иерархам милетов давалось право посредничества между покоренными народами, которых они представляли, и верховной властью османского государства³. Во второй половине XIV в. владения империи были разделены на два бейлербейства, Румелию и Анатолию (Анадол), которые считались самыми большими единицами административно-территориального деления в государстве. Большая часть поработенных турками-османами народов Балканского полуострова первоначально входила в состав Румелии, а люди, исповедовавшие православие, относились к милету Рум или Урум. В этой связи русский вице-консул в Филиппополе Найден Геров писал в 1856 г.: "Турецкое правительство принимает всех православных христиан империи за один народ, называя его греческим (народом. - В.Г.) урум миллет"⁴.

После завоевания турками-османами Константинополя (1453 г.) столичный город бывшей Византийской империи был переименован в Стамбул и избран столицей турецкого государства, которое стало имено-

ваться Османской империей. Прежняя столица, Адрианополь, стала главным городом бейлербейства Румелия. В XVI в. центр бейлербейства был перенесен в Софию, которая номинально считалась им до начала XIX в. В 60-х годах XVI в. в империи насчитывалось уже 16 бейлербейств. В 1580 г. из состава Румелии выделилась в особое бейлербейство Босния, которая затем вновь утратила этот статус, но сохранила право на обособленное управление⁵. В 1598 г. все имевшиеся тогда бейлербейства были реорганизованы, а на их основе были созданы новые территориально-административные единицы, эйялеты, или, как их называли балканские славяне, вилайеты. В основе нового административного деления по-прежнему оставалась спахийская (тимарная) система военно-денного землевладения, хорошо оправдавшая себя в условиях завоевательных войн⁶. Когда же на рубеже XVII-XVIII вв. наступательная мощь турко-османов иссякла и они стали терпеть поражение за поражением в Европе, султанское правительство было поставлено перед необходимостью сменить наступательную стратегию на оборонительную⁷. Создание единой оборонительной системы в европейских владениях империи неизбежно повлекло за собой и новую перестройку административно-территориального деления. В конце XVII-начале XVIII в. территория государства была разделена на 34 эйялета (вилайета), которые подразделялись на санджаки, а последние - на нахии. Эйялетом управлял бейлербей (т.е. бей над бейями), а санджаком - санджакбей. Бейлербей и санджакбей являлись одновременно главами гражданской администрации и командующими спахийского войска (кавалерией) на подвластной им территории. В соответствии с рангом они за определенную плату получали один, два или три бунчука (лошадиных хвоста), которые закреплялись на особом древке⁸. Чиновники, получавшие султанские бунчуки, назывались пашами: однобунчужный, двухбунчужный и трехбунчужный. Трехбунчужный паша считался визирем. Санджакбей были подчинены бейлербею, который, в свою очередь, непосредственно подчинялся великому визирю. С учреждением особых военных округов в приграничных областях империи (сархатов), назначавшиеся в них начальниками паши в начале XVIII в. стали называться мухафизами и мутасарифами, а подвластные им санджаки - пашалыками. Русские дипломаты, аккредитованные в Османской империи, в своих донесениях называли пашей губернаторами, а подвластную им территорию - пашалыком или губернией. Иногда в своих донесениях они называли бейлербея Румелии - румели-валиссы. Балканские же славяне чаще всего называли этого чиновника словом "валия".

Органы центрального управления подразделялись на три независимые друг от друга ведомства: военно-административное, финансовое и судебно-религиозное. Их деятельность направлялась и контролировалась двумя советами (диванами), султанским, или имперским советом (диваны хумаюн), и советом великого визиря, который имел несколько названий: Порте, Высокая (или Блистательная) Порте, "Баб-ы али", "Баб-ы эсафе". Султанский совет был образован в XV в. В него входили великий визирь,

казаскеры Румелии и Анатолии, столичный кадий (истамбул эфендиси), главнокомандующий янычарским войском (янычар-ага), хранитель султанской печати (нишанджи), казначей (дефтердар), главнокомандующий военно-морскими силами (капудан-паша, или капуданы-дерья). Султанский диван обслуживался штатом писцов (хаваджигян). Совет великого визиря, или Порты, был учрежден только в начале XVIII в. Его заседания, как правило, проходили во дворце великого визиря ("паша-капысы), на них решались практически все текущие государственные дела. В состав Порты входили: великий визирь (садразам, т.е. "первый среди великих"), его первый заместитель (садарет кетхудасы), глава ведомства иностранных дел (рейс-эфенди или рейс-уль-кыттаб), глава финансового ведомства (баш дефтердар) и хранитель султанской печати (нишанджи). Судебно-религиозным ведомством руководил шейх-уль ислам (великий муфтий). Ему подчинялись казаскеры (или кадиаскеры), которые в XVIII - начале XIX в. назначались только в Румелию и Анатолию. Казаскер Румелии, в частности, назначал мусульманских судей (кадиев) в судебные округа (казы) и районы (нахи), границы которых не всегда совпадали с единицами административно-территориального деления (санджаками) данного эйялета. Помимо кадиев, великому муфтию и казаскерам подчинялись и представители низшего судебного сословия (наибы). Мусульманское духовенство находилось в особо привилегированном положении во всех звеньях иерархической цепи. Например, шейх-уль ислам формально имел примерно равные с великим визирем права. Но на практике великий муфтий располагал большими возможностями, поскольку без его санкции (фетвы) ни один из диванов и даже сам султан не могли провести в жизнь новые законы и наиболее важные постановления⁹. Власть же великого визиря была более ограниченной и зависела от ряда обстоятельств. Например, при назначении на эту должность султаны руководствовались не столько деловыми качествами человека, сколько личной привязанностью к своим фаворитам. Кроме того, авторитет садразама и реальная сила его власти во многом зависели от шейх-уль ислама, от главы янычарского войска (янычар-ага), от управляющего султанским гаремом (казлар-ага), от родственников султана и других влиятельных сановников. По их настояниям великие визири часто сменялись. Только в период правления султана Ахмеда III (1703-1730 гг.) сменилось 14 великих визирей¹⁰.

Чиновники и служащие всех центральных ведомств и учреждений условно подразделялись на несколько категорий по роду их занятий: чиновников гражданской администрации (мюлькие мемурляры), служащих военной администрации (аскирие), служащих культа (улема) и "людей пера" (калем мемурляры). Последние, в свою очередь, подразделялись еще на три группы: секретарей диванов (диван-ы хумаан калеми), служащих по учету земельных владений (дефтердар-и-хакани), служащих финансового ведомства (хазине-и-умера). Во главе каждого из названных ведомств соответственно стояли: рейс-эфенди, хранитель султанской печати и баш дефтердар. Руководители названных ведомств являлись одно-

временно и членами дивана. Поскольку Османская империя была военно-теократической монархией, а ее государственная структура была прочно связана с организацией войска, то великий визирь одновременно являлся главой Порты и главнокомандующим всеми вооруженными силами империи. По такому же принципу строилась структура органов власти в провинциях¹¹.

При такой структуре органов центрального управления местная администрация в провинциях имела дело с разобщенными ведомствами, что впоследствии стало одной из причин децентрализации всей системы управления, злоупотреблений со стороны органов местной власти, начальников янычарских подразделений и отдельных провинциальных феодалов. Рост анархии, беззакония и междоусобной вражды среди наиболее крупных феодалов в провинциях, как правило, сопровождался ужесточением социального и национального гнета порабощенных народов.

С переходом к оборонительной стратегии в европейской части Османской империи в конце XVII – начале XVIII в. был создан ряд опорных оборонительных пунктов (сархатов) на границах с Венецианской республикой, Австрией и Россией. После заключения Белградского мира (1739 г.) и возвращения Белграда в состав Османской империи был сформирован Белградский сархат, который по замыслам султанского правительства должен был стать "щитом ислама" на северо-востоке его балканских владений. Финансирование важнейших сархатов возлагалось на особые ведомства (калемы). Начальники (мухафизы) Белградского сархата чаще других назначались на пост бейлербея Румелии. В XVIII в. бейлербеями Румелии были следующие мухафизы Белграда: в 1739–1740 гг. Али-паша Абдипаша-заде, с августа по декабрь 1746 г. – Яхья-паша Хатиб-заде, в 1758–1761 гг. – Узун Хассан-паша, в 1782 г. – Генч Мехмед-паша, в 1797–1798 гг. – Мустафа-паша, в 1803–1804 гг. – Бекир-паша¹². В обстановке усиливавшейся и расширявшейся междоусобной вражды Порты часто меняла бейлербеов Румелии, что подрывало их авторитет. Часто сменявшиеся бейлербеи к концу XVIII в. стали реже бывать в Софии и предпочитали управлять зяялетом из центров своих санджаков.

На рубеже XVIII–XIX вв. основными пашалыками Румелии считались: Софийский, Видинский, Никопольский, Силистрийский, Белградский, Шкодринский, Янинский и др. Из обнаруженного мною в АВР донесения М.А. Милорадовича от 4(16) июля 1808 г. видно, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Софийском пашалыке проживало 172 тыс. человек, Видинском – 180 тыс. человек, Никопольском – 190 тыс. человек, Силистрийском – 200 тыс. человек, всего 742 тыс. человек, из которых: турок – 230 тыс., болгар – 200 тыс., сербов и греков – 180 тыс., армян – 60 тыс., евреев – 50 тыс., народов католической веры – 20 тыс. человек¹³. В составе Софийского пашалыка автор документа называет следующие наиболее важные города: Софию, Татар-Пазарджик и Тырново. В епархии софийского митрополита указаны 4 православные епископии: Тырновская, Киздербентская, Ловченская и Драгоманская. При этом сде-

лана оговорка, что, хотя София и являлась административным центром всей Румелии и данного пашалыка, однако в то смутное время бейлербеи предпочитали управлять из своих пашалыков, а митрополиты — из Тырно-ва.

В составе Видинского пашалыка М.А. Милорадович называет следующие важнейшие города: Видин (административный центр пашалыка), Дриновац, Мелковац, Митровац, Градиште, Хитровац, Веседрина, Ореховац. Видин характеризуется им как одна из основных крепостей на Дунае, в которой имеется свой пороховой завод. Кроме турок, в городе жили и христиане. Гражданское и военное управление пашалыка до января 1807 г. было сосредоточено в руках Пазванд-оглу, который большую часть своего правления не признавал власть Порты и все собираемые с населения налоги присваивал себе. На эти деньги он содержал наемное войско численностью до 12 тыс. человек.

К Никопольскому пашалыку относились города: Никополь, Рушук, Сис-тов, Рахов, Разград. В Никополе жило до 1700 человек, среди которых было много купцов из турок, активно проводивших обширную торговлю. Никополь и его окрестности чаще других пашалыков подвергались набегам войск Пазванд-оглу, часто назначавшего в Рахов, Разград и другие города пашалыка своих чиновников. Рушук был резиденцией мятежных Терсеникли-оглу, а с июля 1806 г. — Мустафа-паши Байрактара.

В составе Силистрийского пашалыка в документе были указаны города: Силистрия, Гирсово, Шумла, Базарджик, Мачин, Варна. В Силистрии жили как турки, так и христиане. В этом же городе находилась и резиденция силистрийских митрополитов, которые назначались чаще всего из числа греков-фанариотов.

В пределах вышеназванных четырех пашалыков было в достатке пригодных для земледелия плодородных почв и горных пастбищ. В конце XVIII в. там были обнаружены залежи железа, меди, серебра и других полезных ископаемых. Основным занятием населения были земледелие, скотоводство и торговля. Только соль доставлялась из Валахии. Эти пашалыки считались одними из наиболее богатых в экономическом отношении и доходных областей Румелии. С жителей только этих четырех пашалыков османские власти на рубеже XVIII—XIX вв. собирали дани и налогов на общую сумму 5 млн 800 тыс. пиастров: с Софийского пашалыка — 900 тыс. пиастров, Видинского — 1 млн 500 тыс. пиастров, Никопольского — 1 млн. 800 тыс. пиастров, Силистрийского — 1 млн 600 тыс. пиастров¹⁴.

В Белградском пашалыке в 1804 г. значилось 192 тыс. жителей, из которых облагались налогом только 53 тыс. человек. Этнический состав, границы, численность населения пашалыка в XVII—XVIII вв. неоднократно изменялись. Этнический состав пашалыка, как будет показано ниже, часто менялся под влиянием массовых миграций и на рубеже XVIII—XIX вв. еще не сформировался окончательно. В 1804 г. в Белградском пашалыке, по подсчетам югославских ученых, числилось около

100 тыс. сербов и около 40 тыс. турок. Кроме того, в период восстания 1804–1813 гг. в пашалыке поселились босняки, черногорцы, болгары, греки, албанцы, валахи, цыцары, цыгане, венгры, армяне, евреи и др. При этом следует иметь в виду, что значительная часть переселенцев из Боснии, Герцеговины и других областей империи были мусульманами. Поскольку славяне-мусульмане имели равные экономические и политические права с турками-османами, то христианское население считало их также турками, невзирая на их этническое происхождение.

Территория Белградского пашалыка по Дунаю и Саве граничила с владениями Австрийской империи. Она представляла собой гористую местность, густо покрытую лесами, от чего и получила название "Шумадия" (от сербского слова "шума" – лес). Плодородная почва, обширные пастбища, теплый климат благоприятствовали развитию земледелия и скотоводства, а наличие полезных ископаемых (особенно железа и серебра) – ремесел. Обширные горные и равнинные пастбища были пригодны для разведения крупного рогатого скота, овец, коз, а обилие желудей в дубовых рощах использовалось для откорма свиней¹⁵. Однако из-за частых вынужденных миграций населения плодородные земли пашалыка зарастали лесом и кустарником, а поселявшиеся там люди охотнее занимались разведением скота, чем земледелием. Поэтому в пашалыке часто не хватало зерна, которое в основном закупалось в Австрии.

Как отмечалось выше, Боснийский пашалык с 80-х годов XVI в. был выделен из состава Румелии и по традиции продолжал пользоваться правами эйялета. Его территория в административном отношении подразделялась на четыре санджака: Зворницкий, Боснийский, Клишский и Герцеговинский. В их пределах в 1807 г. проживало свыше 1 млн 250 тыс. человек, из которых, по данным французского источника 1809 г., 700 тыс. человек исповедовали православие и католицизм. Основная масса православных была сосредоточена в Боснийской Крайне и Восточной Герцеговине, а католиков – в Западной Герцеговине. Несмотря на различие религий, большинство боснийского населения по языку и этническому происхождению относилось к южным славянам, за исключением некоторого числа турок-переселенцев, евреев, цыцар и албанцев. В отличие от населения Белградского пашалыка население Боснии в XVIII – начале XIX в. было более стабильным и реже мигрировало¹⁶.

Как отмечалось во введении, народы Балканского полуострова, утратив национальную государственность, оказались в составе Османской и Габсбургской империй, а в период с XV по XVIII в. выключительно было несколько наиболее сильных волн массового переселения христианского населения из балканских владений Османской империи в пределы габсбургской монархии. Хотя разделенные на части народы Балканского полуострова оказались по разные стороны границ сопредельных и часто воюющих между собой государств, однако между ними постепенно восстанавливались экономические, религиозные, а порой и политические связи.

Т а б л и ц а

Общий обзор составных частей наследственной Австрийской монархии рассматриваемой в ее теперешнем состоянии с точки зрения численности населения и населенных пунктов в начале XIX в.

Террит. деление	Название земель	Разделение на округе	Название городов	Годы
Германские земли, входящие в состав Австрии	Земли ниже Энса	Столица Вена и 4 округа	Вена	1799
	Земли выше Энса	4 округа	Линц	1800
	Герцогство Штирия	5 округов	Грац	1788 1798
	Герцогство Каринтия	2 округа	Клагенфурт	1776 1788
	Герцогство Карниоле	3 округа	Лайбах	1776 1788
	Княжество и графство Горица и Градица	1 округ	Горица	1766
	Территория свободного порта Триеста	1 округ	Триест	1801
	Графство Тироль	6 округов и 2 территории: Тренте и Бризе	Инсбрук	1785 1786
	Княжество в Швабии с Монфором без иностранных территорий, находящихся под австрийской юрисдикцией	3 округа, состоящие из 13 дистриктов	Гюнзбург	1790
	Королевство Богемия	3 городских пражских округа и 16 др. округов	Прага	1790 1794
Богемия	Маркграфство Моравия с герцогством Силезия	8 округов	Брюнн	1801
	Королевство Венгрия с провинциальными округами Славония и Хорватия, в нее включенными	6 округов и 60 комитатов	Буда	1785 1787
		Великое княжество Трансильвания	Земля венгров, состоит из 11 комитатов и 2 дистриктов; земля Сикулов - из 5, а земля саксов - из 11 поселений	Германштат
Венгрия	Королевство Восточная Галиция с дистриктом; Буковина теперь полностью принадлежащая королевству	19 округов (теперь 16 округов)	Леопольд	1797
	Западная Галиция	12 округов (теперь 15 округов)	Краков	1798
Галиция				

Численность населения	Фактическая и предполагаемая численность населения в 1801 г.	Соотношение населения к площади	Города	Ярмарки	Села и деревни
С.) 1 036 393	С.) 1 038 316	На кв. ми- ле прожива- ют: 2931	38	238	4 311
С.) 630 565	С.) 629 945	2706	14	92	6 411
С. _н) 812 467 827 684	С.) 812 467	1974	20	98	3 501
С. _н) 282 114 297 384	С.) 285 533	1424	11	25	2 801
С. _н) 419 411	С.) 408 679	1792	19	18	3 312
С.) 114 387	С.) 119 438	1778	3	1	380
С.) 27 374	С.) 27 374	9707	1	-	24
С. _н) 672 723 671 691	.) 657 243	1270	21	21	3 653
С.) 172 016	.) 172 016	2620	21	14	832
С. _н) 2 873 504 2 939 053	С.) 3 013 614	3167	251	310	11 605
С.) 1 634 668	С.) 1 634 668	2961	123	172	3 637
С. _н) 7 008 574 7 116 789	.) 7 874 294	2054	59	643	14 068
С.) 1 412 985	.) 1 493 925	2247	9	65	2 541
С.) 3 568 658	С.) 3 644 892	2231	107	201	5 900
С.) 1 288 996	С.) 1 276 953	1456	184	93	6 478

Террит. деление	Название земель	Разделение на округе	Название городов	Годы
Военная граница	В Хорватии:	3 генеральства и 8 полковых дистриктов	А г р а м-местопребывание 2 пограничных генеральств Карлштадта Варасдина и Баната	1799
	Славония с дистриктом Чайкич	3 полковых дистрикта и дистрикт батальона в Чайкиче	Петрова-радин-местонахождение главного командования	1799
	Банат	2 полковых дистрикта	Темешвар-место нахождения гл. командования	1799
Венецианские провинции	Трансильвания	5 полковых дистриктов	Гл. командование для всей Трансильвании находится в Германштадте	1799
	Венецианская территория в Верхней Италии	6 провинций недавно разделенных на 7 округов	Венеция	1771 1802
	Венецианская Истрия	20 гос. и 12 особых дистриктов	Капод, Истрия	1771 1802
	Королевство Далмация с Островами	20 гос. и 1 особый дистрикт	Зара	1747
	Албания	3 гос. и 4 особых дистрикта	Каттаро	1749

Примечания: С. - рекрутский набор. W. - предполагаемое население, вычисленное на основании его состояния за два данных года. Т. - в данное население здесь включаются также гражданские жители, проживающие в военных округах. 1* - в пропорции населения по отношению к размерам страны не смогли принять во внимание гражданских жителей, проживавших в военных дистриктах. *** - поскольку организация новых австрийских владений в бывших венецианских провинциях еще не установилась во всех своих видах (отраслях), здесь сохранено политическое деление, которое было во время Кампоформинского мира в соответствии с прежней государственной конституцией. Но ввиду того, что более точные географические и политические данные об этих провинциях почти неизвестны в остальной Европе, здесь некоторые из них приводятся впервые.

Численность населения	Фактическая и предполагаемая численность населения в 1801 г.	Соотношение населения к площади	Города	Ярмарки	Села и деревни
С.) 358 526	.) 358 526	1647	2	-	1 204
С.) 186 437	.) 186 437	1522	-	-	310
С.) 129 216	.) 129 216	471	-	-	157
С.) 126 771	.) 126 771	584	-	-	457
С.) 1 384 000 " 1 631 172	.) 1 623 199	5224	24	76	2079
С.) 89 870 " 98 637	С.) 94 278	1809	6	14	187
С.) 251 977	С.) 256 902	890	8	9	846
С.) 253 846	С.) 40 924	3637	3	6	46

При наличии таких связей между балканскими народами, живущими в сопредельных государствах, возникает вполне закономерный интерес и к демографической ситуации, которая сложилась в Австрийской империи, особенно в ее пограничных с Османской империей провинциях, на рубеже XVIII-XIX вв.

Не располагая точными сведениями об этом, автор нашел уместным опубликовать таблицу административно-территориального деления Австрийской империи, которую в 1803 г. составил поверенный в делах России в Вене русский дипломат И.О. Анштетт. На ее основе можно соста-

вить представление и о демографической ситуации в этом государстве. Прилагаемая таблица обнаружена автором в АВПР и с сокращениями публикуется впервые^{16а}.

2. Характеристика миграционных процессов в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв.

На экономическое и социально-политическое развитие балканских владений Османской империи весьма существенное влияние оказали миграции больших масс христианского населения, которые время от времени имели место на протяжении XVII-XVIII вв. Переселения христиан за пределы Османской империи обуславливались разными причинами, но наиболее сильные миграционные волны чаще всего были вызваны участием части христианского населения балканских владений Порты в австро-турецких или русско-турецких войнах на стороне противников Турции и эпидемиями чумы, которые были в Белградском пашалыке в 1774 г. и в 1793-1795 гг. Основная масса переселенцев из балканских владений Порты, в особенности из Белградского пашалыка, оседала в Австрийской империи, например только в Темишварском Банате с 1711 по 1780 г. численность населения за счет переселенцев из балканских владений Порты возросла с 25 тыс. до 300 тыс. человек¹⁷. Австрийские власти расселяли вновь прибывших в пограничных с Османской империей районах и зачисляли их в особые полки, несущие охрану границы. Население пограничных районов называлось граничарами и являлось своеобразной связующей прослойкой между христианским населением Османской и Австрийской империй.

Отток сербского населения в Австрию в 70-х годах XVIII в. весьма беспокоил Порту, и она в 1781 г. была вынуждена отдать приказ местным властям, чтобы они на переправах через Дунай и Саву выставили особые посты, в задачу которых входило отговаривать людей от переселения и возвращать их обратно в свои села¹⁸. Несмотря на принятые меры, миграция сербского и боснийского населения в Австрию не прекратилась и в 80-х годах XVIII в. Она еще больше усилилась накануне австро-турецкой войны 1788-1791 гг., когда австрийские власти объявили набор наемников в так называемые фрайкоры и развернули соответствующую агитацию среди населения балканских владений Порты, особенно в Белградском пашалыке и в Боснии¹⁹. Чтобы воспрепятствовать переселению сербов власти Белградского пашалыка убили более 60 сербов и 20 человек взяли заложниками, чтобы вернуть обратно ушедших в Австрию людей²⁰. Летом 1788 г. в Видинском пашалыке также было неспокойно и бейдербей Румелии потребовал от обер-кнезоз Неготинской Краины и видинского митрополита Иеремии Александра подписку, которая бы гарантировала, что христиане пашалыка останутся лояльными к Порте, не поднимут восстания и не переселятся за пределы империи²¹. Несмотря на ужесточение мер со стороны турецкой администрации, к ав-

густу 1788 г. только в район Срема переселилось свыше 50 тыс. беженцев, которые пригнали с собой более 30 тыс. голов скота²². В Банате в июне 1788 г. было поселено 470 сербских семей численностью приблизительно в 2500 - 2700 человек²³. На территорию хорватской военной границы в 1788-1791 гг. переселились до 20 тыс. босняков²⁴. Пригодные к несению военной службы переселенцы сразу же завербовались во фрайкоры и отправились на турецкий фронт. Видя, что насильственные меры не дают желаемых результатов, Порта в августе 1788 г. объявила об освобождении сербов Белградского пашалыка от налогов на 3 года и обещала защищать население от произвола янычар и местных властей.

Австрийские власти со своей стороны активизировали посылку сербских фрайкоров в Белградский пашалык, которые силой принуждали сербское население переселяться в Австрию²⁵. По подсчетам Д. Павловича, общее число беженцев, переселившихся во время войны из балканских владений Порты в Австрию, составляло от 80 до 100 тыс. человек²⁶.

После занятия в сентябре 1789 г. австрийцами Белграда часть сербских беженцев вернулась на родину, но поскольку их села были сожжены или разрушены, многие из них стали заниматься грабежами и разбоями²⁷.

Военные действия на австро-турецком фронте были прекращены в августе, а турецкие войска вступили в западную Сербию в начале сентября 1790 г. Большая часть христианского населения начала отступать вместе с австрийскими войсками, но австрийские власти дали указание принимать на поселение только зажиточные семьи, поскольку опасались, что беднота по получении пособий вновь уйдет в турецкие владения. Из 12 тыс. сербских беженцев, которые намеревались поселиться в Банате, было принято только 5400 человек, а остальные были вынуждены вернуться назад. В Сремскую жупанию было поселено всего лишь 2 тыс. сербов²⁸.

12 марта 1791 г. придворная канцелярия в Вене отменила всякие ограничения и разрешила принимать беженцев из балканских владений Порты. Она предписала размещать их не только в пределах военной границы, но и в более отдаленных жупаниях. С этой целью были учреждены две комиссии, которые должны были заниматься отбором и размещением переселенцев. Общее руководство переселенческими делами было возложено на маршала Валиса, в помощь которому были назначены митрополит Дионисий, архимандрит Ст. Йованович и обер-кнез Данила Алексиевич²⁹.

Надеясь вернуть обратно часть переселенцев, Порта при заключении Сисовского мирного договора с Австрией пошла на некоторые уступки. Статьи 1 и 8 Сисовского договора гарантировали воевавшим против Порты сербам прощение, освобождали население Белградского пашалыка от налогов на 3 года и гарантировали защиту населения от произвола янычар и местных властей.

Сербские переселенцы, оставшиеся в Австрии, тогда же передали маршалу Валису требование разместить их в Среме, Бачке и Банате, где жили ранее их земляки (в каждом селе должны поселиться по 100 и бо-

лее сербских семей со своими священниками), предоставить им землю в кредит, освободить на 7 лет от налогов и т.д. Венский двор отклонил эти требования, а вдохновитель и организатор этого дела архимандрит Ст. Йованович был выслан из Австрии.

По подсчетам академика Сл. Гавриловича, во время австро-турецкой войны 1788–1791 гг. из Сербии и Боснии в Воеводину переселилось около 30 тыс. человек, в Сремскую жупанию к лету 1792 г. – от 5 до 6,5 тыс. человек. Помимо этого большое число переселенцев было размещено в Бачке, Венгрии, Славонии, Банате и других областях Австрийской империи. Общая же численность переселившихся из балканских владений Османской империи в Австрию, по уточненным подсчетам Сл. Гавриловича, составляла от 45 до 50 тыс. человек³⁰. На территории Белградского пашалыка, по подсчетам Р. Тричкович, оставалось не более 60 тыс. человек³¹. По оценке этих югославских историков, массовая миграция сербского населения в Австрию в 80–90-х годах XVIII в. приобрела столь широкий размах, что многие села Белградского пашалыка были разорены и оставались без жителей, а большая часть его территории заросла лесом³².

3. Основные черты экономического развития балканских владений Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Развитие экономики и особенно торговли в балканских владениях Османской империи зависело не только от состояния внутреннего рынка, но и в значительной, а может быть, даже в большей степени от внешнего рынка, поскольку через них проходили сухопутные и водные пути, которые связывали государства Центральной Европы со странами Ближнего и Среднего Востока. Попытки подчинения османской экономики европейскому торговому капиталу предпринимались еще в конце XVII – начале XVIII в., но наиболее активное и целенаправленное его проникновение началось во второй половине XVIII в., когда австрийская ориентальная торговая кампания, вытеснив дубровницких и венецианских купцов, учредила свои филиалы в Белграде, Триесте и Риеке³³. Хотя в начале XVIII в. в Османской империи был принят закон, который разрешал христианскому населению записываться в ремесленные цехи (эснафы), однако из-за частых массовых миграций и изменения этнического состава населения городов Северной Сербии ремесло там развивалось медленно и поставляло мало продукции на внутренний и внешний рынки. Основную часть городских ремесленников составляли турки и янычары. Они были преимущественно кузнецами, оружейниками, сапожниками, поварами, парикмахерами. Сербь и цыгачары были чаще всего плотниками, скорняками, красильщиками, гончарами, ювелирами. Их изделия реализовывались в основном на местном рынке и реже вывозились за пределы своих городов и сел. В отличие, например, от боснийских ремесленников, эснафы которых были прочно связаны с янычарскими организациями, сербские ре-

месленники, включая и белградских, хотя и имели свои эснафы, но не были связаны с янычарами и поэтому не представляли сколько-нибудь влиятельной силы в городах³⁴.

Переселявшиеся в пределы Австрийской империи беженцы из балканских владений Порты расселялись, как правило, в пограничных с Турцией селах и зачислялись в полки, несущие охрану границы. Границары - так называли эту категорию переселенцев - становились прослойкой, через которую осуществлялась связь между этнически родственными народами Османской и Австрийской империй. Эти связи в определенной мере оказывали влияние на развитие экономики, национального самосознания и на формирование общности политических интересов³⁵. Меньшая часть переселенцев оседала в таких городах Австрии и Венгрии, как Нови-Сад, Землин, Мишколец, Пешт, Сегед, Дебрецен и др.³⁶. Эти люди преимущественно занимались торговлей. Кроме того, в городах Австрийской империи жителями Османской империи создавались торговые колонии. Например, в Вене в 1766 г. активно функционировала "греко-ориентальная" колония, в которой насчитывалось 321 человек, из них 268 были люди греческого исповедания, армян - 21, евреев - 19, турок - 13 человек. Большую часть турок составляли янычары³⁷.

Из Австрийской в Османскую империю ввозились: зерно, изделия из железа (гвозди, подковы и др.), орудия земледелия (плуги, косы и пр.), стекло, фарфор, медь, свинец, оружие, медикаменты, предметы роскоши и пр. Из Османской империи в Австрию ввозились: скот, шерсть, кожи, лес, воск, мед, говяжье и свиное сало и другие продукты сельского хозяйства. Торговля скотом, вывозимым из балканских владений Турции, была сосредоточена преимущественно в руках цынцар и в меньшей степени сербов. Она велась под строгим контролем местных янычар, поскольку на их содержание были отданы деньги с пошлин, которые взимались турецкими властями на пограничных переправах, расположенных между Шабацем и Поречем. В обход установленных янычарами порядков сербские крестьяне были вынуждены продавать свой скот от имени патентованных купцов, большая часть которых жила в городах Южной Венгрии, а меньшая - в Белграде. Сербские торговцы скотом выступали как посредники. Они пригоняли стада волов или свиней на пограничные с Австрией базары или в порты Адриатического моря, выдавая себя за представителей одной из торговых компаний. Лишь немногие из сербских посредников смогли организовать свое дело. Когда это им удавалось, они нанимали для работы в хозяйстве работников (момков)³⁸.

Развитию экономики и торговли в балканских владениях Османской империи весьма существенно мешали не только существующие ограничения со стороны центральной и местных властей, но и частые австро-турецкие войны, эпидемии чумы, которые имели место в 1774 г. и с конца 1792 по 1795 г., массовые миграции, а на рубеже XVIII-XIX вв. - междоусобные войны пашей, разбои и т.д. Наиболее неблагоприятная ситуация для развития экономики и торговли сложилась накануне, во время и

после австро-турецкой войны 1788–1791 гг. и последовавшей затем эпидемии чумы, которая свирепствовала в Белградском пашалыке и в Боснии. Чумная зараза погубила не только массу народа, но и значительную часть скота. В связи с этим на границах с Австрией и в портах Адриатического моря были учреждены карантинные пункты, которые функционировали до 1797 г.³⁹ Провоз товаров и проезд путешественников через Белградский пашалык были запрещены до 1795 г. Один из попутчиков английского посланника Р. Листона, направлявшегося в апреле 1794 г. из Вены в Константинополь, так описывал обстановку, сложившуюся в Белградском пашалыке во время чумы: "В Темишваре нас встретил курьер, сообщивший нам, что дороги через Землин и Белград... стали исключительно опасны из-за свирепствовавшей в то время чумы, а также из-за действий вооруженных бандитов, взбунтовавшихся против Высокой Порты, опустошавших окрестности и обиравших всех путешественников, встречавшихся на их пути. По этим соображениям посланник (Роберт Листон.- В.Г.) решил, что мы поедем по более длинному пути через Трансильванию и Валахию"⁴⁰. В конце сентября 1794 г. русский вице-консул Равич также сообщил из Бухареста: "Моровая язва в Белграде продолжается; теперь она оказалась в Паланке, против Орсова"⁴¹.

В других пашалыках Румелии на рубеже XVIII–XIX вв. экономическое развитие и торговые связи также были нарушены междоусобной враждой пашей, набегами разбойников, массовым бегством христианского населения за пределы Османской империи. Во время трех походов войск румелийской оппозиции на Константинополь в начале XIX в. движение торговых караванов от Белграда до Солуни прекращались, а в апреле 1801 г. из-за боязни разбоев на дорогах многие торговые люди не смогли приехать на известную Сливенскую ярмарку⁴².

4. Характеристика общего состояния военно-ленной (тимарной) системы и эволюции социально-политических отношений в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Составлявшие основу государственного, военного и социально-политического устройства Османской империи военно-ленная, или тимарная, система, по мнению большинства историков, начала распадаться где-то в конце XVI – начале XVII в. К середине XVIII в. число спахийев-тимариотов сократилось в 10 раз. Если в середине XVII в. спахийское войско состояло из 200 тыс. конных воинов, то к началу XVIII в. оно сократилось до 20 тыс.⁴³ В Белградском пашалыке, например, в середине XVIII в. числилось около 800 спахийев-тимариотов, а в 1775 г. их стало лишь 400. Причину такого сокращения мухафиз Белграда Сеид Хасан-ага объяснил тем, что отдельные спахии незаконным путем присвоили себе по 8 и более тимаров. В 80-х годах XVIII в. тимары и зеаметы уже официально передавались по наследству не только сыновьям, но и другим родственникам.

При создании оборонительной системы балканских владений особое внимание уделялось строительству крепостей и укомплектованию крепостных гарнизонов, основу которых составляли янычары, не принадлежавшие в отличие от спахиев к феодальному классу. В конце XVII в. янычарский корпус состоял из 70 тыс. человек, а в начале XVIII в. в нем числилось только около 35 тыс. воинов. С XVIII в. служба в янычарском войске стала наследственной. В янычары записывали только детей янычар⁴⁴. Во второй половине XVIII в. общая численность янычарского корпуса вновь увеличилась до 54 тыс. человек, из которых 21,5 тыс. были приписаны к крепостным гарнизонам и назывались ямаками⁴⁵. В белградском гарнизоне, например, по спискам выдачи жалованья числилось: в 1742 г. - 4694, в 1779 г. - 6192, в 1788 г. - 7729 ямаков. Однако указанные в списках количества людей не соответствовали числу находившихся на службе. Например, в 70-х годах XVIII в. в белградском гарнизоне числилось 6192 ямака, а службу несли не более 3 тыс. человек. Остальные, по заключению акта ревизии за 1779 г., появились в Белграде только в день выдачи жалованья. В том же акте отмечалось, что командиры янычарских орт (орта - отряд в 600 человек) при подаче списка дневных рационов питания увеличили вдвое число людей. Во второй половине XVIII в. жалованье янычар было значительно меньшим, чем у спахиев на жалованье, и выдавалось с большими задержками. Из-за нехватки воинов для несения гарнизонной службы в Белграде в 80-х годах XVIII в. янычар приходилось набирать из других категорий населения, проживавшего в разных городах Румелии и даже Анатолии. В частности, в 1782 г. для белградского гарнизона было завербовано 3500 янычаров, из которых 500 были жителями Анатолии⁴⁶. На рубеже XVIII-XIX вв. быстро растет влияние янычар на экономическую жизнь балканских владений империи. Данные им привилегии в сфере торговли, ремесла, а также причастность к откупам и ростовщичеству позволили им вторгаться практически во все сферы хозяйственной деятельности. Из-за этого многие жители балканских городов записывались в янычары без обязанности несения военной службы и без права на получение жалованья⁴⁷. В середине XVIII в. янычары вслед за спахиями стали приобретать в частное пользование земельные участки-чифлики (или, как их называли сербы, читлуки), на которых затем закрепляли крестьян.

Процесс закабаления крестьян на читлуках известен в истории балканских народов под названием читлученье. Он достиг значительных размеров в конце XVIII в., а его наиболее бесчеловечные формы зафиксированы в южных областях Румелии и в Боснии⁴⁸. В 60-80-х годах XVIII в. большинство янычарских командиров и некоторые рядовые янычары стали брать на откуп государственные и спахийские налоги, чем еще больше укрепили свое социально-политическое положение в провинции. Путем подкупа и насильственных захватов некоторые из янычар добивались аянских мест и других должностей в сфере местного управле-

ния, что вызывало недовольство провинциальных спахий и местного населения. К концу XVIII в. это недовольство переросло в междоусобную вражду, сопровождавшуюся непрерывными жалобами султану и кровопролитными стычками, в которые втягивалось местное, в том числе и христианское, население. Одной из причин, вызывавших вражду между янычарами и спахиями, была борьба за получение выборной должности аяна.

История формирования института аянов до сих пор остается не совсем ясной и продолжает вызывать споры среди историков⁴⁹. Во всяком случае известно, что в 1726 г. был издан закон, согласно которому провинциальные аяны выбирались влиятельными жителями городов и нахий без вмешательства в выборы со стороны санджакбеев. Однако за санджакбеями оставалось право утверждать избранных, которым они после согласования этих кандидатур с бейлербеем Румелии, выдавали документ (аяндык буйрулдусу)⁵⁰. В середине XVIII в. в сферу деятельности аянов входили: контроль за правильностью распределения и сбора общественных налогов, надзор за своевременным и правильным набором войск в округах и за деятельностью органов местной власти⁵¹. Русский посланник в Османской империи В.С. Тамара писал в 1800 г., что аян — это старейшина города, "командующий небольшим числом войск доброй воли"⁵².

Место выборного аяна позволяло брать на откуп наиболее выгодные налоги и незаконно присваивать значительные суммы денег. В середине XVIII в. со всех концов империи в столицу шло множество жалоб на злоупотребления провинциальных аянов, а в некоторых нахиях против них поднимались восстания. В частности, такое восстание в Ужицкой нахии Смедеревского (Белградского) пашалыка в середине XVIII в. поднял шейх Мехмед. В письме белградскому паше он писал, что утвержденные пашой аяны в санджаке фальсифицировали фирман султана и брали с народа незаконные налоги. Аян Ужицкой нахии, писал шейх, собрал вокруг себя до сотни разбойников, которые по его приказу арестовывали крестьян и силой принуждали их платить деньги сверх законных обложений. Однако подобные жалобы, как правило, оставались без внимания, поскольку сами санджакбеи часто сами пользовались подобными методами. Например, так поступали паша Крушевацкого санджака, спахий Лесковацкого санджака и др.⁵³. В 50-х годах XVIII в. жители Белградского пашалыка писали султану, что местные аяны обложили незаконными налогами население всех 12 нахий, что явилось причиной массового бегства сербов в пределы Австрии⁵⁴. В 1779 г. был издан закон, запрещавший пашам утверждать на аянские должности людей, избранных из числа наемников (арнаутов), которые чаще других добивались этого доходного места⁵⁵.

Несмотря на ограничительные законы и постановления, должности местных аянов и янычарских начальников в 80-х годах XVIII в. стали захватываться силой. Так поступил, в частности, предводитель кирд-

жалийского отряда некий Ибрагим, который самовольно занял место янычарского начальника в г. Балчик и назначил своего отца аяном этой же нахии. Братья и другие родственники Ибрагима сформировали из местных жителей и дезертиров вооруженный отряд и занялись грабежом соседей. В 1783 г. в Сливенской казе за место аяна боролись четыре претендента. Один из них, Мехмед Хумбурджи, с сыновьями, набрав отряд из болгарских крестьян и дезертиров также узурпировал должность аяна и занялся грабежом Севлиевской и Плевенской каз. Для своей противозаконной деятельности многие аяны чаще всего привлекали уволенных с военной службы людей, которые в поисках средств к существованию объединялись в небольшие отряды и нанимались на временную службу к непокорным Порте пашам и аянам или грабили на больших дорогах. Членов этих небольших, но повсеместно распространившихся отрядов называли кирджалиями, а их предводителей — дахиями. В кирджалийские отряды вступали лица разных национальностей и вероисповеданий. Основные черты кирджалийства как широко распространившегося явления сформировались также к середине 80-х годов XVIII в.⁵⁶ На рубеже XVIII-XIX вв. кирджалийское движение приобрело столь широкий размах, что у Порты не хватило сил и опыта для борьбы с ним. Обсуждая эту проблему с русским посланником В.И. Кочубеем, рейс-эфенди Мустафа Челеби был вынужден признать, что истребление кирджалиев по пашалыкам не дало положительных результатов, поскольку они без труда уходят от войск пашей. Чтобы истребить их разом, нужна армия в 30-40 тыс. человек, а такое войско, по признанию самого же рейс-эфенди, пишет Кочубей, "хуже зла, ибо армия сия сделает земле в один месяц более разорений, нежели даглы (предводители кирджалиев. — В.Г.) в целый год"⁵⁷.

К середине 80-х годов XVIII в. в балканских владениях Османской империи достаточно четко обозначились три оппозиционные правительству силы: непокорные Порте управители некоторых пашалыков, кирджалии и местные аяны, вокруг которых группировались недовольные его политикой элементы. Между этими силами чаще всего не было единогласия, хотя порой и заключались временные союзы. Правительство со своей стороны вполне сознавало возможную угрозу со стороны этих сил и всеми доступными средствами вело с ними борьбу, стараясь не допустить объединения их усилий.

Так, в 1785 г. был издан закон об упразднении института аянов, который гласил: Во всех городах и казах (Османской империи. — В.Г.) появились по два-три аяна, которые, нарушая законы, самовольно вносят изменения в тевзи дефтерлери, облагают население незаконными налогами, грабят и притесняют бедную райю и ради своих корыстных интересов опустошают страну... Люди случайные, занявшие должность аяна при помощи взяток и подарков, начали захватывать административное управление в провинции. Исходя из этого, мы решили упразднить впредь

должность аяна повсюду в империи, а функции аяна передать городским старейшинами (кетхуда). Пусть старейшины городов сами выберут кандидатов на эту должность, а мы утвердим их. Отныне запрещается даже произносить слово "аян" ⁵⁸.

5. Политическая ситуация в балканских владениях Порты накануне и в период реформ 90-х годов XVIII в.

По условиям австро-прусской конвенции, заключенной в Рейхенбахе 27 июня 1790 г., Австрия обязывалась прекратить военные действия с Турцией, вывести свои войска с оккупированной территории и в дальнейшем сохранять нейтралитет в отношении этого государства⁵⁹. В соответствии с этим между Австрией и Турцией было заключено перемирие, по которому турецкие войска не должны были вступать на оставленные австрийцами земли до заключения мирного договора. Населению, проживавшему на этой территории, предоставлялось право выбора: оставаться на месте или переселиться в Австрию. В связи с этим еще до начала переговоров сюда прибыл из Бачки сербский епископ Й. Йованович, который по поручению венского двора должен был агитировать за переселение населения в Австрию. Порта, со своей стороны, отдала приказ сераскеру Румелии усмирить райю, проживавшую на территории от Ниша до Софии, и любыми способами удерживать христиан от переселения в Австрию⁶⁰. Летом 1790 г. епископ Й. Йованович передал обращения сербов, адресованные австрийскому правительству и русской императрице Екатерине II, чтобы Австрия и Россия при заключении мира с Портой добивались облегчения положения сербского народа, который останется жить в Османской империи. В конце декабря 1790 г. в Систове начались австро-турецкие переговоры, а в феврале 1791 г. прибывшая в Вену сербская депутация во главе с архимандритом Троношского монастыря Ст. Йовановичем, вручила Леопольду II новое обращение с просьбой, чтобы император "своим мощным посредованием" облегчил судьбу сербского народа при заключении мирного договора с Портой.

Пока продолжались переговоры уполномоченных обеих сторон в Систове, в Темишваре в мае 1791 г. проходили заседания сербского народно-церковного собора, в которых принимали участие митрополит М. Путник, епископ Й. Йованович, архимандрит Ст. Йованович и ряд влиятельных сербских старейшин. Во время его заседаний, как предполагают некоторые югославские историки, возможно, была выдвинута идея добиваться включения в австро-турецкий мирный договор особой статьи о сербах. Согласно этой статье, Порта предоставила бы турецким сербам автономные привилегии, которыми пользовалась в то время Валахия. Во всяком случае, в обращении к венскому двору, которое от имени сербов Белградского пашалыка передали Ст. Йованович, архимандрит В. Радосавлевич и протоиерей Й. Милович, выражалось пожелание в одной из статей готовящегося договора зафиксировать право сербов выбирать из своей среды начальника (коменданта), чтобы он, подобно господарю Валахии, мог бы

сбирать с народа налоги и передавать их один или два раза в год (одсек) турецкому султану⁶¹. Поскольку мирные переговоры в Систове подходили к концу и у сербских депутатов не было времени взять новое прошение в Вену, то непосредственно в Систов поехал один Ст. Йованович. Не желая усложнить ситуацию на переговорах, австрийские власти задержали Ст. Йовановича в Темишваре и выслали в Белград⁶².

Систовский мирный договор между Австрией и Османской империей был подписан 4 августа 1791 г. По его условиям Австрия возвращала Порте все оккупированные во время войны территории, а Порта гарантировала сербам амнистию и обязывалась признать австрийское подданство за теми людьми, которые переселились в Австрию. Систовский договор вызвал недовольство сербов и надолго подорвал их доверие к политике венского двора⁶³.

В конце августа 1791 г. в Константинополе началось обсуждение вопросов, связанных с организацией управления на оккупированных ранее австрийцами территориях, и дело белградских янычар, которые обвинялись в злоупотреблениях по отношению к сербскому населению и преднамеренной сдаче австрийцам Белграда. Турецкий диван принял решение вывести из Белградского пашалыка все янычарское войско и сформировать в городах новые гарнизоны по типу боснийских капетаний, люди для которых должны набираться только в Боснии. Земельные участки (читлуки) прежних янычар по решению дивана конфисковывались в пользу государства, а затем подлежали распродаже новым поселенцам. В отличие от янычар спахии наделялись тимарами, но при условии соблюдения законов и правил, введенных в Белградском пашалыке в 1741 г. В связи с тем что во время войны были сожжены и разрушены многие села, диван принял решение о строительстве новых сел в Белградском пашалыке, основную часть которых предполагалось разместить вдоль дорог, соединявших Белград с Нишем и Боснией. В феврале 1792 г. Порта приняла решение о создании особой кассы, деньги из которой должны были идти на формирование войск нового типа. Позднее ее стали называть "реформной кассой". В связи с этим было решено взимаемые с Белградского пашалыка деньги в счет джизье и с откупов передавать в "реформную кассу"⁶⁴. Мухафизом Белградского пашалыка был назначен сераскер Румелии Бекир-паша.

По принятии от австрийского командования возвращенной Османской империи территории Бекир-паша в конце сентября 1791 г. прибыл в Ниш и начал переговоры с сербскими кнезами об условиях возвращения сербов и расселения в пашалыке новых поселенцев, о взаимоотношениях населения со спахиями и органами местной и центральной власти. Мухафиз объявил депутатам, что, помимо прощения за участие в войне, Порта освобождает сербское население пашалыка от всех налогов на три года. Он сообщил также, что ненавистные населению янычары будут выведены из пашалыка, а три янычарских начальника, которые были инициаторами всех злоупотреблений и зачинщиками беспорядков, будут казнены. Только после этих переговоров турецкие войска были введены на территорию

Белградского пашалыка: 20 октября они заняли Смедерево, 23 октября — Белград, 30 октября 1791 г. — Шабац. В марте 1792 г. в Белград прибыл новый белградский митрополит Мефодий.

Решение дивана о выводе из пашалыка янычар вызвало в их среде сначала общее негодование, а затем открытый бунт. Янычары потребовали вывести из Белграда набранные в Боснии войска, а когда Бекир-паша отказался это сделать, они принудили босняков к этому силой. "Белградские янычары, — пишет А.С. Хвостов, — чинят разные наглости в оной крепости и удаляются от повиновения паше. Они дрались беспрестанно с бошняками, составляющими по повелению султана часть тамошнего гарнизона, до тех пор пока первые (янычары. — В.Г.) не одержали верх над последними и не вытеснили их из крепости, после чего остались спокойными обладателями сей крепости"⁶⁵. Одержав верх над босняками, белградские янычары направили султану прошение об отмене решения об их выводе из пашалыка, но Селим III в июле 1792 г. отклонил их апелляцию. В ответ янычары в августе 1792 г. самовольно заняли Смедерево и Пожаревац, а в октябре 1792 г. приумножили свои силы в Белграде. Для подавления янычарского бунта в Белград был назначен новый мухазиз Топал Ахмед-паша, который и изгнал янычар из Белграда⁶⁶. Ахмед-паша с переменным успехом воевал с янычарами до лета 1793 г., когда почти весь Белградский пашалык был охвачен эпидемией чумы. В отдельных пунктах появление чумы было зафиксировано еще зимой 1792/93 г., а летом 1793 г. она приобрела размах эпидемии и свирепствовала до 1795–1796 гг. Остававшееся в пашалыке население, поспешно покидая города и села, уходило в его более безопасные восточные районы.

Именно на этот период и приходится первый этап введения султаном Селимом III новых реформ низами-джедид. Война 1787–1791 гг. с Россией и Австрией еще больше расшатала тимарную и финансовую систему Османской империи и до предела осложнила политическую обстановку в ее балканских владениях. Вступая на престол в 1789 г., новый султан Селим III обратился к дивану с речью, в которой с тревогой сказал: "Страна погибает, еще немного и ее уже нельзя будет спасти"⁶⁷. На вопрос султана о том, как обстоят дела в балканских владениях, казаскер Румелии ответил, что люди покидают там свои дома, земли, имущество и уходят за пределы империи. Массовое бегство населения, пояснил казаскер, опасно еще и тем, что оно разлагает и дезорганизует армию⁶⁸.

Выход из создавшегося положения Селим III и группа высокопоставленных чиновников видели в проведении серии реформ в экономической, административной, религиозной и других сферах государственной и общественной жизни хиреющей империи. Но для этого необходим был мир. Мысль о мире с Россией возникла у политиков Османской империи уже во время заключения Систовского договора. Воспользовавшись недовольством султана непостоянством союзных Порте держав, Исмет-бей, Дурри-эфенди и другие сановные вельможи высказались за мир с Россией, а

султан поручил рейс-эфенди довести это предложение до сведения русских дипломатов⁶⁹.

Совокупность начатых еще во время войны реформ, которые Селим III безуспешно пытался ввести в течение всего своего правления (1789–1807 гг.), вошла в историю под названием "низами-джедид", т.е. новая система правления⁷⁰. В 1792 г. были приняты закон о новых правилах пользования тимарами и зеаметами⁷¹, закон о передаче мукатов и джизье с Белградского пашалыка в пользу "реформной кассы", финансировавшей мероприятия, связанные с проведением новых реформ и другие постановления⁷². Вторая группа законов была утверждена султанскими фирманами в 1793 г.⁷³ Поверенный в делах России в Османской империи полковник А.С. Хвостов 16 января 1793 г. сообщил в Петербург по этому поводу, что Порта продолжает работать над "уложением новых уставов", из которых, пишет он, "примечания достойны: улучшение судьбы раев, свободнейшее отправление веры их и другие выгоды ... учреждение не лишать жизни пашей, а наказывать их ссылкой и прочее". Однако эта законодательная деятельность, заключает Хвостов, "находится в состоянии слабости и робости, сколько то ни скрывают"⁷⁴. 18 февраля 1793 г. был принят закон о налоге на скот, исходя из цен, по которым он продается в Константинополе. "Сей подбор, — пишет Хвостов, — приносит значительный доход в столице, а не в лежащих в отдалении областях, поскольку во оных народ доведен до множества новых налогов и иных чрезвычайных тягостей до такой степени отчаянности, что из одной провинции Морейской число переселившихся в венецианские и австрийские области греческих семей простирается уже за 40 тысяч"⁷⁵. Тогда же были подготовлены законы о сокращении жалованья янычарам, ограничении их привилегий и переводе всех янычар в отдаленные провинции империи⁷⁶. 19 марта 1793 г. А.С. Хвостов сообщил об издании закона о сокращении числа трехбунчужных пашей, которые, пишет он, стали "неограниченно мощны и чрезвычайно удручали земли им подвластные". Согласно новому закону, своих представителей (капукегайя) в Константинополе могут иметь только те паши, которые управляют пашалыками. Этот же закон предусматривал выплату постоянного жалованья всем высшим военачальникам и запрещал им пользоваться любыми посторонними доходами, как они это делали ранее. Тогда же был издан указ, запрещающий раие носить одежду из суконных и шелковых тканей. Введение этого правила было связано с разработкой проекта заведения фабрик по производству собственных тканей⁷⁷.

Закон о расформировании янычарского корпуса вызвал в апреле 1793 г. бурное негодование как среди столичных, так и среди провинциальных янычар. Они повсеместно отказывались повиноваться распоряжениям Порты, за что были лишены права собирать деньги с христианского населения во время пасхальных праздников. В поисках средств укрощения янычар Порты, пишет Хвостов, начала "привлекать к себе сердца подданных греческого исповедания, позволением свободным и не

мздоимным возобновлять здесь греческого исповедания церкви, по ныне ни за какие деньги на то позволение получить не могшие". Но против этого постановления восстало мусульманское духовенство, которое стало открыто роптать против султана, объявляя все новые реформы незаконными, поскольку они противоречат канонам Корана и шариата⁷⁸. Чтобы усмирить недовольство столичных янычар и улемов, Порта всенародно объявила об отмене закона о расформировании янычарского корпуса в столице. Вместо этого султан издал указ о создании корпуса новых войск, которые должны обучаться по образцу европейских армий. Для этой цели были выделены особые фонды и назначены специальные люди. В частности, капиджи-баша Якуб-ага получил приказ без особой огласки набирать в войско немцев, поляков и людей из других государств⁷⁹. Для их обучения были приглашены кадровые офицеры из Франции, Австрии и Польши. Однако и эта затея не дала желаемых результатов. Вместо запланированных 2 тыс. человек Якуб-ага к январю 1794 г. завербовал не более 700 наемников, из которых 200 человек по получении денег бежали и присоединились к румелийским мятежникам⁸⁰. В надежде сохранить янычарское войско некоторые из начальников янычарских орт подали султану прошение, в котором предлагали реорганизовать его по образцу западноевропейских армий. Селим III поддержал их инициативу и даже согласился не трогать древних привилегий янычар.

Повсеместное введение реформ низами-джедид в 1793 г. и приказы о переводе янычар в отдаленные провинции империи резко и неожиданно для Порты осложнили ситуацию в ее балканских владениях. На докладе великого визиря от 21 ноября 1793 г. султан наложил весьма любопытную резолюцию, в которой коротко и ясно характеризуется расстановка оппозиционных Порте сил в ее балканских владениях: "Мой визирь, - пишет султан, - шкодринское восстание, действия изгнанных из Белграда янычар и разбойников-даглиев, - все это слилось в одно дело. А в том, что это случилось так, мы все тому являемся немалой причиной. Еще во время твоих предшественников я несколько раз писал как по вопросу Кара-Махмуда (Бушатли. - В.Г.), так и о разбойниках-даглиях, но этого никто не хотел слушать. Вот почему случилось то, отчего опустошены многие провинции и проистекают причины нашего унижения со стороны наших неприятелей"⁸¹. Начавшаяся в Белграде эпидемия чумы также способствовала усилению беспорядков. "Грабежи и убийства в Румелии, - пишет в Петербург русский посланник в Османской империи В.П. Кочубей в апреле 1794 г., - производятся ныне с великим успехом для разбойников. Сии злодеи едва ли не сделаются обладателями всех проходов, через которые все путешественники должны проезжать"⁸². По приказу из Константинополя румелийские власти в мае 1794 г. казнили многих кирджалиев и янычар - зачинщиков беспорядков. Но даже самые суровые меры не могли усмирить нарастающую волну беспорядков, которая захлестывала все новые и новые области балканских владений империи. Расстроенное состояние в государстве, по наблюдениям В.П. Кочу-

бея, было вызвано в добавок ко всему еще и нехваткой хлеба. В одном из доверительных разговоров рейс-эфенди признался Кочубею, что голод в стране "почти генеральный и что не помнят примеров, чтобы все провинции равномерным почти образом недостаток в хлебе терпели. Худое управление превосходит подлинно всякое воображение, а слабость оно-го наносит ему ежечасно новые хлопоты"⁸³.

К лету 1795 г. янычары, по словам Кочубея, начали "явно злословить султана" за то, что он пренебрег древними обычаями Османов, презирает своих верных слуг-янычар и отдает предпочтение новым родам войск, и прежде всего артиллерийскому корпусу. Дело дошло до того, что янычарский гарнизон в Салониках отказался принять присланного из столицы начальника, выбрав командиром одного из своих сослуживцев. Прибывший из Константинополя для восстановления порядка чиновник (мубашир) также был изгнан из города. От начавшихся в Салониках беспорядков пострадали прежде всего местные жители. Для защиты от произвола и грабежей один из салоникских горожан организовал из жителей отряд самообороны. Но прибывшие на подавление янычарского бунта войска местного паши объявили горожан зачинщиками бунта и выбили их из города. Поднявшиеся на свою защиту греки были вынуждены скрываться в окрестностях города, добывая себе пропитание грабежом⁸⁴. Другой причиной, вызывавшей частные бунты янычар, было сокращение выдаваемого им жалованья. Так, в 1795 г. общая сумма, выделяемая на жалованье янычарам, была урезана до 200 тыс. пиастров. Из них бейлербею Румелии было выделено 50 тыс. пиастров, видинскому паше - 15 тыс. пиастров, а другим румелийским пашам - еще меньше. Чтобы удержать янычар от бунтов, Порта издала секретный приказ: в дни выдачи янычарам жалованья местные власти должны выставлять усиленные караулы, закрывать все питейные заведения и тайно убивать тех, кто будет замечен в подстрекательстве к бунту. Поскольку новые войска не были в подчинении пашей и бейлербея, то и последние были недовольны сокращением ассигнований на содержание янычар⁸⁵.

Во второй половине 90-х годов XVIII в. главное внимание уделялось реформам, призванным пополнить государственную казну за счет введения дополнительных налогов в Румелии, Анатолии, Сирии и других областях империи. В частности, дополнительно была введена десятина с любой производимой населением продукции, были повышены таможенные тарифы, изменен порядок пользования спахилуками и т.д. За уклонение от воинской службы спахийские владения по новым правилам подлежали конфискации в пользу ведомства, финансировавшего новые рода войск. Тогда же были повышены налоги на хлопок, скот, вино и другие продукты сельского хозяйства. Задача новых реформ в основном сводилась к созданию независимого от провинциальных пашей войска нового типа, на силу которого могло бы опереться правительство для осуществления последующей коренной перестройки всего управления и подготовки новых кадров для

центральных органов военного и государственного аппарата⁸⁶. Всеобщее недовольство деятельностью Порты, отсутствие необходимых средств и опыта заранее обрекали новые реформы на неудачу, а неуверенность правительства и плохая организация дела вносили еще большее расстройство и анархию в существующую систему управления империей. К концу XVIII в. большая часть реформ так и не была введена в жизнь, а основная опора правительства – воинские подразделения нового типа (или низамы, как иногда называли их современники), были крайне малочисленны и не могли решать те задачи, которые намеревались поставить перед ними султан Селим III и его немногочисленные сторонники. В связи с этим В.П. Кочубей писал в 1798 г.: "Ныне же совсем сие упало, и едва только малое заведение пехоты в Левент чифтлике остается. Артиллерию же продолжают заниматься..."⁸⁷.

По замыслам Селима III, общая численность подразделений нового войска должна была быть доведена до 12 тыс. человек, но поскольку это нововведение вызвало всеобщее недовольство, то было набрано лишь 1600 человек. Они были разделены на два пехотных полка и получили название "бастанджии". На азиатском берегу (в Скутари) в полку бастанджиев насчитывалось не более 400 человек. Кроме того, к 1800 г. был создан эскадрон регулярной конницы в 300 сабель. "Все сии войска, – пишет Тамара, – безобразны, склонны к побегам и своевольны, но при случае употребления малой части их прошедшей весной при Родосте против дагльев...оказались хороши вместе с командирами турецкими; также вместе с оными защищались с отличною храбростию в Яфе против генерала Бонапарте"⁸⁸.

Подводя итог рассмотренному в этой главе материалу, можно с полным основанием утверждать, что существующая до сих пор в историографии концепция о благоприятных условиях для экономического и общественного развития, которые сложились в Белградском пашалыке в последнем десятилетии XVIII в., противоречит реальной действительности. При разработке основных положений этой концепции ее основоположники и их последователи, руководствуясь формально-юридической методикой исследования, ограничились анализом в основном одних привилегий, которые были изложены в фирманах 90-х годов XVIII в. Они игнорировали факты, которые характеризуют реальную демографическую, экономическую и социально-политическую ситуацию, сложившуюся в тот период в балканских владениях Османской империи вообще и в Белградском пашалыке в особенности. Между тем анализ конкретных фактов свидетельствует, что после ухода австрийских войск из оккупированных ими районов Северной Сербии там сложилась на редкость неблагоприятная для нормальной экономической и социально-политической жизни обстановка. Послевоенная разруха, массовое переселение христианского населения (свыше 50 тыс. человек) в австрийские владения, необузданный разгул кирджалийских и разбойничьих шаек вряд ли могли способствовать восстано-

лению и тем более благоприятному развитию экономики и стабилизации политической жизни в городах и селах Белградского пашалыка. Свирепствовавшая с конца 1792 по 1795 г. в Белградском пашалыке и в Боснии эпидемия чумы еще больше осложнила ситуацию. В данной связи достаточно напомнить, что в конце 1794 г. в Белградском пашалыке по документам числилось не более 20 тыс. налогоплательщиков. Вполне естественно предполагать, что при такой демографической ситуации объявленные Портой в 90-х годах привилегии были мало эффективны. Издавая фирманы с привилегиями, султан и Порты, видимо, прежде всего рассчитывали на то, чтобы приостановить процесс эмиграции из империи, вернуть из Австрии часть переселившегося туда сербского населения и привлечь для поселения в Белградский пашалык людей из других балканских областей. Не трудно представить, что для восстановления разрушенных войной сел и строительства новых, для возрождения сельского хозяйства, ремесел, торговли и других сфер экономической и социально-политической жизни нужны были люди и не менее 10-15 лет упорного труда. Но активное заселение Белградского пашалыка могло начаться только после прекращения эпидемии чумы, влияние последствий которой на демографическую ситуацию, социально-экономическую и политическую жизнь в нем сказывалось до 1797 г. Именно тогда были сняты карантин, организованные во время чумы на границе с Австрией и в адриатических портах, которые существенно ограничивали передвижение населения и внешнюю торговлю.

Если принять во внимание и политическую ситуацию после того, как в январе 1799 г. султан Селим III разрешил янычарам вновь поселиться в Белградском пашалыке, захват дахиями власти в пашалыке, убийство ими белградского визиря, отмену ими же объявленных в 1793-1794 и 1796 гг. привилегий сербскому населению, то становится вполне очевидным, что начавшие заселять Белградский пашалык люди уже не могли воспользоваться этими привилегиями.

ледовательность концепции, выдвинутой некоторыми югославскими историками в 50-х годах XX в., которую до сих пор продолжают развивать их последователи в СФРЮ и за ее пределами.

Стремясь обосновать положение о том, что сербское восстание 1804-1813 гг. параллельно с национально-освободительной попутно решило задачу буржуазно-демократической революции, эти историки, абстрагируясь от реальной демографической и социально-политической ситуации в балканских владениях империи на рубеже XVIII-XIX вв. и основываясь только на анализе привилегий, данных сербскому населению Белградского пашалыка в фирманах 90-х годов, моделируют процесс формирования предпосылок восстания 1804 г. по известной в марксистской историографии схеме разложения феодального строя и формирования в недрах феодальной формации компонентов буржуазных отношений, развитие которых, как правило, приводит к буржуазной революции. Однако столь сложный и многогранный процесс сторонники данной концепции пытаются "уложить" в такие

хронологические и территориальные рамки, которые определяются одним десятилетием (1793–1803 гг.) и границами одного, к тому же пограничного, Белградского пашалыка. Последователи такой теории считают вполне приемлемым определять происходившие в этих временных и территориальных пределах процессы понятиями и категориями формационного значения, которыми пользуются историки-марксисты для оценки широкомасштабных процессов, пробивавших себе дорогу в течение ряда веков в границах одного или нескольких государств мира. С нашей точки зрения, такой подход к оценке событий в Белградском пашалыке на рубеже XVIII–XIX вв. является необоснованным ни с фактической, ни с методологической стороны.

Приняв во внимание явное несоответствие ряда основополагающих положений вышеизложенной концепции имеющимся в нашем распоряжении фактам, автор пришел к заключению, что правильное и объективное решение проблемы формирования предпосылок сербского восстания 1804 г. следует искать, идя по пути анализа реальной ситуации, сложившейся не только в одном, Белградском пашалыке, но и в тех районах балканских владений Османской империи, где в этот период шло формирование центров оппозиционных правительству сил румелийской провинциальной знати.

¹ Б е с с е А. Турецкая империя: Ее история, статистика, география. М., 1860. Ч. У. 225–226, 254–304.

² Г р а ч е в В.П. Сербская государственность в X–XIV вв.: (Критика теории "жупной организации"). М., 1972. С. 90–198.

³ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 33.

⁴ Русия и българското национално-освободително движение 1855–1878 гг. С., 1987. Т. 1. С. 100–101. Русский вице-консул в Филиппополе Найденов – В.И. Васильчикову, 27 декабря 1856 г.

⁵ Подробнее об этом см.: Ђ о б а н о в и ć Н. Bosanski pašaluk. Sarajevo, 1950. С. 23–24.

⁶ Османская империя... С. 14, 22, 24, 29–30.

⁷ В турецкой историографии рубежом перехода от "эпохи остановки" завоеваний к "эпохе отступлений" принято считать 1683 г., когда турецкая армия была разбита под Веной боевыми австрийскими, саксонскими, польскими и украинскими войсками. Именно тогда, по выражению Ф. Энгельса, "наступательная сила турок была сломлена" и османская экспансия в Европе была приостановлена. Подробнее об этом см.: Г а с - р а т я н М.А., О р е ш к о в а С.Ф., П е т р о с я н Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 74. В и т о л А.В. Османская империя. М., 1987. С. 30–31, 107–108, примеч. 76.

⁸ Историја Београда. Београд, 1974. Кн. 1. С. 605.

⁹ Б о д ж о л я н М.Т. Реформы 20–30 гг. XIX в. в Османской империи. Ереван, 1984. С. 90–91.

¹⁰ В и т о л А.В. Османская империя... С. 43–45.

¹¹ Русский посол в Стамбуле: (П.А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.) / Составители: Арунова М.Р. Орешкова С.Ф. М., 1985. С. 125–126.

¹² Т р и ч к о в и ć Р. Списак мухафиза Београда од 1690 до 1789 гг. // Историјски часопис. XVIII. Београд, 1971. С. 313–327; Историја Београда. Кн. 1. С. 600; Историја Ниша. Ниш, 1983. Т. I. С. 323.

- 13 Числовое разграничение статистических данных по национальному составу приведено так, как это указано в источнике. Эти и последующие данные нашего источника приводятся впервые.
- 14 АВПР. Ф. Канцелярия. 1800. Д. 1921. Л. 408-410. М.А. Милорадович - Кушникову. 4 июля 1808 г.
- 15 Об этом см.: К о н с т а н д и н о в и ћ Н. Београдски пашалук. Београд, 1970.
- 16 П е ј а н о в и ћ Ј. Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1965. С. 77.
- 16а АВПР. Ф. Канцелярия. Вена, 1803. Д. 11492. Л. 430. Приложение к письму Анштетта. № 83, ноябрь 1803 г.
- 17 O t r u b a G. Die Wirtschaftspolitik Maria Theresias. Wien, 1963. S. 169-171.
- 18 ИСН. КњУ, т. 1. С. 345-355.
- 19 П а н т е л и ћ Д. Аустријски покушаји за освајање Београда 1787 и 1788 г. // Глас СКА. ХСУIII. Д.р. 57. Београд, 1921. С. 9-41.
- 20 П е л е п. Пилог проучавањ у колонизације Војводине крајем ХVIII в. Зборник Матице српске за друштвене науке. 29. Нови-Сад, 1961. С. 65.
- 21 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалијско... С. 75.
- 22 П а н т е л и ћ Д. Кочина Крајна... С. 60-63.
- 22а Г а в р и л о в и ћ Сл. Пилог историји трговине и миграције Балкан-Подунавље ХVIII и ХIХ столета. Београд, 1969. С. 141-143.
- 24 V a n i s e k F. Specialgeschichte der Militärgrenze. Wien, 1875. III. S. 65-68.
- 25 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 378.
- 26 П а в л о в и ћ Д. Србија за време последнег аустријско-турског рата (1788-1791 гг.). Београд. 1910. С. 100-102.
- 27 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 388, 394.
- 28 Там же.
- 29 П а в л о в и ћ Д. Србија... С. 179-180, 195, 241.
- 30 Г а в р и л о в и ћ Сл. Прилог историји... С. 162-163.
- 31 Т р и ч к о в и ћ Р. Ниш у ХVIII веку. Ниш, 1983. С. 234.
- 32 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 346.
- 33 O t r u b a G. Die Wirtschaftspolitik... S. 169-171.
- 34 К р и ш е в љ а н о в и ћ Х. Градска привреда и еснафи у Босни и Херцеговине от 1463 до 1851 г. // Годишњак ИДБИХ. Сарајево, 1949. С. 168-209; Историја Београда. Књ 1. С. 678.
- 35 ИСН. Књ IV, т. 1. С. 345, 354.
- 36 Б у р - М а р к о в а М. Балканите и унгарския пазар през ХVIII в. С., 1977. С. 79.
- 37 П а с к а л е в а В. Средна Европа и земите по долния Дунав през ХVIII-XIХ вв. С., 1988. С. 43.
- 38 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 349.
- 39 Г а в р и л о в и ћ Сл. Вести о куги у Србији 1792-1794 гг. // ИЧ. ХХУ-ХХУI. Београд, 1979. С. 279-283; В у к и ћ е в и ћ М. Караџорђе. Књ. 1. С. 178.
- 40 Англијски пѣтеписи за Балканите края на ХUI-30-е години ХIХ в. С., 1987. С. 343.
- 41 АВПР. Ф. Константинополска миссия. Оп. 9. Д. 1172. Л. 47-48. Равич - Кочубеј, 24 септембра 1794 г.

- 42 АВПР. Ф. ГА 7-9. Д. 4. Л. 54. В.Ф. Малиновский - Александру I, 27 апреля (9 мая) 1801 г.
- 43 В и т о л А.В. Османская империя... С. 22.
- 44 П е т р о с я н И.Е. К истории создания янычарского корпуса: Туркологический сборник за 1978 г. М., 1984. С. 191-206.
- 45 Русский посол в Стамбуле... С. 59-60, 132, примеч. 48.
- 46 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 312-313; Историја Београда. Књ. 1. С. 617-632.
- 47 Подробнее об этом см.: Д и м и т р о в Ст. Османски извори... С. 12-14.
- 48 Подробнее об этом см.: Т р и ч к о в и ћ Р. Читлучењ е у Београдском пашалуку у XVIII в. // Сборник филозофског Факултета. Београд, 1970. № XI-1. С. 525-528 и др.; Д о с т я н И.С. Освободительное... .
- 49 Ср: С у ч е с к а А. Пријекло и место ајана...; Он же. Вилајетски ајани...; Он же. Ајани: Прилог проучавању локалне власти...; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалијско ... С. 21-24; В и т о л А.В. Османская империя... С. 26-27; М е й е р М.С. К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в. // Проблемы истории Турции. М., 1978; Он же. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII-XVIII вв. // Османская империя. М., 1986. С. 171-179.
- 50 Б о д ж о л я н М.Т. Реформы... С. 29-30.
- 51 С у ч е с к а А. Ајани... С. 118-126.
- 52 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 916. Л. 59. Тамара - Павлу I. 16(27) июля 1800 г.
- 53 Т р и ч к о в и ћ Р. Буна ужицког шејха Мехмеда 1747-1750 гг. С. 101, 104; Она же. Крушевачки санцакбегови у XVIII в. С. 85-86.
- 54 Историја Београда. Књ. 1. С. 696-698.
- 55 Б о д ж о л я н М.Т. Реформы... С. 31.
- 56 Подробнее об этом см.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалијско... С. 28-29, 50-51, 55-57, 60-61 и др.
- 57 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 816. Л. 50-55. Кочубей - Екатерине II, 1(12) декабря 1795 г.
- 58 Б о д ж о л я н М.Т. Реформы... С. 31-32.
- 59 Z i n k e i s e n J.w. Geschichte des Osmanische Reiches in Europa. Gotha, 1859. Vol. VI. P. 785-787; П а н т е л и ћ Д. Београдски пашалук после Свиштовског мира 1791-1794 гг. Београд, 1927. С. 21.
- 60 Т р и ч к о в и ћ Р. Нишу XVIII веку... С. 234; ИСН. Књ. IV. т. 1. С. 394
- 61 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 304.
- 62 П а н т е л и ћ Д. Београдски пашалук ... (1791-1794 гг.). С. 64-65.
- 63 П а в л о в и ћ Д. Србија ... С. 243-244; ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 395.
- 64 Т р и ч к о в и ћ Р. Јуприја ... С. 160-163.
- 65 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 764. Л. 42, 42 об. Хвостов - Остерману, 20 июля 1793 г.
- 66 Т р и ч к о в и ћ Р. уприја ... С. 162.
- 67 V o l i n M. Essais sur l'histoire économique de Turquie. P., 1865. P. 272; М и л л е р А.Ф. Мустафа-паша... С. 83.
- 68 Там же.

- 69 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 789. Л. 57-59. Яковлев - Кочубей, 13(24) августа 1794 г.
- 70 Об этом см.; М и л л е р А.Ф. Мустафа-паша ... С. 73-119.
- 71 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско ... С. 171-172.
- 72 Т р и ч к о в и њ Р. Ђуприја ... С. 163.
- 73 М и л л е р А.Ф. Мустафа-паша. Байрактар. М.; Л., 1947. С. 79, 92-93.
- 74 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 763. Л. 11-13. А.С. Хвостов - Остерману, 16(27) января 1793 г.
- 75 Там же. Л. 50. Хвостов - Остерману, 1(12) марта 1793 г.
- 76 В этой связи Порта предписала молдавскому господарю Суцу построить на границах с Россией и Польшей казармы для размещения в них столичных янычар. Но Суцу отказался выполнить это распоряжение, ссылаясь на то, что Молдавия после войны 1787-1791 гг., пишет Хвостов, "совершенно опустошена и обращена в сухую степь, что разорения населения сей земли в прошлую войну столь велико, что оная с великим трудом едва может содержать его (господаря Суцу. - В.Г.) тем паче, что переселение в российскую сторону разного звания людей продолжается беспрерывно" (АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 763. Л. 46-47. Хвостов - Остерману, 16(27) февраля 1793 г.).
- 77 Там же. Л. 62-64. Хвостов - Остерману, 19(30) марта 1793 г.
- 78 Там же. Д. 764. Л. 30. Хвостов - Остерману, 20(31) июня 1793 г.
- 79 Там же. Л. 68. Хвостов - Остерману, 16(27) апреля 1793 г.
- 80 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 1123. Л. 215. И. Северин - М.И. Кутузову, 20 октября 1793 г.; Там же. Л. 83-89. 144. И. Северин - в Государственную коллегию иностранных дел, 16(27) февраля 1794 г.; Там же. Д. 1130. Л. 52. Кочубей - А.А. Безбородко, 20(31) марта 1794 г.
- 81 Ш а б а н о в и њ Х. Турски извори о српској револуцији 1804 г. Београд, 1956. Књ. I. С. 190-191.
- 82 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1794. Д. 785. Л. 25; Записка константинопольских новостей до 15(26) апреля 1794 г.
- 83 Там же. Оп. 89/8. Д. 810. Л. 1-10. Кочубей - Екатерине II, 2(13) марта 1795 г.
- 84 Там же. Д. 812. Л. 36; Д. 816. Л. 2-3. Кочубей - Екатерине II, 13(24) июня 1795 и 1(12) ноября 1795 г.
- 85 Там же. Д. 813. Л. 1-8. Кочубей - Екатерине II, 2(13) августа 1795 г.
- 86 М и л л е р А.Ф. Мустафа-паша... С. 74-75, 92-93.
- 87 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 1393. Л. 19. Кочубей - В.С. Тамаре, 3(14) апреля 1798 г.
- 88 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1800. Д. 918. Л. 69-70. Тамара - Павлу I, 16(27) октября 1800 г.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVII В.

1. Визирь Шкодринского пашалыка Махмуд Бушатли

Пашалык, включавший в себя районы Северной Албании, получил название от города Шкодра (по-итальянски Скутари, по-сербски Скадар)¹. Кроме албанского населения, турецкое правительство включало в его состав часть черногорских и брдских племен. Однако славянские племена Черногории и Брда не признавали этого и на протяжении многих лет с оружием в руках отстаивали свою независимость. Местные феодалы и управители этого пограничного пашалыка Османской империи раньше других стали проявлять сепаратистские тенденции и непокорство Порте. Особенно этим отличалась семья албанских феодалов Бушатли, которая в середине XVIII в. сосредоточила в своих руках большие земельные владения (чифлики), тесно связанные с внешним и внутренним рынками. Воспользовавшись ослаблением контроля со стороны Порты, Мехмед-Бей Бушатли Старший в 1756 г. изгнал назначенного ею пашу и захватил управление Шкодринским пашалыком. Не без протекции влиятельных столичных чиновников великий визирь утвердил узурпатора в должности шкодринского паши. Получив законную власть, Мехмед-паша еще больше расширил владения семьи за счет земель соседей и привлечения на свою сторону некоторых черногорских, брдских и боснийских племен.

Быстрый рост могущества Мехмеда и его тайные связи с иностранными державами показали Порте опасными, и подсланные ею агенты в 1755 г. отравили пашу². При поддержке капудан-паши, владения которого находились на территории Шкодринского пашалыка, и других влиятельных сановников сын Мехмеда-Старшего Махмуд Бушатли в том же году добился назначения на должность паши этого же пашалыка. Молодой, храбрый и предприимчивый Махмуд с еще большей энергией продолжил дело, начатое отцом. За 10 лет правления ему удалось собрать 20-30-тысячную армию, состоящую из местных албанцев-наемников и славянских воинов из враждующих между собой черногорских, брдских и боснийских племен. Кроме найма, шкодринский паша путем подкупа, обмана или запугивания активно привлекал на свою сторону старейшин отдельных черногорских и брдских племен, сеял вражду между этими племенами и некоторые из них привлекал для набегов на другие черногорские племена. Так, в 1785 г. Махмуд Бушатли потребовал от черногорцев и брдян уплатить ему за 15 прошедших лет харач и принять чиновников, которые от его имени должны будут управлять всей Черногорией и Брдом. В качестве гарантий выполнения этих условий он потребовал от черногорцев прислать к нему заложников из племени Негошей. Когда же черногорцы отказались удовлетворить его домогательства, Махмуд без разрешения Порты напал на них из районов Дукаджина, Джаковимы и Печа во главе 20 тыс. воинов.

Сломив плохо организованную оборону разрозненных черногорских племен, войска Махмуда заняли Цетинье, разорили часть седений Черногории и Брда и наложили на население большую контрибуцию. По свидетельству венецианских источников, султан, узнав об этом набеге, был разгневан самовольством шкодринского паши, но заступничество капудан-паши на этот раз спасло Махмуда от наказания. Однако приказ об аресте Махмуд-паши был отдан вскоре после смещения капудан-паши. Его исполнение возлагалось на боснийского и герцеговинского пашей, которые, в свою очередь, стали привлекать к походу на Махмуда Бушатли недавно разоренных им черногорцев и брджан. Но из-за несогласия черногорцев и разногласия пашей поход не состоялся, и Порта в 1786 г. сочла возможным помиловать провинившегося шкодринского пашу. Уступчивость Порты не принесла ей ожидаемых результатов и еще больше вдохновила Махмуда на новые походы против Черногории и Брда. В том же году его войска напали на племена Пипер и Роџчан, а в следующем году шкодринский паша стал готовить новый поход на черногорцев, которые по-прежнему не желали платить ему харач. Чтобы удержать Махмуда от похода на Черногорию, Порта на этот раз приказала пашам из Битола, Скопле и Боснии начать превентивные действия против шкодринского ослушника³. Тогда же ее агенты стали уговаривать черногорцев поддержать пашей и обещали им за это освободить их от уплаты харача⁴. Опасаясь новых репрессий со стороны Махмуда, черногорцы и на этот раз уклонились от похода, а назначенные паши смогли договориться о начале боевых действий только к ноябрю 1787 г. В конце ноября их объединенным силам все же удалось разбить войска Махмуда Бушатли и занять г. Шкодру. Поскольку содержание размещенных в городе и его окрестностях войск было возложено на местное население, то чрезмерные требования денег, провианта, фуража и постоянные бесчинства победителей довели до отчаяния жителей, которые 25 ноября 1787 г. подняли восстание. Воспользовавшийся этим Махмуд Бушатли при поддержке албанского населения разгромил и изгнал из пашадька посланные Портой войска⁵. В ходе начавшейся войны с Россией, а затем и с Австрией Порте на некоторое время удалось примириться с Махмудом Бушатли, несмотря на то что он вел тайные переговоры с австрийскими и русскими представителями и отказался посылать свои войска на фронт военных действий. Но вскоре после заключения Ясского мира с Россией султан Селим III вновь объявил карательный поход против шкодринского паши. Командующим (сераскером) был назначен его сосед и соперник Али-паша Янинский. Однако новый сераскер не спешил начинать карательную экспедицию до тех пор, пока Порта не даст ему в подкрепление войска других румелийских пашей во главе с самим бейлербеем Румелии Бекир-пашой. Не дожидаясь начала похода, Махмуд Бушатли сам напал на г. Монастырь (Битола) в Черногории, где в это время располагалась ставка румелийского бейлербея, и разогнал медленно собиравшиеся там войска Порты.

Поскольку большинство румелийских пашей сочувствовало Мухмуду и под разными предлогами пыталось уклониться от войны с ним, Порты издала фирман, которым лишила Махмуда права управлять Шкодринским пашалыком и назначала на это место его брата Ибрагима. Ему был дан приказ силой отнять власть у брата⁶. В ответ на такое коварство Махмуд стал искать союзников и распространять слухи, что он намерен послать подкрепление жителям Адрианополя, где начались волнения против вводимых Портой новых реформ. "Слухи сии, — пишет Хвостов, — понудили многих зажиточных жителей из Монастыря удалиться с имением своим в отдаленные места, а бедных принять сторону скутарского паши, к которому ... присоединились также и некоторые из чингизских султанов Портов гонимых"⁷. Войска четырех румелийских пашей во главе с Ибрагимом двинулись против Махмуда только в апреле 1793 г. и в первом же сражении были разбиты наголову, а их предводитель оказался пленником родного брата. "Имения сих пашей, казна, пушки и воинские снаряды, — пишет Хвостов, — достались в руки победителя"⁸. Не имея достаточного числа надежных войск для усмирения взбунтовавшегося паши, Селим III в июне 1793 г. в очередной раз направил Махмуду прощение (итляк), вернув ему все прежние должности и звания. Но гордый мятежник отправил посыльного Порты с ее фирманом обратно без всякого ответа. Дерзость шкодринского паши на этот раз перешла всякие границы, и султан предписал бейлербею Румелии собрать войска более или менее надежных румелийских аянов и начать новый поход против Махмуда⁹. Румелийские паши собирались медленно, неохотно, поскольку опасались, что часть их ненадежного воинства перейдет на сторону мятежника. Численность войск Махмуда Бутатли возрастала во много раз быстрее, чем в ставке бейлербея. По свидетельству русского посланника в Турции В.П. Кочубея, к апрелю 1794 г. в лагере шкодринского паши собралось до 30 тыс. человек¹⁰. Воинство десяти румелийских пашей под предводительством бейлербея выступило против Махмуда только в начале августа 1793 г., но вскоре было разбито и отброшено к р. Лежи. В кровопролитном сражении, по свидетельству Хвостова, с обеих сторон погибло до 15 тыс. человек. В ожидании новых подкреплений войска румелийских пашей оставались на занятых ими позициях вплоть до начала 1794 г.

Мирные жители районов, в которых разместились войска бейлербея, вначале объявили себя сторонниками Порты, но когда паши стали доминировать их "разными насилиями и податью", они в ночь на 29 ноября 1793 г., пишет русский вице-консул в Бухаресте Равич, "сделали между собой заговор и по выпадению из пушки бросились на своих постояльцев: одних изрубили, а прочие должны были бежать"¹¹. Прогнав войска бейлербея, мирное население стало поддерживать Махмуда Бутатли, который тем временем установил связь с французами. Французские военные специалисты по указанию Наполеона Бонапарта занялись реорганизацией и обучением его войска и помогали в сооружении систе-

мы оборонительных укреплений¹². В марте 1794 г. Селим III направил боснийскому визирю Хассан-паше фирман с предписанием возглавить новый поход против шкодринского мятежника. Тогда же агенты Порты начали переговоры с другим мятежным аяном из г. Серры, Исмаил-беем, с целью примирить его с султаном и привлечь к походу против Махмуда Бушатли. Когда же и из этой затеи ничего не вышло, Порта начала длительные переговоры с Махмуд-пашой, которые тянулись до января 1795 г. Она требовала от него внести в казну 1 млн пиастров, которые задолжал Шкодринский пашалык к концу 1794 г., в счет уплаты харача и других новых налогов, введенных Портой со времени начала реформ низами-джедид, и допуска в его владения своих сборщиков налогов.

В конце 1794 – начале 1795 г. в конфликт Махмуда Бушатли с Портой вмешалась католическая церковь Албании. Католическое духовенство обратилось к папе римскому с просьбой добиться от испанского правительства согласия на посредничество в примирении Порты с Махмудом, поскольку от их вражды больше всего страдало мирное население. Испанские дипломаты в Константинополе выполнили возложенную на них миссию, и Порта приняла решение простить Махмуда, если он выполнит вышеизложенные условия. Дольщенный вниманием католической церкви и заступничеством иностранной державы, Махмуд Бушатли в январе 1795 г. принял эти условия Порты, которая в знак полного прощения шкодринского паши приказала публично облачить в почетный халат его представителя (кегау) в Константинополе¹³. Хотя примирение Махмуда с Портой формально и состоялось, но на практике оно мало повлияло на его внутреннюю и внешнюю политику, которую он вел независимо от Константинополя. Уже в июне 1795 г. он вновь без ведома Порты напал на черногорцев, но она на этот раз сделала вид, что не заметила самовольства Махмуда и довольствовалась тем, что посылала в его пашалык своих сборщиков налогов. "Такая слабость, – пишет Кочубей, – не послужит, конечно, к исправлению неустройств"¹⁴. К концу 1795 г. Махмуд-паша отказался от введения реформ низами-джедид и не стал принимать назначаемых Портой чиновников. Он сам назначал на должности в пашалыке близких и преданных ему людей. С их помощью он собирал налоги, управлял армией и флотом. В Константинополь же отправлялась лишь небольшая часть налогов. Такая политика, по свидетельству современников, содействовала развитию ремесел и торговли и обеспечивала Махмуду поддержку со стороны албанского народа¹⁵.

Неудачный поход Махмуда в Черногорию летом 1795 г. не остановил его, и он в январе 1796 г. начал готовиться к новому наступлению. Его приготовления беспокоили не только черногорцев и Порту, но и венецианцев. Венецианский посол в Константинополе неоднократно просил турецкое правительство удержать Махмуда от этого нападения, и верховный визирь был вынужден заверить посла, что у Порты найдутся силы и средства принудить шкодринского пашу к повиновению¹⁶. Несмотря на

это, 18-тысячное войско Махмуда 2 июля 1796 г. вторглось в Черногорию, но 11 июля в сражении при Мартиновичах было разбито черногорцами и бржанами. В сентябре он начал новое наступление, которое закончилось еще более сильным поражением. 22 сентября 1796 г. у местечка Крусы его войско попало в засаду и было разбито объединенными силами черногорских и других соседних с ними славянских племен. Сам Махмуд Бушатли был убит. Среди убитых турок были обнаружены также 4 французских офицера¹⁷. Сообщая об этом событии в Петербург, В.П. Кочубей писал: "Порта до крайности обрадована была получением известия, что, учиняя новое покушение против черногорцев, заманут он (Махмуд. - В.Г.) был ими в дифилею (горный проход. - В.Г.), где после сильного сражения пал он жертвою неосторожной храбрости своей. Таким неожиданным случаем избавилась Порта от самого беспокойного неприятеля, коего большими силами не могла она привести в повиновение. Происшествие сие особливо большое удовольствие приносит верховному визирю, приписуемо будучи по суевериям счастливому его правительству"¹⁸.

После гибели Махмуда Бушатли до назначения нового паши Порта временно направила в Шкодринский пашалык двух своих представителей (капиджи-баша), поскольку в это время в диване еще продолжал обсуждаться вопрос о разделе этого пашалыка на три самостоятельные административные единицы с центрами в Шкодре, Драче (Дураццо) и Дулчине. Эту просьбу от имени албанского населения передал Порте муфтий Махмуд-паша¹⁹. Управителем урезанного Шкодринского пашалыка он рекомендовал назначить брата Махмуда Ибрагима^{19а}. Просьба о разделе пашалыка была отклонена, а его управителем был назначен Ибрагим-паша Бушатли.

В первые годы своего правления Ибрагим послушно выполнял все распоряжения Порты, а она считала его одним из вернейших пашей империи. Однако с 1800 г. и он стал склоняться на сторону Пазванд-огду и даже угрожал прислать ему в помощь 8-тысячный корпус албанцев, если Порта начнет против него военные действия²⁰. Дальнейшая деятельность Ибрагим-паши Бушатли будет рассмотрена в контексте общих событий, происходивших в балканских владениях Османской империи в первые годы XIX в.

2. Янинский пашалык в конце XVIII в.

Янинский санджак упоминается в источниках с конца XVI в. С этого времени и до 80-х годов XVIII в. им управляли чаще других представители албанского рода Арсланов. Позднее они утратили власть над санджаком, а местные албанские феодалы стали игнорировать распоряжения Порты и удерживать причитающуюся центральным органам власти часть налогов и дани. В связи с этим Порта в 1782 г. предписала правителю Южной Албании Курд-паше восстановить в Янинском санджаке законный порядок. Однако его войска, не получавшие долгое время жалованья, вместо восстановления порядка сами занялись грабежом местного населения.

Их бесчинством воспользовались местные феодалы и призвали к восстанию албанское население. В городе Монастырь собрались 500 албанских аянов, которые направили Порте прошение, чтобы Курд-паша выплатил им 6 млн пиастров за причиненные его войском убытки. Среди подписавших прошение встречается имя Али-бея из рода Арсланов, которого исследователи отождествляют с будущим известным Али-пашой Янинским. В 1782 г. в распоряжении Али-бея было до 8 тыс. наемных воинов (арнаутов). Али родился в небольшом городке Южной Албании Тепедена, считавшемся наследственной собственностью рода Арсланов. В конце XVIII в. Махмуд Бушатли разорил большую часть владений Арсланов и сжег их родовое имение. В связи с этим молодой Али был вынужден заниматься разбоем и со временем постепенно вернул свои владения. К 80-м годам XVIII в. он собрал большое наемное войско и благодаря этому приобрел авторитет и влияние среди местных аянов. Это обстоятельство стало известно Порте, и она сочла целесообразным помириться с предводителем разбойников и местных аянов, которого намеревалась использовать для борьбы с мятежным Махмудом Бушатли. Чтобы "завести раздор между сими албанцами", — пишет русский посланник в Турции Я.И. Булгаков, — Порта в 1784 г. пожаловала Али-бею чин двухбунчужного паши, а в 1786 г. назначила его на должность санджак-бея в г. Трикала; в 1787 г. он был также начальником войск, охранявших горные проходы в Албанию, т.е. (дервенджи-паша)²¹.

За время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Али-паша значительно расширил свои владения, присоединив к ним Эпир, Фессалию и некоторые районы Южной Албании. Свою резиденцию он перенес в г. Янину, которая была центром ремесла и торговли всего Эпира. На территории созданного им Янинского пашалыка жили греки, албанцы, валахи, турки, евреи и другие народы. Турки и евреи в основном жили в городах. Греки исповедовали православие, а большая часть албанцев — мусульманство. В горном районе Сули жили албанцы-христиане. Община сулиотов, или чамов, состояла из 11 сел, расположенных к северу-востоку от городов Парги и Превезы, которые входили в состав венецианских владений. Сулисты жили в гористой, труднодоступной местности и занимались скотоводством. Турецкие власти считали их своими подданными и включали в состав Янинского пашалыка. Однако сулиоты не признавали над собой никакой власти и в течение нескольких веков отстаивали свою независимость с оружием в руках. Русский поверенный в делах в Турции полковник А.С. Хвостов сообщает, что 25 мая 1793 г. Али-паша Янинский предпринял попытку покорить сулиотов, но они нанесли ему поражение. После этого, пишет Хвостов, "турецкий сераскер принужден был предложить сим храбрым албанцам мир, что они приняли с радостью и положили конец долгим нападениям турков. По совершении сего паша возвратился в свою губернию с крайним стыдом"²².

Независимость Али-паши от Порты начала проявляться накануне и в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг., когда он с помощью разных уловок не раз уклонялся от походов против Махмуда Бушатли и тайно от центральных властей вел переписку с иностранными государствами²³. В период реформаторской деятельности Селима III он под разными предложениями отказывался от введения реформ низами-джедид в своем пашалыке. В неурожайный 1793 г., когда греки и албанцы массами переселялись из его владений в Валахию, Али-паша приказал сборщикам налогов, пишет Равич, "собирать подать с обывателей своего дистрикта пшеницею и мукою, которые за неимением магазинов складывают в ямы"²⁴. В своей внутренней политике Али-паша опирался на мелких и средних феодалов своего пашалыка. "Юный паша, - пишет Равич, - призвав к себе со всех деревень Янинской провинции ода и бэлик башей, сделал (с ними. - В.Г.) договор, чтобы они по востребованию его поставили сколько возможно вооруженных людей. Почему каждый из них подал список о количестве своей партии (коих все войска составят слишком 10 тыс. человек). Потом паша отпустил означенных бэлик башей обратно в их деревни и приказал выдать из своих денег каждому пристойное жалованье, подтверждая накрепку, что жалованье сие дается им для того, чтобы они с показанным числом людей к нему явились по первому его извещению. Уверяют, что он ведет переписку со скутарским пашою и имеет при себе многих служителей из греков"²⁵. Политика установления твердого порядка в пашалыке в условиях ослабления органов центрального управления и необузданной феодальной анархии пользовалась успехом и поддержкой со стороны местного населения. Издававшаяся в Вене греческая газета "Эфемерия" писала даже о "благоденствии райи", находившейся под властью Али-паши²⁶.

Что касается внешней политики, то Али-паша поддерживал тайные связи не только со своим бывшим врагом Махмудом Бушатли, как это видно из вышеприведенного свидетельства Равича, но и с представителями ряда враждовавших с Портой государств. Так, например, накануне вторжения Наполеона в Египет Али-паша сообщил французам, что они могли бы рассчитывать на его услуги, если Франция возьмет его под свое покровительство и защиту. Это не помешало ему во время франко-турецкой войны 1798-1799 гг. захватить город Бутринто и другие прибрежные адриатические пункты, занятые ранее французами. Одновременно он начал новое наступление на сулиотов. Чтобы воспрепятствовать этому, Порта выдвинула проект присоединения района Сули к вновь созданной Республике семи островов. "Порта, будучи недовольна Али-пашою, - пишет русский посланник в Турции В.С. Тамара, - сама сего желает, и я, согласясь предварительно с министрами (Порты. - В.Г.), - писал (русскому. - В.Г.) консулу в Корфу... Бенаки, уговорить Абдуллач-бей представить о присоединении Сули к его губернии в виде надобности таковой меры для спокойствия обывателей и обуздания

Али-паши, а рейс-эфенди писал, со своей стороны, к Абдуллач-бею письмом, побуждающее его на сие представление. Если правительство республики примется с прилежностью за учреждение в свою пользу тамошнего края, то в короткое время весь берег албанский будет в совершенной ее зависимости"²⁷. Между тем к 1802 г. Али-паша Янинский настолько укрепился, что у Порты не было сил справиться с его самовольством, и она в марте 1802 г. назначила его бейлербеем Румелии. Его младший сын, Вели, получил в управление Янинский пашалык, а старший сын, Мустафа, — г. Адрианополь. Сам Али-паша обосновался в Софии, откуда руководил операциями по борьбе с кирджалиями в Румелии"²⁸. Добившись назначения на эту должность, — пишет русский консул в Бухаресте Л.Г. Кирико, — "Али-паша Янинский выскивает ото всех греков в Румелии наличные суммы денег под именем для защитения их земли против кирджалиев; между тем сам, занимаясь собственными своими делами, разоряет Турцию"²⁹.

3. Осман-паша Пазванд-оглу Видинский

В 80-х годах XVIII в. семья потомственных янычар Пазвандов жила в г. Видине. Ее глава Омер числился командиром (агой) 31-й орты янычарского гарнизона в Видине. В начале русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Омер, его сын Осман Пазванд-оглу и девять других видинских янычар возглавили бунт в своем гарнизоне. За участие в бунте, который, по определению суда, причинил большой вред окрестному населению, Омер был казнен 5 июля 1788 г., а имущество его семьи было распродано с торгов. Жена Омера Фатима при посредстве своего брата выкупила за 1700 грошей принадлежавшие ранее их семье постоянный двор (хан) с 16-ю дюкьянами, кафанами и конюшнями. После казни отца Осман Пазванд-оглу продолжал подстрекать к бунту видинских янычар. Поскольку посланным Портой чиновникам не удалось усмирить бунтующих янычар, то великий визирь в феврале 1788 г. приказал бейлербею Румелии сообщить Осману Пазванд-оглу, что в связи с начавшейся войной Порты могла бы гарантировать его безопасность, если он добровольно прекратит свою подстрекательскую деятельность.

О развитии событий в Видинском пашалыке в течение войны Турции с Россией и Австрией в 1787-1791 гг. не сохранилось достаточно ясных известий. Из отдельных турецких источников следует, что летом 1788 г. в пашалыке было неспокойно и в связи с этим бейлербей Румелии потребовал от обер-кнезов (баш-папас) Неготинской Краины и видинского митрополита Иеремии Александра подписку, которая бы гарантировала, что христианское население пашалыка останется лояльным к Порте и не поднимет восстания"³⁰. Из донесений русских дипломатов о приключениях русского купца Маргарита летом 1792 г. видно, что в это время видинский начальник потребовал с него пошлину, которая, по словам Маргарита, "не соответствовала ... ни существующим государствен-

ным капитуляциям, ни предписанию³¹ белградского Бекир-паши. Этот документ показывает, что видинский начальник уже летом 1792 г. явно игнорировал принятые Портой обязательства по Ясскому миру и постановления местных властей. Между тем, когда 15 марта 1793 г. Порта издала фирман о казни зачинщиков янычарского бунта в Белграде, Пазванд-оглу демонстративно выразил свое возмущение этим приказом и призвал к бунту видинских янычар.

С введением в жизнь реформ низами-джедид, которые предусматривали сокращение жалованья янычарам, янычарские волнения в пашалыке приняли еще больший размах. По свидетельству Хвостова, восстание янычар в Видине против местного мухафиза, имевшего звание двухбунчужного паша, началось в июле 1793 г. Опасаясь расправы, паша бежал из города, переправился через Дунай и укрылся в Валахии³². Во главе восставших, пишет Равич, встал Пазванд-оглу "человек молодой и любимый обывателями и всеми янычарами"³³. В результате видинская крепость вышла из повиновения Порте и стала убежищем для изгнанных белградских янычар во главе с Кара Хассаном. По свидетельству Равича, причиной бунта видинских янычар явилось то, что видинский паша (мухафиз) не уплатил им за четыре года жалованье в том размере, в котором оно было установлено хати-шерифами прежних султанов. Другими словами, янычары отказывались признавать сокращение жалованья, предусмотренное новыми реформами Селима III. В наказание за бунт султан приказал распустить весь видинский гарнизон, но янычары отказались подчиниться приказу и захватили власть в свои руки. "Тамошний аян Пазванд-оглу, - пишет Равич, - набрал сильную партию и не впускает в город мухафиза, туда Портою назначенного"³⁴. Используя недовольство местного населения новыми реформами, Пазванд-оглу стал набирать в свои войска крестьян и горожан из разных районов Видинского пашалыка. Известен случай, когда он приказал нагрузить семь подвод оружием, доставить его в г. Заечар и раздать жителям этого города добром или силой. По такому же принципу набирал он людей для своего войска в Нови-Пазаре и других нахиях³⁵.

Собравшиеся в Видине местные и белградские янычары периодически совершали набеги на Пожаревац, Берковцы, Кладово и другие города и нахии. Чтобы защититься от янычарских набегов, князья семи прилегающих к Пожаревацу нахий на общем совете постановили во всем поддерживать преданного Порте белградского пашу. Заручившись таким решением, Бекир-паша, в свою очередь, раздал сербскому населению этих районов до 2 тыс. ружей и приказал ему отражать набеги видинских янычар. Созданные Бекир-пашой отряды из сербов порой действовали весьма эффективно. Так, 16 октября 1793 г. комендант Кладова рапортовал Порте, что при поддержке местных жителей ему удалось отбить нападение видинских янычар под командой Кара Хасана и прогнать их из своих владений³⁶.

В середине октября 1794 г. Порты направила фирман Али-паше Янинскому с приказом выступить к Видину с двадцатитысячным войском, но, опасаясь чумы, паша явно не спешил покидать свои владения³⁷. Не найдя нужных сил для усмирения бунта видинских янычар, Порты решила послать Пазванд-оглу прощение (итлак), которому он не поверил и продолжал держаться при себе, как пишет Равич, "излишнее число вооруженных людей"³⁸. К 1795 г. объединенные силы видинских и белградских янычар составили не менее 18 тыс. человек. 16 июня 1795 г., как только эпидемия чумы в Белградском пашадлыке стала утихать, они совершили нападение на Белград, но были отбиты войсками Бекир-паши³⁹. По поводу этого нападения В.П. Кочубей писал, что, согласно полученному Портой донесению от 19 июня 1795 г., бывший янычарский гарнизон Белграда, или "милиция", совместно с видинскими и другими янычарами общей численностью от 12 до 15 тыс. человек захватили Белград, а Бекир-пашу с новым гарнизоном блокировали в белградской крепости. Их войска заняли все районы до самой Софии. "Начальник сил бунтовщиков, - пишет Кочубей, - есть старшина видинских янычар, кои настоящим поступком своим хотят подчеркнуть, чтобы и с ними не последовал жребий подобный сотоварищей их белградских, кои выведены были из древнего жилища своего для того, что Порты новыми устройствами для гарнизону не только оберегает большой расход, но еще немалый доход приобретает. Старшина янычарский, глава бунтовщиков ... (утверждает. - В.Г.), что он государю своему верен и другого намерения не имеет, как защиту древних прав и обычаев. Сие известие дало повод к собранию многих советов и ничто не обозначает более важности, какую Порты преимуществу сему приписует, как то, что совет собран был в последний день курбан байрама". На этом совете было решено собрать войска всех румелийских пашей и под командой бейлербея послать его против видинских бунтовщиков, предписав бейлербею вначале употребить средства убеждения. "Порты поспешила принять столь строгие меры, - продолжает Кочубей, - чувствуя, что, уступая старой милиции и введя ону как и во владение земель, новая тотчас обратит против нее оружие свое"⁴⁰.

В августе 1795 г. драгоман Порты по секрету сообщил Кочубею, что правительство в данный момент беспокоят не столько кирджалии и белградское дело, сколько возмущение Пазванд-оглу. Оно пока сохраняет это в тайне, чтобы не лишиться фактора неожиданности готовящегося на него нападения. По имеющимся у Порты сведениям под командой видинского мятежника находятся от 15 до 16 тыс. воинов. По уверению драгомана, находящийся в Софии бейлербей уже собирает большое войско, чтобы "устранишь Пазванд-оглу и без кровопролития с ним сделаться"⁴¹. В начале октября 1795 г. двадцатитысячное войско бейлербея, расположившись в 20 верстах от Видина, не решалось начать осаду города. Войска белградского паши к этому времени смогли очистить от видинских янычар лишь дунайский остров Борич, с которого те по приказу Пазванд-оглу перехватывали

вали и грабили все суда, спускавшиеся вниз по Дунаю⁴². В ответ союзники Пазванд-оглу по его приказу заняли другой дунайский остров, Орсово, и город того же названия. Тогда же перешли на сторону Пазванд-оглу янычарский гарнизон города Ниша (Ниссы) и некоторые из соседних аянов. Если Пазванд-оглу сомневался в верности переходивших на его сторону аянов, то он требовал от них заложников (аманатов). По свидетельству В.П. Кочубея, к середине октября 1795 г. Пазванд-оглу вместе со своими союзниками располагал силами до 40 тыс. человек. Чувствуя свое превосходство, он даже не пожелал начать переговоров с бейлербеем о сдаче Видина. В связи с этим в Константинополе состоялось несколько совещаний у муфтия и было проведено заседание дивана. На совете было решено не форсировать событий до тех пор, пока бейлербей не соберет достаточно сил для захвата Видина. До этого он должен был установить тайные связи с наиболее влиятельными жителями города с целью подрывать авторитет мятежников⁴³.

Тем временем войска бейлербея стали разбегаться, и он возбудил ходатайство о прощении Пазванд-оглу. Седим III отнесся к этому неодобрительно, заявив, что до сих пор, по обычаю, турецкие султаны миловали чиновников не ниже трехбунчужных пашей, а Пазванд-оглу является лишь простым городским начальником. Поэтому султан продолжал настаивать на покорении его силой. Весной 1796 г. Порта вновь приказала бейлербею начать военные действия против Пазванд-оглу. Поскольку бейлербей Сеид Мустафа не оправдал надежд Порты, она летом 1796 г. назначила на эту должность Хаки-пашу, поручив ему сосредоточить основные силы румелийских пашей для борьбы с кирджалиями⁴⁴. Тем временем часть кирджилиев во главе с Кара Фейзи и большое число сейменов, дезертировавших из корпуса Мехмед-паши, присоединились к войску Пазванд-оглу. Тогда же в Белграде изгнанные ранее янычары захватили город и арестовали Мустафа-пашу. Шкодринский паша Махмуд Бушатли начал войну с черногорцами. Основная группа объединенных 20 кирджалийских отрядов бесчинствовала в районах Восточной Фракции, у берегов Эгейского моря и в Родонах⁴⁵. Положение в Румелии было критическим, но Порта всячески старалась скрыть это. В одном из разговоров с Кочубеем, состоявшемся в сентябре 1796 г., рейс-эфенди Челеби Мустафа уверял русского посланника, что число кирджилиев, действовавших между Софией и Видином, не превышает тысячи человек и они не могут причинить большого вреда. Против них действуют 3 тыс. арнаутов и земское войско, которые, по расчетам Порты, вскоре наведут должный порядок в Румелии⁴⁶.

В конце сентября 1796 г. черногорцами был разбит Махмуд Бушатли, а несколько позже была рассеяна и южная группировка кирджилиев. Вернувшись в северные районы Балкан, большая их часть присоединилась к Пазванд-оглу и, как писал австрийский посланник в Османской империи (интернунций) Рат Кил, стала "боготворить своего вождя за его справедливость, дерзость и щедрость"⁴⁷. Представитель французской Директории

в Бухаресте Сен-Сир сообщал, что Пазванд-оглу хорошо укрепил Видин и держит в нем гарнизон в 12 тыс. воинов. Он лично издает все потановления по административным и религиозным вопросам. Суд вершит скоро и жестоко. Его боятся все. Население своих владений он обложил налогами, которые меньше норм, установленных новыми реформами. Последнее обстоятельство, пишет Сен-Сир, является одним из основных принципов внутренней политики Пазванд-оглу. Определяя свою внешнюю политику, Пазванд-оглу считал, пишет Сен-Сир, "что ему не устоять против Порты, если одна из внешних сил ополчится против него, за исключением случая, когда другая (внешняя сила. - В.Г.) могла бы оказать ему поддержку". Поскольку видинский мятежник не любит ни Австрию, ни Россию, то эту поддержку, намекал Сен-Сир, могла бы оказать Франция⁴⁸.

В течение первой половины 1797 г. Пазванд-оглу захватил г. Плевен и обширные территории, простиравшиеся от Видина до Габрово, Тырново и Систова (Свиштов). Жители сел Видинской, Врачанской, Ловченской, Плевенской, Оряховской, Нишской и других нахий объявляли себя сторонниками Пазванд-оглу, оказывая ему вооруженную поддержку и снабжая его войска всем необходимым⁴⁹. Тогда же видинский мятежник присоединил к своим владениям Фетислам (Кладово), Черную Реку и Поречье. Поскольку некоторые из этих нахий находились под управлением Хафиз-аги Нишского, являвшегося мутеселимом белградского мухафиза Мустафа-паши, то между нишским аяном и Пазванд-оглу с этого времени началась война^{49а}.

Несмотря на быстрый рост своего могущества, Пазванд-оглу в 1797 г. формально все же признавал Порту как верховную власть и даже иногда выполнял ее приказы. Так, например, он позволил войти в Видин присланному правительством мухафизу Абди-паше, а в июле 1797 г. обещал исключить из своей армии кирджалийские отряды и направить часть войск в распоряжение бейлербея для борьбы с кирджалиями. В результате проведенной бейлербеем операции в июле 1797 г. объединенные силы кирджалиев были разбиты; и Порта смогла объявить им амнистию, после которой кирджалиям было разрешено дополнить армию бейлербея. Избавившись от Махмуда Бушатли и на время усмирив карджалиев, Порта только в сентябре 1797 г. смогла начать наступление на видинского мятежника, который в это время совершал набеги на Валахию и г. Никополь. Когда и этот поход не принес успеха, султан Селим III и шейх-уль-ислам в ноябре 1797 г. объявили священную войну против хулиателя законной власти. Особыми фирманами всем румелийским аянам предписывалось оказывать помощь бейлербею Мустафа-паше в связи с тем, что Пазванд-оглу собрал большое войско, состоящее, как указывалось в фирмане, "из всех народностей" Румелии⁵⁰. На этот раз Порта рассчитывала послать против Видина стотысячное войско 14 румелийских пашей. Такое большое войско обычно набиралось только для войн с другими государствами⁵¹. Столь грандиозные приготовления испугали Пазванд-оглу, и он через своих агентов дал понять Порте, что он не прочь с ней примириться, если

границы его владений будут несколько расширены, а ему самому будет пожалован чин трехбунчужного паши. 16 декабря 1797 г. диван отклонил его домогательства и назначил сераскером похода против Видина зятя Селима III капудан-пашу Хусейна.

К 1798 г. обстановку в Румелии, по мнению ряда иностранных дипломатов, можно было расценивать как настоящую гражданскую войну⁵². Попытка Пазванд-оглу овладеть Белградом поставила Австрию перед необходимостью направить в начале 1798 г. в Землин для охраны своих границ два полка пехоты и подвести военные суда дунайской флотилии. Им был отдан приказ встречать огнем войска видинских мятежников, если они начнут высаживаться на австрийский берег.

Русские и австрийские дипломаты в этот период извещали свои правительства о том, что Франция явно способствует успехам Пазванд-оглу, а ее эмиссары, пишет австрийский интернунций Рат Кил, "весьма распространены и активно действуют на территории всех провинций империи"⁵³. В ильском походе 1798 г. против Видина, по свидетельству русского посланника в Турции В.С. Тамары, участвовало до 70 тыс. человек. Порта была недовольна действиями бейдербея Мустафы, и он 28 июля 1798 г. был отстранен от командования. На его место был назначен анатолийский бейлербей Курд Али-паша, который стал управителем сразу двух провинций: Анатолии и Румелии. Обиженный этим назначением Али-паша Янинский и другие румелийские паши увели свои войска из-под Видина, и сераскер Хусейн-паша в ноябре 1798 г. был вынужден снять осаду. Новый бейлербей обвинил любимого зятя султана в сочувствии видинским мятежникам и приказал убить его. После снятия осады Видина Пазванд-оглу перешел в наступление и блокировал Калафат, Ниш, Белградчик, Берковцы, Лом и даже Оряхово, где в это время находилась ставка сераскера Хусейн-паши.

Во время этих событий Наполеон вторгся в египетские владения Османской империи; и Порта в сентябре 1798 г. объявила войну Франции, а вскоре заключила союз с Россией и даже просила ее содействия в борьбе с Пазванд-оглу. Австрия, опасавшаяся захвата белградской крепости Пазванд-оглу, по просьбе Порты приумножила свои войска в Землине и снабжала осажденные видинскими войсками гарнизоны бейлербея боеприпасами и провиантом⁵⁴.

Французские политики и дипломаты уверяли Директорию в том, что в сложившейся международной обстановке Пазванд-оглу может быть полезен. Это не трудно будет склонить к уступке Франции Египта, Кипра, Родоса и других важных районов. Он охотно пойдёт на заключение выгодных для нее торговых договоров. А главное, уверяли они, Пазванд-оглу серьезно обеспокоен нарастающим влиянием России на Порту. В связи с этим Талейран настаивал на предоставлении видинскому мятежнику субсидии, благодаря которой он "смог бы набрать большое наемное войско и склонить на свою сторону много приверженцев, поскольку договор Порты с

Россией возмущает всех мусульман". По мнению одного из французских дипломатов, П. Рюффена, для этих целей понадобится не менее 30 млн франков, из которых 10 млн должны быть переданы Пазванд-оглу сразу же после заключения с ним договора. Хотя этот проект так и не удалось осуществить, но все же французские специалисты всеми способами содействовали успехам мятежника⁵⁵.

Русское правительство было встревожено успехами Пазванд-оглу. В январе 1799 г. оно предписало русскому консулу в Бухаресте Л.Г. Кирико направить в Видин заявление о том, что Россия не может оставаться равнодушной к набегам видиноких войск на Валахию, так как по Ясскому договору народ этого княжества находится под ее покровительством. Стремясь уладить дело мирным путем, правительства России и Австрии даже соглашались быть посредниками в урегулировании конфликта Пазванд-оглу с Портой. Они предлагали добиться для него помилования, если он согласится с назначением его пашой в другую область европейских или азиатских владений империи. Пазванд-оглу разгадал коварство этого предложения и дал понять, что его примирение с Портой может состояться при условии, если ему пришлют фирман, которым он будет утвержден в должности губернатора (мухафиза) Видинского санджака со званием трехбунчужного паши, т.е. визиря. По некоторым данным Порты, якобы приняла это условие, но соответствующий фирман исследователям пока не удалось обнаружить.

И все же в некоторых турецких документах, относящихся к последним месяцам 1799 г., Пазванд-оглу назван трехбунчужным пашой Видинского санджака⁵⁶. В это время он еще конфликтовал с Портой и активно поддерживал походы румелийской оппозиции и кирджалиев на Адрианополь и Константинополь. В одном из апрельских донесений 1800 г. В.С. Тамара писал: "Никто не сомневается (в Константинополе. - В.Г.), что Пазванд-оглу направляет все действия и деяния сего скопища"⁵⁷. Но видинский мятежник содействовал им тайно. Он закупал для участников похода амунизию, боеприпасы и провиант в Австрии, причем с ведома венского двора⁵⁸. Несмотря на это, Пазванд-оглу в своих письмах и донесениях Порте вплоть до сентября 1800 г. не переставал уверять ее, что все распространяемые по этому поводу слухи несправедливы, они выдуманы его врагами и недоброжелателями. "А ныне, - писал Тамара в начале сентября, - он вдруг переменял свой тон и впервые после прощения своего писал к каймакам паше, жалуясь на правительство, которое под видом усмирения даглыев наполняет войсками видинскую провинцию, ему вверенную и не уступающую ни одной ... (другой провинции. - В.Г.) в спокойствии своих жителей. Позванд-оглу называет данные ему в знак милости султана достоинства губернатора знатной провинции и трехбунчужного паши огорчительною насмешкою и обольщением"⁵⁹.

В октябре 1800 г. Пазванд-оглу вновь взбунтовался и начал войну с Белградским пашой. Когда стало ясно, что белградский паша после ряда поражений не может противостоять видинскому смутьяну, Порты

направила тайных эмиссаров в Виден, как сказано в "Записке константинопольских новостей", "для заведения партии противной Пазванд-оглу и, если удастся сим средством его ослабить, то войскам, теперь под предлогом (разгона. - В.Г.) даглыев, в Румелии собирающихся, повелено будет следовать прямо к Видину"⁶⁰. Однако войска румелийских аянов под командой бейлербея отказывались воевать с Пазванд-оглу и во множестве переходили на его сторону. Сам Пазванд-оглу, стараясь снискать популярность в народе, во время сенокоса и жатвы, по сообщению Л.Г. Кирико, "лично находился большей частью при снятии ... сена и хлеба, защищая обывателей от нападавших войск белградского валисия, которые забирают и жгут хлеб"⁶¹. По свидетельству Л.Г. Кирико, в мае 1801 г. значительную часть видинского гарнизона составляли болгары⁶². В январе 1802 г. русский консул сообщил из Бухареста: "Пазванд-оглу принуждает обывателей ближних селений при Белграде клониться к Видину ... Приметна склонность между жителей Белграда на обещания, коими их Пазванд-оглу ласкает в преподании помощи против настоянния Порты"⁶³.

4. Политическая ситуация в Белградском пашалыке во время и после заключения Систовского мира (1791-1801 гг.)

30 декабря 1790 г. в Систове начались австро-турецкие переговоры о заключении мирного договора. 16 февраля 1791 г. в Вену прибыла сербская делегация во главе с архимандритом Троношского монастыря Ст. Йовановичем, которая передала императору Леопольду II прошение, чтобы он "своим мощным посредованием" при заключении мирного договора с Портой облегчил судьбу сербского народа. В ответ на это прошение венский двор в самых общих выражениях обещал добиваться амнистии всем сербам, участвовавшим в войне с Портой в составе австрийских войск. Однако эта полумера явно не отвечала тем надеждам сербского народа, которые он возлагал на австрийское правительство, вовлекшее сербов в войну с Портой. Между тем в мае 1791 г. в Темишваре проходили заседания сербского собора, в котором принимали участие новый сербский митрополит Ст. Стратимирович, епископ Й. Йованович, архимандрит Ст. Йованович и ряд влиятельных сербских старейшин. Видимо, в ходе этих заседаний возникла идея добиваться включения в австро-турецкий договор особой статьи о сербах, согласно которой Порта, помимо амнистий за участие в войне, предоставила бы им автономные привилегии, которыми пользовалась в то время Валахия. В обращении к венскому двору, которое от имени сербов Белградского пашалыка подписали Ст. Йованович, архимандрит В. Радосавлевич и протоиерей Й. Милович, выражалось пожелание, чтобы в статье о сербах было признано их право "избирать одного из наших (сербских. - В.Г.) главных (поглавитых) людей, который для всех нас начальником (комендантом) будет, подобно тому, кем был Богдан-бег в Валахии, и

чтобы он налог (одсек), который будет определен, собирал среди нас и отсылал его турецкому султану, а мы на нашей земле могли бы мирно трудиться и жить"⁶⁴.

Поскольку мирные переговоры в Систове находились уже на заключительной стадии и у сербских депутатов не было времени взять прошение в Вену, было решено направить Ст. Йовановича в Систов, где он должен был вручить это послание представителям великих держав, присутствовавшим в качестве наблюдателей на переговорах. Однако австрийские власти задержали Ст. Йовановича в Темишваре и вернули в Белград. Вскоре после этого епископ Й. Йованович обратился с просьбой к митрополиту Ст. Стратимировичу, чтобы он довел до сведения австрийского императора просьбу сербского народа о включении в Систовский договор статьи о сербах, но с более умеренными требованиями. Й. Йованович предлагал, чтобы австрийские полномочные на переговорах добились от Порты обязательства простить нанесенные ей сербами оскорбления и убытки во время войны, отказаться от мести, насилий и изгнания, а также чтобы она защищала жизнь, веру и имущество сербов от посягательства местных пашей и непослушных ей янычар и аянов⁶⁵.

Систовский мирный договор между Австрийской и Османской империями был подписан 4 августа 1791 г. По его условиям Австрия возвращала Порте все захваченные во время войны территории, Порта гарантировала сербам общую амнистию и обязывалась признать австрийское подданство за всеми теми сербами, которые в ходе войны эмигрировали в Австрию. Решения Систовского мирного договора вызвали резкое недовольство сербов и надолго подорвали их доверие к политике венского двора⁶⁶.

В то же время нужно признать, что минувшая война была не совсем безрезультатной для сербского национально-освободительного движения, поскольку она вскрыла ряд важных обстоятельств, которые впоследствии были учтены и использованы сербскими повстанцами. В ходе войны стало ясно, что освободительные стремления проникли во все слои сербского населения. Сербов использовали для борьбы за свободу самые различные формы: переселение в пределы других государств, участие в войне в составе армий, воюющих с Османской империей государств (в добровольческие отряды, сформированные австрийским командованием, вступило более 15 тыс. сербов), вооруженные восстания сербов в Боснии, Нише и других не занятых австрийскими войсками нациях⁶⁷. Стало ясно и то, что процесс разрастающегося национально-освободительного движения в основном развивался стихийно. Спровоцировавшее его австрийское командование преследовало только свои цели и мало заботилось об интересах сербских повстанцев. Предводители сербских повстанческих отрядов, среди которых выделялись К. Анджелкович, А. Ненадович, Р. Петрович и др., были связаны прежде всего с австрийским командованием, поскольку в тот период еще не было общего сербского повстанческого центра.

Во время войны 1788–1791 гг. наглядно проявились и основные признаки нарастающего кризиса всего османского государственного строя:

распад тимарной системы, немощь центральных органов власти, произвол провинциальных пашей и аянов, разложение армии и т.д. Сложившаяся после войны ситуация была достаточно полно учтена группой сербских старейшин во главе с архимандритом Ст. Мовановичем, которая предложила добиваться национальной автономии Сербии дипломатическим путем при посредстве великих держав. Однако наиболее веским аргументом, повлиявшим в это время на политику Порты, явилась, на наш взгляд, массовая эмиграция сербского населения в Австрию, куда переселилось около половины сербского населения Белградского пашалыка. Чтобы вернуть обратно такую массу непосредственных производителей. Порта неизбежно была вынуждена посчитаться с их требованиями и даже предоставить сербам ряд привилегий в сфере местного самоуправления.

Уже через неделю после подписания в Систове мирного договора между Австрией и Портой султан поручил сераскеру Румелии Эбубекир-паше, или, как его называли сербы, Бекир-паше принять от австрийского командования отходившие к Османской империи по условиям договора территорию Северной Сербии. В инструкции Порты, между прочим, говорилось, чтобы Бекир-паша при этом старался убеждать укрывавшихся в Австрии сербов к возвращению в их села. Ему разрешалось объявить им, что в пределах формирующегося Белградского пашалыка предполагается ввести новый порядок. Чтобы создать условия для возвращения сербов, Бекир-паша после приема городов должен был приступить к выводу из пределов Белградского пашалыка всех янычарских войск, поскольку их беззаконная деятельность послужила основной причиной перехода сербов на сторону Австрии.

Пока сераскер Румелии вел переговоры с австрийским командованием, в Константинополе в конце августа 1791 г. началось заседание султанского дивана, на котором обсуждались вопросы организации управления в Белградском пашалыке и дела белградских янычар. По решению дивана белградские янычары за их довоенные мятежи и сдачу Белграда австрийцам во время прошедшей войны переводились из пограничного Белградского пашалыка на русский фронт и частично в отдаленные гарнизоны. Чтобы лишить их возможности возвратиться в пашалык, диван постановил конфисковать в пользу государственной казны их земельные участки (читлуки) и распродать их селившимся в пашалыке сербским крестьянам. В отличие от янычар спехиям разрешалось восстанавливать свои права на тимары при условии, что они согласятся соблюдать законы и правила, введенные в Белградском пашалыке в 1741 г., т.е. после Белградского мира 1739 г., и не будут заводить там читлуков. Из этого решения вытекало, что Белградский пашалык объявлялся областью, где спехиям и янычарам запрещалось иметь читлуки.

Поскольку янычары выводились из пашалыка, их место по решению дивана должны были занять войска, сформированные по типу боснийских капетаний, а люди для них должны были набираться только в Боснии. Тогда же было принято решение о строительстве новых сел в Белградс-

ком пашалыке, основную часть которых предполагалось разместить вдоль дорог, соединявших Белград с Боснией и Нишем. Позднее, в феврале 1792 г., диван принял еще одно важное решение о передаче в ведение кассы, финансировавшей мероприятия по введению реформ низами-дзедид ("реформной кассы"), доходов, которые поступали от мукатов и джизье, взимаемых с Белградского пашалыка⁶⁸.

По постановлению дивана первым мухафизом Белградского пашалыка был назначен сераскер Румени Бекир-паша. Приняв от австрийских властей отходящую к Османской империи территорию, Бекир-паша в конце сентября 1791 г. прибыл в Ниш и начал переговоры с сербскими князьями о порядке введения нового управления в пашалыке и о взаимоотношениях сербского населения с органами местного и центрального управления. Новый мухафиз объявил сербским депутатам, что Порта прощает воевавших против нее сербов и освобождает все сербское население от налогов на три года. Затем он сообщил им, что ненавистные сербскому населению янычары будут выведены с территории пашалыка, а три янычарских начальника, которые были инициаторами всех злоупотреблений и зачинщиками беспорядков, будут казнены.

В октябре 1791 г. Бекир-паша провел операции по очищению переданных ему в управление районов от задержавшихся там австрийских войск и гайдуцких чет: 20 октября его войска вошли в Смедерево, 23 октября - в Белград, 30 октября 1791 г. - в Шабац. В марте 1792 г. в Белград прибыл назначенный константинопольским патриархом на место белградского митрополита Мефодий.

Постановление султанского дивана о выводе из пашалыка янычарских войск вызвало в их среде сначала общее негодование, а затем открытый бунт. Янычары потребовали от Бекир-паши вывести из Белграда все набранные в Боснии войска, а когда он отказался это сделать, они принудили босняков к этому силой. "Белградские янычары, - пишет А.С. Хвостов, - чинят разные наглости в оной крепости и удаляются от повиновения паше. Они дрались беспрестанно с бошняками, составляющими по повелению султана часть тамошнего гарнизона, до тех пор, пока первые (янычары. - В.Г.) не одержали верх над последними и не вытеснили их из крепости, после чего остались спокойными обладателями сей крепости"⁶⁹. Одержав верх над босняками, белградские янычары направили султану прошение об отмене решения об их выводе из пашалыка, но Селим III отклонил их апелляцию в июле 1792 г. В ответ на это янычары в августе 1792 г. заняли Пожаревац и Смедерево, а в октябре приумножили свои силы в Белграде. Для подавления янычарского бунта в Белград был назначен новый мухафиз Топал Ахмед-паша, который при поддержке сербского населения изгнал янычар из Белграда и издал приказ, запрещавший населению пашалыка оказывать им какую бы то ни было помощь⁷⁰. По свидетельству А.С. Хвостова, Хаммаджи-заде Ахмед-паша 3 июля 1793 г. был назначен в поход против мятежного Махмуд-паши Скутарского, а на место белградского мухафиза назначался "некто из хаджиянов", Мустафа-

эфенди Филибили в звании трехбунчужного паши⁷¹. Перед назначением на эту должность Мустафа Филибили по поручению Порты совершил секретную инспекторскую поездку по Белградскому пашалыку. В "Записке константинопольских новостей", датированной 18 июля 1793 г., сообщалось: "На сих днях один капиджи баша отправлен в Белград, которому обещаны три бунчука, если он постарается исполнить скоро по приезде своем в Белград возложенную на него комиссию, которая хранится в тайне"⁷². Как выяснилось позже засекреченность инспекции была связана с возложенными на Мустафу Филибили обязанностями по введению в Белградском пашалыке реформ низами-джедид.

Как уже отмечалось выше, несколько ранее Порты приняла решение передать в распоряжение "реформной кассы" большую часть откупов и джизье, собираемых с населения Белградского пашалыка. В соответствии с этим решением управляющий "реформной кассой" Азис-эфенди назначался и сборщиком этих налогов (мухасилом) в Белградском пашалыке. Вскоре после назначения на должности Мустафа-паша и Азис-эфенди прибыли в Белград и приказали собрать наиболее влиятельных представителей сербского народа (нахийских кнезов, сельских старост, духовенство и др.). Они объявили им о решении султанского дивана ввести в Белградском пашалыке реформы низами-джедид. Азис-эфенди, в частности, сказал собравшимся, что новые реформы позволят восстановить спокойствие и порядок в пашалыке и будут способствовать скорейшему заселению опустевших во время войны сербских сел. На этой же скупщине Мустафа-паша объявил, что по новым законам население сел и городов пашалыка в целях самозащиты от бунтующих янычар и набегов кирджалиев должно создавать за свой счет отряды пандуров из сербов. Организация таких отрядов возлагалась на нахийских кнезов. В дополнение к этому Азис-эфенди сообщил, что конкретные размеры налогов, принципы взаимоотношений населения с Портой, местной администрацией и со спахиями в данное время пока еще не установлены, но они уже разрабатываются в Константинополе особой правительственной комиссией. Собрав просьбы и пожелания представителей сербского народа, которые они просили учесть при издании новых реформ, Азис-эфенди увез их в столицу.

Первые законодательные постановления о введении новых порядков в Белградском пашалыке были изложены в нескольких фирманах, которые были сообщены сербам в феврале и марте 1794 г. В первом, февральском, фирмане объявлялось следующее: 1) спахиям Белградского пашалыка не имеют права отлучаться из Белграда и других мест несения службы; 2) подушная подать с сербского населения должна взиматься из расчета по 15 грошей в год с каждого налогоплательщика, при этом один грош отдавался в пользу сборщика налога; 3) кадиям и муллам вместо прежних 10% надлежало брать по новому постановлению 4% от установленной судебной таксы ("ресума"); 4) для личной охраны мухафиза ему предоставлялось право нанимать за свой счет до 600 вооруженных сербов;

5) мусульманскому населению пашалыка строжайше запрещалось совершать насилия над сербами-христианами.

В последующих фирманах излагались постановления, в которых регулировались взаимоотношения между спахиями и сербскими крестьянами, подтверждались прежние нормы поземельного налога (харача), налога на скот (чибука), давалось разрешение на постройку и ремонт церквей и т.д.⁷³.

4 декабря 1794 г. султан Селим III подписал хати-шериф, которым подтвердил все изданные после Систовского мира постановления, касающиеся Белградского пашалыка. Новым в нем явилось лишь то, что обязанности по сбору налогов с населения теперь возлагались на самого белградского мухафиза.

Хати-шериф от 4 декабря 1794 г., по замыслу Порты, должен был окончательно зафиксировать установленные ей нормы взаимоотношений сербского населения с органами центральной и местной власти, со спахиями, а также фиксировал нормы уголовного права. Этот законодательный акт по существу передавал белградскому мухафизу всю полноту военной, административной и экономической власти. Между тем о роли нахийских кнезов и сельских старост в этом обобщающем законодательном акте ничего не было сказано.

В хати-шерифе от 4 декабря 1794 г. встречается весьма любопытное упоминание о так называемом аянском налоге, который ранее вызывал самое большое недовольство сербского населения. По решению дивана "аянский налог" был отменен, а вместо него сербское население должно было выплачивать 300 тыс. грошей в год, из расчета по 15 грошей с дома, которые раскладывались на 20 тыс. домов. Общегодовая сумма должна была вноситься два раза в год по 150 тыс. грошей. Деньги шли на оплату жалованья мухафиза, кадиев и на содержание ямских станций (мензилы). Кроме этой подати, с каждого дома взималось по 1 грошу в год в счет налога на вино⁷⁴.

Поскольку подлинные фирманы, изданные в 1793-1794 гг., не обнаружены, а их содержание восстанавливалось по материалам австрийских архивов и французской прессы, то общий перечень привилегий, данных населению Белградского пашалыка, и характер некоторых из них до сих пор остаются неясными и вызывают разноречивые толкования. В современной югославской историографии принято считать, что привилегии, полученные сербами в период введения реформ в 1793-1794 гг. можно было бы свести к следующим основным пунктам:

1) Сербское население получало право выбирать из своей среды кнезов и обер-кнезов, кандидатуры которых затем утверждались мухафизом; 2) размеры подати с одного налогоплательщика ограничивались 15-ю грошами в год, которые выплачивались два раза в год по 7,5 грошей; 3) помимо этой дани сербское население облагалось другими нормированными налогами в пользу государства, местных властей и

спахив. Натуральные подати ограничивались поставкой мухафизу сена и дров; 4) православное население могло беспрепятственно строить новые и восстанавливать старые церкви и монастыри; 5) население Белградского пашалыка освобождалось от постоя чиновников и проезжих турок; 6) на сербское население пашалыка возлагалась обязанность выделять до 600 воинов для личной охраны мухафиза и создавать по мере необходимости отряды пандур для борьбы с непокорными Порте янычарами и для отражения нападений кирджалийских банд, гайдуков и других разбойников⁷⁵.

Введение новых реформ в Белградском пашалыке проходило в очень сложной и напряженной обстановке. Зимой 1793 г. в Белграде неожиданно началась чума (моровая язва), от которой погибло более 5 тыс. человек. В 1794 г. она уже свирепствовала на территории от Дуная до Тимока. Оставались незахваченными эпидемией лишь районы Восточной Сербии, куда и устремился поток беженцев, надеявшихся найти спасение в горах. Эпидемия не стихала в течение всего 1794 г. "Моровая язва в Белграде продолжается, - писал из Бухареста в сентябре 1794 г. русский вице-консул Равич, - и теперь она оказалась в Паланке против Орсова"⁷⁶.

Введение реформ, предоставлявших сербскому населению ряд важных привилегий вызвало недовольство и открытый протест в городах, в которых преобладало мусульманское население: в Ужице, Шабаце, Пожаревце и др.⁷⁷.

Как только эпидемия чумы пошла на убыль, объединенные отряды белградских и видинских янычар численностью до 15 тыс. человек в июне 1795 г. напали на Белград и овладели предместьями города. Мусульманское население пашалыка активно поддержало янычар, и они, по словам В.П. Кочубея, еще больше усилились "присоединением немалого числа жителей Сербии"⁷⁸. В это время, отмечал В.П. Кочубей, янычары безраздельно господствовали от Белграда до Софии⁷⁹. Мустафа-паша со своим гарнизоном был вынужден перейти на осадное положение, укрывшись в белградской крепости. Ему на выручку был послан бейлербей Румелии Хаки-паша. В данной ему великим визирем инструкции, между прочим, говорилось: "Вступив в пределы Ниша, Вы созовете и соберете в Чуприи на Мораве и других соседних с ней местах райю и их каджабашей (старост. - В.Г.) и при любых обстоятельствах найдете мудрый способ добиться их доверия и склонности, и чтобы они ни в коем случае не примкнули к изгнанным янычарам". Решением Порты рейс-эфенди было поручено договориться с венским двором о запрете продавать янычарам боеприпасы и продовольствие, но этот запрет не должен распространяться на белградский гарнизон Мустафа-паши. Более того, австрийское командование может снабжать белградский гарнизон и вести переговоры с мухафизом. Если же Мустафа-паша окажется в плену, то австрийское командование должно будет вести перегово-

ры с бейлербеем Румелии, на которого возложено дело восстановления порядка в Белградском пашалыке⁸⁰. Венский двор удовлетворил просьбу Порты и наряду с помощью Мустафа-паше, подробно информировал ее о положении дел в Белграде. "Порта же за такое дружеское поведение, — пишет Кочубей, — поручила ему (австрийскому послу в Константинополе. — В.Г.) изъяснить римско-императорскому (венскому. — В.Г.) двору свою признательность"⁸¹.

Совместными усилиями войск бейлербея и белградского гарнизона янычары были разбиты и отогнаны от Белграда. За эту победу и за верность престолу султан наградил Мустафа-пашу шубой стоимостью в 10 тыс. пиастров, его представителю в столице (кегае) был пожалован чин хаджияна, а Мустафа-паша с еще большим усердием продолжал вводить в Белградском пашалыке реформы низами-джедид⁸². К середине августа 1795 г. порядок в Белграде был восстановлен и были приняты необходимые меры по снабжению жителей пашалыка продовольствием: мухафиз добился от Порты указаний валашскому господарю снабдить белградский гарнизон провиантом и разрешения на закупку в Австрии 40 тыс. кг зерна для нужд мирного населения⁸³. В период правления Мустафа-паши Порта при его содействии расширила привилегии сербов в сфере местного управления.

Фирманом 1796 г. султан Селим III восстановил порядок выбора и утверждения сербских кнезов, признал за ними право сбора налогов с сербского населения без вмешательства в этот процесс турецких властей, возложил на сербских кнезов обязанности по формированию воинских отрядов из сербов, которые должны были воевать с внутренними и внешними врагами Османской империи, а также возлагал на кнезов ответственность за организацию общественных работ по строительству и ремонту крепостей и укреплений⁸⁴. Сербские кнезы, собранные по этому поводу в апреле 1796 г. в Белграде, дали клятву Мустафа-паше и митрополиту Мефодию в том, что сербский народ останется верным султану, будет выполнять все распоряжения Порты и белградского мухафиза, будет выделять своих воинов для охраны города и людей для восстановления крепостей. 4 апреля 1796 г. кнезы отправили письмо султану, в котором писали, что сербы будут с этого времени выделять по 400 воинов от каждой нахии для борьбы с мятежными янычарами и беспрекословно подчиняться белградскому мухафизу Мустафа-паше, управляющему ими, "как мудрый визирь и добрый отец"⁸⁵. В апреле 1797 г. Мустафа-паша был назначен бейлербеем Румелии и по решению Порты сформировал шестнадцатитысячное войско из сербов, во главе которого был поставлен Станко Харамбашич, служивший ранее в белградском гарнизоне. Сербское войско подразделялось на тысячи, сотни и полусотни, которыми командовали сербские же начальники⁸⁶.

Вторжение Наполеона в египетские владения Османской империи в июле 1798 г. отозвалось новыми беспорядками в Белградском пашалыке.

Нужда в войсках для войны с Францией заставила султана пойти на уступку янычарам. В январе 1799 г. Селим III отменил решение дивана от августа 1791 и июля 1792 гг. об изгнании янычар и издал хати-шериф, которым разрешал янычарам вернуться в Белградский пашалык, восстановил их прежние привилегии. Тогда же Мустафа-паше было приказано распустить наемное войско из кирджалиев и приступить к формированию новых янычарских орт. Опасаясь мести возвращавшихся янычар, сербское население пашалыка начало готовиться к переселению в Срем, Банат и другие области Австрии, но австрийские власти на этот раз отказались принять беженцев⁸⁷. Положение в пашалыке вновь обострилось и сербские кнезы 4 апреля 1799 г. направили султану послание, в котором сообщали, что сербы согласны выделить дополнительно на усмирение вновь взбунтовавшихся янычар по 100 воинов и 300 ружей от каждой из 12 нахий⁸⁸. Силами сербского войска и наемных кирджалиев Мустафа-паша летом 1800 г. временно усмирил янычар, которых затем вместе с сербскими войсками направил освобождать занятые видинскими мятежниками районы Неготинской Краины.

Неудачными операциями по осаде г. Кладово, занятого видинскими янычарами, руководил сын Мустафа-паши Дервиш-бег, под командой которого было до 2 тыс. сербов и около тысячи янычар. Нежелание белградских янычар воевать против своих видинских единомышленников и их непрерывные нападения на сербских воинов побудили сербских военачальников пожаловаться Мустафа-паше на их предательство. В ответ на их жалобу бейлербей Румелии приказал сыну расстрелять 8 янычарских командиров, что вызвало восстание янычар против Мустафа-паши. По наущению Пазванд-оглу янычары 12 августа 1801 г. захватили Белград, а Мустафа-паша с кирджалиями был вынужден укрыться в верхней крепости города. Тем временем Пазванд-оглу назначил в Белград своего чиновника (муселима) и послал его с отрядом войск в сентябре 1801 г. занять город. Но белградские янычары отказались принять его и написали в связи с этим послание султану. В нем они признавали свое нежелание воевать с Пазванд-оглу, но в то же время подчеркивали, что остаются верными слугами султана и не намерены принимать чиновников из Видина. Разъясняя причины своего недовольства Мустафа-пашой, они указывали, что он задерживает выплату жалованья, тратит эти деньги на наем кирджалиев и продает янычарам продовольствие в два раза дороже⁸⁹. Чтобы уладить дело миром, Порта 1 сентября 1801 г. подтвердила свое решение о назначении Мустафа-паши сераскером Румелии. Она подчинила ему войска белградского и видинского пашалыков вместе с войском боснийского визиря, а 14 сентября 1801 г. был издан фирман о прощении белградских янычар, о выплате им задержанного жалованья и о разрешении им остаться в Белграде⁹⁰.

По получении фирмана белградские янычары собрались на совет и постановили подчиниться решению Порты. По этому поводу В.С. Тамара со-

обчал в Петербург: "В Белграде возмущение поселенных там янычар прекратилось договором с изгнанным ими пашою, который возвратился опять на свое место, но принужден был уступить янычарскому корпусу большее прежнего участие в правлении города"⁹¹. Но как только сераскер Румелии начал набирать войско и наводить порядок в Зворнике и других районах пашалыка, янычары вновь взбунтовались. Для урегулирования конфликта в октябре 1801 г. из Константинополя был прислан офицер янычарского управления. В ходе разбирательства он признал виновными четырех янычарских начальников (дахиев): Мулу Юсуфа, Аганлику, Мехмед-ага Фочича, Кучук Али и потребовал их отправки в столицу для суда. Когда же янычары отказались выполнить его решение, Порта попросила венский двор еще раз помочь ей в подавлении янычарского мятежа. По приказу из Вены пятнадцатитысячный корпус австрийских войск был подведен к границе и ждал приказа о вступлении в Белград⁹². Тем временем австрийское командование послало к янычарам парламентаря, которого последние даже не пустили в город⁹³.

Посланные Портой сеймены были разбиты янычарами и отогнаны от Белграда. После этого австрийцы, пишет Кирико, "умножили число войск на границе, удвоили кордоны при Землине и объявили Порте, что они уже готовы для приведения прежнего порядка в Белграде и для побеждения своими силами бунтовщиков в Турции, но ... Порта, не соглашаясь к этому, отказывается от предлагаемых ей немалых услуг"⁹⁴. По совету Пазванд-оглу белградские янычары арестовали Мустафа-пашу и Порта была вынуждена заменить его другим чиновником⁹⁵. По этому поводу В.С. Тамара в середине декабря 1801 г. имел беседу с рейс-эфенди, который сообщил: "Синикли Мустафа-паша, губернатор белградский, противу которого взбунтовались было тамашние янычары, определяется к командованию в Измаил, а на место его губернатором в Белград (назначается. - В.Г.) Гассан-паша, бывший прежде комендантом в Бендерах и недавно в Силистрии. Как Гассан-паша был прежде янычарским агою в Белграде и любим тамошними янычарами, то надеется Порта, что удержит она их в верности и заставит притеснить со стороны Белграда видинского бунтовщика"⁹⁶. Это свидетельство русского посланника дает основание думать, что решение Порты перевести Мустафа-пашу из Белграда в Измаил явилось одной из причин, ускоривших намерение янычар расправиться с их злейшим врагом. Понимая, что сераскер Румелии после отъезда из Белграда окажется недосыгаем и вскоре найдет способ сурово наказать своих обидчиков, белградские янычары, узнав о его новом назначении, 27 декабря 1801 г. убили Мустафа-пашу⁹⁷.

В мартовском донесении 1803 г. русский генеральный консул в Яссах А.А. Жерве писал: "Теперь не подлежит уже сомнению, что Мустафа-паша, бывший начальник в Белграде, зарезан тамошними жителями (янычарами. - В.Г.) по внушению Пазванд-оглу. Он недавно получил от них в подарок парадную карету, ту самую, в которой ездил Мустафа"⁹⁸.

После убийства Мустафа-паши управление городом и пашалыком перешло в руки янычар-аги Халила. Об этом он официально уведомил 1 января 1802 г. австрийское пограничное командование, заверив его, что белградские янычары намерены поддерживать с австрийцами добрососедские отношения на основе существующих между империями договоров. В связи с этим янычар-ага просил австрийские власти не препятствовать янычарам в закупке провианта и сообщении с Константинополем. В ответ из Вены последовало следующее указание командующему пограничными войсками:

1) не отрицать в категорической форме факт узурпации власти янычарами, но и не предпринимать каких бы то ни было официальных акций, из которых могло бы вытекать признание их власти; 2) не препятствовать сообщению Порты и других турок с Белградом, запретив провозить туда боеприпасы, провиант и прочее; 3) выдающему себя за заместителя паши (каймакама) янычар-аге Халилу на его запрос следует ответить, что австрийские пограничные войска не намерены вмешиваться в белградские междоусобные распри, но местные власти не могут разрешить янычарам закупать провиант, поскольку в Австрии продолжает действовать закон, запрещающий вывоз зерна за ее пределы.

Одновременно комендант Землина официально уведомил Халила, что австрийские власти недовольны поступком янычар в отношении законного паши и предупредил их, что если они поднимут новый бунт, то австрийские войска будут действовать против жителей Белграда как против своих неприятелей. Этот меморандум австрийских властей вызвал протест Порты, которая усмотрела в нем двусмысленность. В ноте рейс-эфенди указывалось, что Порта могла бы согласиться с этим заявлением, если бы оно касалось только бунтующих янычар, число которых, по ее данным, не превышало 1500 человек. Но поскольку угроза распространяется на всех жителей города, то она оставляет за собой право на ответные меры. Интернунций Штурмер, пытаясь успокоить турецких министров, заявил им, что подобное истолкование заявлению землинского коменданта придали русские и английские дипломаты, находящиеся в Бухаресте и, следовательно, ему не нужно придавать такого значения⁹⁹. Однако, по свидетельству русского консула в Бухаресте Л.Г. Кирико, австрийское командование в начале 1802 г. все же перебросило часть своих войск с венгерской границы под Белград¹⁰⁰. Концентрация австрийских войск под Белградом была вызвана усилившейся активностью местных янычар.

После убийства Мустафа-паши четыре предводителя белградских янычар поделили между собой территорию пашалыка на четыре административные области, отстранили от власти всех сербских кнезов в нахиях и старост в селах, назначили в них своих муселимов, воевод и сердарей. По окончании произведенного переворота дахии послали султану письмо, в котором требовали отменить проведенные в Белградском пашалыке реформы, признать законным введенный ими порядок правления и вернуть янычарам их распроданные ранее читлуки. Султан отклонил требование белградских

дахиев, разрешив, однако, им не набирать в войска сербов. В марте 1802 г. Порта направила белградским дахиям предписание, которым запрещалось брать с сербского населения налоги не предусмотренные реформами. В ответном послании дахии клялись не взимать с сербов лишних налогов, отказывались от требования возратить их читлуки и давали обещание выступить в поход против Пазванд-оглу при условии, что в Белградский пашалык будет назначен справедливый мухафиз¹⁰¹.

В это же время активизировался и Пазванд-оглу, который располагал значительными силами в Видине и пользовался поддержкой ряда сильных румелийских пашей и аянов. Среди них были силистрийский аян Иликли-оглу, бежавшие из Крыма представители правившей там ранее династии Гиреев, Чингиз-Гирей с братьями, и другие сочувствовавшие мятежнику феодалы Румении.

5. Обстановка в восточных районах Румелии

в конце XVIII – начале XIX в. Иликли-оглу – аян делиорманский

Восточные районы Румелии издавна считались житницей Османской империи. Оттуда ее столица снабжалась хлебом, мясом и другими продуктами питания. В голодные послевоенные 1793–1794 гг. из Силистрийского, Никопольского и соседних с ними пашалыков в Константинополь были вывезены последние остатки зерна, муки, сухарей и т.д. После войны 1787–1791 гг. в эти пашалыки селились беженцы из Мореи, а также Янинского, Шкодринского и других западных пашалыков, жители которых пострадали от неурожая. В поисках наживы и пропитания в Восточную Румелию стягивались и кирджалийские отряды. По свидетельству Равича, "не только рай, то и турки, обитающие в Силистрийском дистрикте, от несносных земских поборов, оставляя жилища, бегут в Бугарию и в Валахию"¹⁰². Мухафизом Силистрии в 1793 г. был назначен Зигнали Хассан-паша. Ему было поручено ввести в Силистрии реформы низами-джедид, усмирить начинающиеся там волнения местных аянов и гражданского населения, очистить территорию пашалыка от кирджалиев и т.д. Стремясь загладить свою вину за поражение, понесенное от русских под Кушанами, и восстановить свою репутацию, Хассан-паша сформировал десяти тысячный корпус из наемников и с усердием начал операции по изгнанию из Силистрии кирджалиев. Но его наемники, захватив все лагерное имущество, а заодно и личные вещи паши, перешли к кирджалиям и вместе с ними стали опустошать окрестные селения¹⁰³. Равич сообщал, что в Силистрии, Никополе, Турнове и соседних с ними нациях скопилось много бродяг и разбойников. К зиме, пишет он, "они от холоду по местечкам согреваются, а на лето опять пойдут на разбой. Однако разбойники, кыржалы, свое ремесло не оставляют и никто их донныне унять не может"¹⁰⁴. Против нового мухафиза Зигнали Хассан-паши были настроены не только его наемники, но и местные аяны, которые не позволяли ему войти в Силистрию до ноября 1793 г. "За их мятежные поступки, – пи-

шет Равич, — он многих содержит под заточением, а иных жизни лишил; между прочим задавил диздаря (коменданта). От страха силистрийский муфтий с несколькими земскими аянами бежал¹⁰⁵.

К этому времени относятся и первые упоминания об аяне из Делиормана Иликли-оглу. Его отец, Йылык, был предводителем кирджалийского отряда в Добрудже, но во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. был убит или казнен. В молодости Иликли-оглу был разбойником в отряде своего отца, а после его гибели занял его место. В 1794–1795 гг. он силой захватил власть в местечке Делиорман, располагавшемся между Силистрией и Базарджиком. Наряду с другими силистрийскими аянами Иликли-оглу встал на сторону Пазванд-оглу и до самой смерти последнего был его верным союзником¹⁰⁶. В начале XIX в. Иликли-оглу широко прославился своими грабежами купцов и курьеров¹⁰⁷. К весне 1801 г. он считался одним из самых влиятельных бунтовщиков против Порты и располагал наемным войском численностью до 4 тыс. человек. Своими грабежами на больших дорогах он настолько запугал купцов, что они отказывались приезжать даже на популярную Сливенскую ярмарку¹⁰⁸. В начале 1802 г. войска руцукского аяна Терсеникли-оглу и союзных с ним аянов блокировали Иликли-оглу и даже пресекли всякое сообщение с жителями Силистрийского пашалыка¹⁰⁹. Но в мае 1802 г. Иликли-оглу разбил своих противников и разорвал кольцо блокады. "Многие из войск обеих партий, — пишет русский генеральный консул в Яссах В.Ф. Малиновский, — распространились по дорогам от Руцука и Силистрий до Варны, грабят и мучат народ, отрезая уши и носы"¹¹⁰.

После амнистии Пазванд-оглу по настоянию последнего Порты в сентябре 1802 г. назначила Иликли-оглу мухазифом Силистрии. Когда же Порты назначила на это место Гюрджи Осман-пашу, то Иликли-оглу отказался впустить его в город и тот вынужден был разместиться на зиму с войсками в Кючук-Кайнарджи¹¹¹. Воспользовавшийся этим Иликли-оглу вторгся в Валахию и вывез со складов в Излази все запасы¹¹². В течение всего этого времени Иликли-оглу непрерывно враждовал с Терсеникли-оглу. К лету 1803 г. междоусобная вражда Иликли-оглу и Терсеникли-оглу приобрела небывалый размах и явилась причиной прекращения судоходства по Дунаю от Галаца до Силистрии и от Силистрии до Руцука¹¹³. Жители Силистрийского пашалыка были настолько разорены междоусобиями аянов, грабежами кирджалиев и контрибуциями правительственных войск, что были вынуждены покидать свои села и бежать в поисках более безопасных мест. Л.Г. Кирико писал по этому поводу: "Жители Силистрийского рая переходят во множестве в Валахию для избежания шалостей, чинимых кирджалиями Манафа и руцукскими войсками, которые без всякого уважения грабят бедный народ"¹¹⁴.

6. Терсеникли-оглу - аян рушукский

Исмаил Терсеникли-оглу родился в богатой семье в селе Терсеник Рушукской (Русенской) нахии. В молодости он занимался разбоем. Когда в 80-х годах XVIII в. Рушук стал приобретать известность одного из центров антиправительственных сил, некий Челеби Мехмед с отрядом вооруженных людей в 1785 г. напал на войско назначенного Портой в Рушук аяна, прогнал его и самовольно занял его должность. Поддерживавших законного аяна жителей Рушука, среди которых было много богатых семейств, он ограбил и продал в рабство около 170 турчанок. Из донесений местных властей известно, что самозванному аяну помогали дезертиры и кирджалии, которые тайно собирались в чифлике хана Гирея, расположенном недалеко от Рушука. Среди этих кирджалиев упоминался разбойник Терсеникли-заде¹¹⁵. После заключения Ясского мира на подавление рушукского мятежа были посланы войска Али-паши Видинского, аянов разградского, шуменского и новопазарского. Осенью 1793 г. они изгнали самозванца; аяном Рушука был назначен Кадыш-оглу. Ему было предписано начать формирование отряда регулярных войск (левантов, или низамов). Собрав до роты воинов, Кадыш-оглу по каким-то причинам покинул Рушук и сбежал вместе с ними в Журжу. За этот поступок рушукский аян был приговорен к смертной казни¹¹⁶.

Терсеникли-оглу в это время возглавлял отряд кирджалиев, располагавшийся под Плевной, и совершал оттуда набеги на Никопольскую, Тырновскую, Разградскую, Ловченскую и Систовскую казы. В 1794 г. его отряд был рассеян, а он сам был сослан на один из островов Дуная под надзор рушукского аяна Хаджи Хассан-аги, назначенного на место Кадыш-оглу. С весны 1795 г. во владениях рушукского аяна вновь начал действовать отряд кирджалиев от 30 до 40 человек под командой Омера, который, по некоторым данным, был братом Терсеникли-оглу¹¹⁷. Порта отдала приказ всем окрестным начальникам ликвидировать кирджалиев Омера, занимавшихся грабежом местного населения, проезжих купцов и курьеров. Игнорируя этот приказ, Хаджи Хассан укрыл в своих владениях кирджалиев, а Омера назначил сотником (булюк-башой) своих войск. В марте 1795 г. Омер убил русского курьера и забрал у него 14,5 тыс. пиастров. По требованию русского посланника В.П. Кочубея Порта направила Хаджи Хассану фирман с предписанием разыскать и арестовать виновных в ограблении. Рушукский аян и на этот раз укрыл Омера с кирджалиями, а награбленные ими деньги, вещи, товары они поделили между собой. Противозаконные поступки Хаджи Хассана стали известны Порте, и она приказала Силистрийскому паше отобрать у рушукского аяна деньги и переслать их в столицу для возвращения русскому посланнику. Если же Хаджи Хассан окажет сопротивление, говорилось в фирмане, то визирю Силистрии надлежит арестовать виновного и препроводить его в столицу¹¹⁸.

В 1795 г. Исмаил Терсеникли-оглу силой захватил власть в Рушуке, а в 1796 г. под его контролем оказались Рушукская, Разградская и Систовская казы. В этот период он всячески пытался доказать свою преданность Порте и враждебность к Пазванд-оглу и его союзникам. Открытая вражда между Терсеникли-оглу и Пазванд-оглу началась в 1797 г., когда один из союзников видинского мятежника Маджар Али захватил Турново и осадил Рушук. За успешную оборону Рушука Порта пожаловала Терсеникли-оглу звание капиджи-баши. С этого времени он стал одним из основных союзников Порты в борьбе с бунтующими янычарами и кирджалиями. В июне 1799 г. он истребил в Систовском и Никопольском районах два отряда кирджалиев, отослав в столицу как доказательство 100 кирджалийских голов. В связи с этим бейлербей Румелии Хассан-паша направил ему благодарственное послание, в котором призывал его и аянов из Разграда, Систова и других каз вести борьбу с кирджалиями с еще большей беспощадностью. К осени 1800 г. Терсеникли-оглу подчинил своей власти Никопольскую, Плевенскую и Берковскую казы. Но в конце сентября 1800 г. союзные Пазванд-оглу аяны под командой Дженекчи-оглу разбили восьмидесятысячный корпус правительственных войск и стали быстро усиливаться за счет возвращавшихся из-под Адрианополя кирджалийских отрядов. В связи с этим Порта приказала Терсеникли-оглу очистить от кирджалиев Лом, Оряхово и Плевну. По ее приказу Терсеникли-оглу стал собирать вокруг себя отряды сейменов союзных ему аянов Систовской и Турновской каз. Однако, поскольку их сил было недостаточно для выполнения поставленной задачи, он просил Порту выдать ему 40 тыс. пиастров для найма сейменов из других пашалыков. Порта в принципе одобрила его инициативу, но денег не дала, посоветовав собрать их с населения подвластных ему районов. Такая позиция Порты несколько охладила рушукского аяна. В 1800 г. его военные силы не превышали 10 тыс. человек и значительно уступали мощи Пазванд-оглу и его союзников.

Поскольку Порта еще в 1799 г. примирилась с Пазванд-оглу, признав за ним все его владения, он отдал приказ отобрать у Терсеникли-оглу всю артиллерию и вернуть все захваченные села. Терсеникли-оглу отказался выполнить это, и видинский паша применил силу. В мае 1800 г. его войска осадили Никополь и другие города. Самовольные действия Пазванд-оглу не понравились Порте, и она назначила Терсеникли-оглу воеводой Тырнова, комендант которого переметнулся к Пазванд-оглу. Но овладеть Тырновской крепостью оказалось не так-то просто. Засевший там местный воевода при поддержке кирджалиев, действовавших в Тырновской, Плевенской и Систовской казах, без труда отражал нападения войск Порты и Терсеникли-оглу. У осаждавших не было провианта, и они силой отбирали его у жителей Габрова, Плевны и других окрестных каз¹¹⁹. Войска Порты под командой Паласлу Мехмед-паши смогли занять Тырново только в июне 1800 г. Но вступивший туда четырехтысячный корпус, который состоял в основном из албанцев, тут же был блокирован

кирджалиями. По свидетельству русских дипломатов, албанцы Паласлу Мехмеда не желали воевать с кирджалиями, так как среди них было много их земляков. При поддержке войск Терсеникли-оглу и белградского паши Паласлу Мехмед-паша отогнал кирджалиев от города, а Терсеникли-оглу оттеснил их дальше к Плевне¹²⁰.

К началу XIX в. рудукский аян усилился еще больше. Русский посланник в Османской империи так характеризовал Терсеникли-оглу: "Прежде он был разбойник, ныне - аян (старшина) города Рушук, командующий небольшим числом войск доброй воли"¹²¹. В июне 1801 г. рудукский аян начал "записывать" в свои войска людей для борьбы с кирджалиями¹²². Направлявшийся в Париж послом Галиб-эфенди в 1802 г. по приказу Порты совершил инспекцию в придунайских областях Румении. В связи с этим он донес Селиму III, что Исмаил Терсеникли-оглу к своим прежним владениям присоединил города Шумен и Разград. Чтобы привлечь на свою сторону шуменского аяна, Терсеникли-оглу подарил ему дорогую шубу. По договоренности с ним шуменский аян Мехмед-ага расположил свои войска по границе владений Иликли-оглу, за что был освобожден от всех налогов. В таких же отношениях с Терсеникли-оглу были и аяны других четырех соседних каз.

Многие аяны присоединились к Терсеникли-оглу добровольно, а некоторые по необходимости. Поэтому их обязанности были неодинаковыми. Например, разградский аян был обязан набирать в своей казе определенное число людей и отправлять их для военной службы к Терсеникли-оглу. Во время войны с кирджалиями и янычарских бунтов разградский аян был обязан вербовать наемников из числа мирных жителей своей казы. Переметнувшийся к Терсеникли-оглу от Пазванд-оглу Кяур Имам, так же как и шуменский аян, был обязан воевать против Иликли-оглу. К началу 1803 г. в сферу влияния Терсеникли-оглу входили Рушук, Тырново, Разград, Шумен, Нови-Пазар, Ески-Джумая, Осман-Пазар и другие придунайские районы.

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает основание заключить, что к началу 1803 г. Терсеникли-оглу удалось создать союз румелийских аянов. Его военные силы формировались из отрядов зависимых от него или союзных с ним аянов, из наемников и ополчения местных жителей. Организованные по такому принципу войска обходились значительно дешевле, чем янычары, получавшие постоянное жалованье, и наемники-арнауты, которые были ненадежными и дезертировали в случае, если их что-то не устраивало. Хотя Терсеникли-оглу и не признал реформ низами-джедид, его налоговая политика не противоречила основным принципам тимарной системы и существенно не меняла форм спахийского землевладения и системы органов местного управления. Его противозаконная деятельность ограничивалась самовольной заменой враждебных ему аянов своими ставленниками. Стремление Терсеникли-оглу к восстановлению спокойствия и борьба с кирджалиями мирили Порту с самоволием самоз-

ванного аяна и объединяли вокруг него местных аянов и мирное население. Все вместе взятое, способствовало быстрому росту влияния Терсеникли-оглу в провинции и усилению военной мощи, которые к 1803 г. были приблизительно равны влиянию и военной силе Пазванд-оглу, а в 1803-1804 гг. уже превосходили их¹²³.

Рассмотренные факты свидетельствуют о наличии ряда общих моментов при формировании центров антиправительственной оппозиции в балканских владениях Османской империи:

1) Накануне и после войны 1787-1791 гг., особенно во время введения реформ низами-джедид, наиболее важные должности в Шкодринском, Янинском, Видинском, Белградском и других пашалыках Румении были силой отобраны у законных представителей Порты отдельными предводителями кирджалийских отрядов, командирами янычарских орт и другими лицами, имевшими в своем распоряжении наемную военную силу. Этим узурпаторов законные власти чаще всего называли разбойниками, мятежниками и т.п. Не имея достаточно сил для борьбы с многочисленными узурпаторами, Порта была вынуждена идти на компромисс с ними и признавать их законной властью. Однако она относилась к этому как к временному компромиссу в надежде потом найти силы и способы для того, чтобы избавиться от них. Со временем факты узурпации аянских должностей и вынужденное признание их Портой стали закономерностью и существенно дестабилизировали систему местного управления в Румелии. Насильственное введение реформ низами-джедид еще сильнее дестабилизировало обстановку в балканских областях империи и привело, по существу, к гражданской войне в Румелии; 2) недовольство всех слоев населения реформами позволило узурпаторам привлекать на свою сторону значительную часть янычар, спахиев и даже трудовое население из подвластных им нахий и пашалыков. Главари наиболее крупных центров антиправительственной оппозиции (Махмуд-паша Бушатли, Пазванд-оглу, Терсеникли-оглу, белградские дахии и др.) по собственной инициативе издавали постановления и принимали решения по административным, судебным и даже по религиозным вопросам, самостоятельно устанавливали размеры налогов, которые иногда были ниже норм, определенных новым законодательством, за свой счет набирали нужное число воинов из жителей разных национальностей и вероисповеданий; 3) постоянное стремление узурпаторов к расширению сферы своей власти порождало конфликты как с Портой, так и с соседями. В процессе начавшейся междоусобной войны пашей и аянов стали возникать и их временные союзы; 4) в ряде случаев междоусобная борьба на время прекращалась, когда силы румелийской оппозиции объединялись для совместных походов на Константинополь; 5) силы мятежных пашей - Махмуд-паши Бушатли, Али-паши Янинского, Пазванд-оглу Видинского, Терсеникли-оглу Рушукского - в конце XVIII в. настолько возросли, что с этим были вынуждены считаться даже правительства Австрии, Франции и России, которые при определении курса

своей политики в отношении Порты принимали в расчет и поведение влиятельных пашей и аянов.

- ¹ А р ш Г.Л., С е н к е в и ч И.Г., С м и р н о в а Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965. С. 34-38.
- ² Там же. С. 57-58; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 63.
- ³ П е ј о в и њ Ђ. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 274-276.
- ⁴ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 689. Л. 68. Булгаков Я.И. - Екатерине II, 24 апреля 1787 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 92.
- ⁵ П е ј о в и њ Ђ. Црна Гора... С. 274-276.
- ⁶ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 763. Л. 27-28, 46-47. Хвостов - Остерману, 4(15) февраля 1793 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 162.
- ⁷ Там же. Л. 57. Хвостов - Остерману, 16 марта 1793 г.
- ⁸ Там же. Д. 764. Л. 11. Константинопольские новости до 5 июня 1793 г.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Свидетельства источников о численности войск Махмуда Бушатли в 1793-1794 гг. разноречивы. Хвостов пишет, что в сентябре 1793 г. его войско составляло 100 тыс. человек (АВПР. Оп. 89/8. Д. 763. Л. 62, 72. Хвостов - Остерману, 5 сентября 1793 г.). В.П. Кочубей в апреле 1794 г. называет цифру в 30 тыс. человек (Там же. Д. 789. Л. 25. Кочубей - Екатерине II 6/17 апреля 1793 г.), а советский историк Г.Л. Арш - 10 тыс. человек (А р ш Г.Л. и др. Краткая история Албании. С. 66). Нам кажется наиболее приемлемой должна быть цифра в 30 тыс. человек, поскольку В.П. Кочубей располагал достаточно надежными источниками информации.
- ¹¹ АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9. Д. 1124. Л. 99. Равич - Северину, 27 января 1794 г.
- ¹² П е ј о в и њ Ђ. Црна Гора... С. 277.
- ¹³ АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 89/9. Д. 808. Л. 35-41. Кочубей - Екатерине II, 16(27) января 1795 г.; Там же. Д. 810 Л. 6. Кочубей - Екатерине II, 2(13) марта 1795 г.
- ¹⁴ Там же. Д. 813. Л. 2. Кочубей - Екатерине II, 2(13) августа 1795 г.
- ¹⁵ А р ш Г.Л. и др. Краткая история Албании. С. 67-68.
- ¹⁶ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 833. Л. 1-10. Кочубей - Екатерине II, 1(12) октября 1796 г.
- ¹⁷ П е ј о в и њ Ђ. Црна Гора... С. 277-282.
- ¹⁸ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 833. Л. 15. Кочубей - Екатерине II, 15(26) октября 1796 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 187.
- ¹⁹ Там же. Л. 52-58. Кочубей - Екатерине II, 15(26) ноября 1796 г.
- ^{19a} Там же. Л. 42. Кочубей - Екатерине II, 1(12) ноября 1796 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 188.
- ²⁰ Там же. Ф. Тамара - Павлу I, 16(27) августа 1800 г.
- ²¹ АВПР. Сношения России с Турцией. Д. 637. Л. 11. Булгаков - Екатерине II, 12 декабря 1786 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 122-137.
- ²² АВПР. Ф. Сношение России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 764. Л. 11. Хвостов - Остерману, 5 июня 1793 г.

- 23 А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 63-65.
- 24 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. 1793-1794. Оп. 9. Д. 1124. Л. 157. Равич - Северину, июнь 1793 г.; Там же. Д. 1172. Л. 13-14. Равич - Кочубею, 8 марта 1794 г.
- 25 Там же.
- 26 А р ш Г.Л. и др. Краткая история Албании. С. 65.
- 27 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1800. Д. 918. Л. 18-21. В.С. Тамара - Павлу I, 1(12) ноября 1800 г.; А р ш Г.Л. Албания и Эпир... С. 205-206.
- 28 П о п о в Л.И. Принос за изучаване миналото на българското отечество. Сборник за народни умотворени, наука и книжнина. С., 1908. Кн. 24. С. 73-74; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 245.
- 29 Documente privind istoria României. Colectia Budoxiu de Hurmazaki. Rapoarte diplomatice ruse (1797 - 1806). Bucuresti, 1974. Vol. IV. P. 421. Записка бухарестских и задунайских известий до 9 августа 1802 г. (Далее: Записка...).
- 30 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 75.
- 31 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Д. 1090. Л. 45-46. А. Маргарит - И. Северину, 16 июня 1792 г.
- 32 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 764. Л. 42. Хвостов - Остерману, 20 июля 1793 г.
- 33 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9. Д. 1172. Л. 13-14. Равич - Кочубею, 8 марта 1794 г.
- 34 Там же. Д. 1124. Л. 99. Равич - Северину, 27 января 1794 г.
- 35 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 100-103.
- 36 Там же. С. 104.
- 37 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9. Д. 1124. Л. 170-171. Равич - Северину, 8 ноября 1793 г.
- 38 Там же. Д. 1172. Л. 13-14. Равич - Кочубею, 8 марта 1794 г.
- 39 Ш а б а н о в и њ Х. Турски извори о српској револуцији 1804 г. Београд, 1956. Књ. 1. С. 194-195; Историја Београда. Београд, 1977. Књ. 1. С. 742.
- 40 АВПР. Ф. Сношение России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 812. Л. 37-41. Кочубей - Екатерине II, 2(13) июля 1795 г.
- 41 Там же. Д. 813. Л. 36. Кочубей - Екатерине II, 16(27) августа 1795 г.
- 42 Там же. Д. 815. Л. 74-78. Кочубей - Екатерине II, 1(12) октября 1795 г.
- 43 Там же. Л. 98-104. Кочубей - Екатерине II, 15(26) октября 1795 г.
- 44 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 130-131.
- 45 Там же. С. 137.
- 46 АВПР. Сношение России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 832. Л. 34. Кочубей - Екатерине II, 15(26) сентября 1796 г.
- 47 П о п о в Л.И. Принос... С. 3-5; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 150-151.
- 48 П о п о в Л.И. Принос... С. 135-136; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 152-153.
- 49 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 154-156.
- 49а Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 167.
- 50 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 160.
- 51 Там же. С. 186.

- 52 Там же. С. 166-167.
- 53 П о п о в Л.И. Принос... С. 3; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 170.
- 54 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 173-180.
- 55 Там же. С. 177-178.
- 56 Там же. С. 182.
- 57 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1800. Д. 913. Л. 1-6. Тамара - Павлу I, 1(12) апреля 1800 г.
- 58 Там же. Л. 62-63. Тамара - Павлу I, 9(20) апреля 1800 г.
- 59 Там же. Д. 918. Л. 15-18. Тамара - Павлу I, 1(12) сентября 1800 г.
- 60 Там же. Л. 60. Записка Константинопольских новостей до 2(13) октября 1800 г.
- 61 Documente... Vol. IV. P. 322.
- 62 Ъid.P. 319. Записка... до 31 мая (12 июня) 1801 г.
- 63 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 46. Л. 99-100. Записка... до 22 января (3 февраля) 1802 г.
- 64 ИСН. Кн. IV, т. 1. С. 394.
- 65 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1791-1794). С. 64-65.
- 66 П а в л о в и њ Д.М. Србија за време последнег аустријско-турског рата (1788-1791 гг.). Београд, 1910. С. 243-244, 251; ИСН. Кн. IV. Т. 1. С. 396.
- 67 ИСН. Кн. IV, т. 1. С. 401.
- 68 Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 160-163.
- 69 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 764. Л. 42, 42 об.; Хвостов - Остерману, 20 июля 1793 г.
- 70 Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 162.
- 71 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 764. Л. 34. Хвостов - Остерману, 5(16) июля 1793 г.
- 72 Там же. Л. 42. Хвостов - Остерману, 20 июля 1793 г.
- 73 Об этом см.: П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1791-1794 гг.) С. 141-147; ИСН. Кн. IV, т. 1. С. 405-406.
- 74 Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 163-165.
- 75 ИСН. Кн. IV, т. 1. С. 404-407.
- 76 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9. Д. 1172. Л. 47-48. Равич - Кочубей, 24 сентября 1794 г.
- 77 Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 163-165.
- 78 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 812. Л. 78. Кочубей - Екатерине II, 16(27) июля 1795 г.
- 79 Там же. Л. 34-41. Кочубей - Екатерине II, 2(13) июля 1795 г.
- 80 Ш а б а н о в и њ Х. Турски извори... Кн. 1. С. 196-199; Решения Порты от 13 июля 1795 г.
- 81 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 812. Л. 78 об. Кочубей - Екатерине II, 16(27) июля 1795 г.
- 82 Там же. Д. 813. Л. 1. Кочубей - Екатерине II, 2(13) августа 1795 г.
- 83 Там же. Л. 27-36. Кочубей - Екатерине II, 16(27) августа 1795 г.
- 84 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 18, 30-34.
- 85 Ш а б а н о в и њ Х. Турски извори... Кн. 1. С. 202-204.

- 86 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 123-131; ИСН. Књ. IУ, т. 1. С. 411-412.
- 87 Г а в р и л о в и њ Сл. Прилог историји и трговине и миграције Балкан - Подунавље XVIII - XIX столећа. Београд, 1969. С. 221-225.
- 88 Историја Београда. Кн. 1. С. 744-746; ИСН. Кн IУ, т. 1. С. 414.
- 89 Documente ... Vol. IV. P. 332-333.
- 90 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 250, 254-255.
- 91 АВПР. Ф. Канцеларија. 1802. Д. 2218. Ч. II. Л. 238-241. Тамара - Александру I, 1(13) октобра 1801 г.
- 92 Documente ... Vol. IV. P. 332-333.
- 93 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 254-255.
- 94 АВПР. Ф. Генералное консулство в Яссах. Д. 17. Л. 313-314. Записка... до 14(26) ноября 1801 г.
- 95 Documente ... Vol. IV. P. 339-340.
- 96 АВПР. Ф. Канцеларија. Константинополь. Д. 2218. Л. 320-321; Тамара - Александру, 16(28) декабря 1801 г.
- 97 В работах сербских буржуазных и современных югославских историков вопрос о причинах убийства Мустафа-паши до сих пор остается открытым. Его выяснение осложнилось недостаточным обоснованным, на наш взгляд, выводом Д. Пантелича, который считал, что назначение Хассан-паши на должность белградского мухазифа состоялось только во второй половине января 1802 г., т.е. после гибели Мустафа-паши (П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 287). Приведенное нами впервые свидетельство В.С. Тамары указывает, что об этом решении Порты было известно, по крайней мере, в первой половине декабря 1801 г., т.е. накануне убийства Мустафа-паши янычарами. А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что распространявшийся слух о решении Порты убить из Белграда Мустафа-пашу послужил дополнительным стимулом для столь быстрой расправы с ним. Poleмику по этому вопросу см.: П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 261-264. См. также: ИСН. Књ. IУ, т. 1. С. 416-417.
- 98 АВПР. Ф.ГА 1-9. 1802-1803. Д. 7. П. 8. Л. 1-2 об. Жерве - Воронцову, 30 марта 1803 г.
- 99 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 280-283.
- 100 Documente ... Vol. IV, P. 354. Кирико - Малиновскому, 11 февраля 1802 г.
- 101 Т р и ч к о в и њ Р. Њуприја... С. 168.
- 102 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. 1793-1794. Оп. 9. Д. 1124. Л. 154-155. Записка... до 27 мая. 1794 г.
- 103 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 764. Л. 33. Хвостов - Остерману, 5 июля 1793 г.
- 104 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. 1793. Оп. 9. Д. 1124. Л. 93. Равич - Северину, 2 декабря 1793 г.
- 105 Там же. Л. 176. Равич - Северину, 23 декабря 1793 г.
- 106 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 196.
- 107 Русский генеральный консул в Дунайских княжествах приписывал Иликли-оглу ограбление и убийство русского курьера Карпова, совершенное зимой 1800 г. (АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1664. Л. 47. Яковлев - Тамаре, 4/15 марта 1800 г.).
- 108 АВПР. Ф.ГА 1-9. Д. 4. Л. 54. Малиновский - Александру I, 27 апреля (9 мая) 1801 г.

- 109 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 46. Л. 99-100. Записка... до 22 января 1802 г.
- 110 Documente ... Vol. IV. P. 372.
- 111 Ibid. P. 432-433, 442-446.
- 112 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 46. Кирико - Жерве, 26 ноября 1802 г.
- 113 Там же. Д. 64. Л. 42. Ренский - Жерве, 5(17) мая 1803 г.
- 114 Там же. Д. 63. Л. 191-192. Кирико - Жерве, 5(17) августа 1803 г.
- 115 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 61, 122-123.
- 116 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9. Д. 1124. Л. 171. Равич - Северину, 8(19) ноября 1793 г.
- 117 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 122-123.
- 118 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 810. Л. 73-74. Кочубей - Екатерине II, 1(12) апреля 1795 г. (Приложение: перевод фирмана от 21 марта 1795 г.).
- 119 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 122-123, 134, 192-196, 213-215, 217-218.
- 120 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 916. Л. 1-7. Тамара - Павлу I, 1(12) июля 1800 г.
- 121 Там же. Тамара - Павлу I, 1(12) июля 1800 г. (Приложение № 14); Там же. Л. 59. Тамара - Павлу I, 16(27) июля 1800 г.
- 122 АВПР. Ф. ГА 1-9. Д. 4. Л. 78. Записка... до 13 июля 1801 г.
- 123 См.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 257.

Г л а в а III

БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК В РУМЕЛИИ В 1800-1803 гг. И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ ПОРАБОЩЕННЫХ НАРОДОВ

1. Первый поход румелийской оппозиции на Константинополь

Введение в империи новых, более высоких налогов, попытки ликвидировать институт аянов и распустить или реорганизовать основную часть янычарского войска, частые замены и назначения провинциальных чиновников и т.д. - все это, вместе взятое, вызвало недовольство политической Порты во всех слоях общества и способствовало быстрому усилению оппозиционных сил. К началу XIX в. они начали объединяться для совместных открытых выступлений против введения реформ низами-джедид и отдельных представителей центральной власти. С началом французской агрессии в Египте деятельность оппозиционных групп усилилась еще больше. Отчисляя значительную часть средств на войну в Египте, Порта была вынуждена урезать жалованье янычарам и сократить кредиты бейлербею Румелии на содержание войск. Не последнюю роль в разжигании недовольства сыграли и многочисленные французские агенты в Румелии.

По инициативе Пазванд-оглу и ряда других влиятельных аянов Румелии осенью 1799 г. и в начале 1800 г. был организован большой поход оппозиционных сил на Константинополь. Основу этих сил составило пятитысячное войско объединенных кирджалиев под командой одного из наиболее

влиятельных кирджалийских предводителей Кара Фейзи. В марте 1800 г. отряды кирджалиев, собравшись во Фракии, заняли Карнобат, Лозенград, Мале-Бургас и намеревались двигаться на столицу империи. Об этом походе сохранилось несколько свидетельств различных авторов, которые неоднозначно освещают его цели и состав участников¹. В частности, австрийский посол в Османской империи Рат Кил сообщал, что руководители похода требовали от Порты отменить реформы низами-джедид и выдать им Юсуф-агу, капудан-пащу Хуссейна и других вдохновителей реформ².

Прусский дипломатический представитель в Османской империи Кнобельсдорф извещал, что руководителем похода был Кара Фейзи, который и послал Порте прошение, добываясь для себя и своих сподвижников справедливое решение султана. В нем указывалось, что все они были незаконно ограблены Юсуф-агой³. Отрывочные описания австрийского и прусского дипломатов, к сожалению, не дают полного представления ни о целях, ни о составе участников похода. Эти стороны вопроса значительно полнее охарактеризованы в донесениях русского посланника в Константинополе В.С. Тамары, который, по его словам, специально "вошел по сим делам в сношения с правительством турецким, как директно с министрами, так и через каналы наши и... (эти. - В.Г.) известия почерпнуты от лучших людей"⁴. По свидетельствам В.С. Тамары, походом руководил не один Кара Фейзи, а группа видных румелийских аянов и крупных чиновников. "Начальники мятежников, - пишет он, - не простые разбойники, но аяны (старейшины), лишенные мест своих во время видинской войны, а главный представитель Халил-паша, бывший губернатор раи Хотинской и сосланный в Родосто по снятии бунчуков". Правда, здесь следует отметить, что Халил-паша присоединился к участникам похода позже, в Родосто. Затем в с. Инджик к ним примкнули султан Мехмед-Гирей и Али Зот. Последний слыл в Константинополе за "якобинца" и "наперсника" бывшего французского посла в Османской империи Декорша. Захватив Родосто, руководители кирджалийского похода наложили на его жителей контрибуцию в размере 80 тыс. пиастров и принудили их к поставкам одежды, обуви, провизии, фуража и т.д.

Из с. Инджик, где был разбит основной лагерь мятежников, руководители похода направили письмо никейскому паше, командовавшему назначенными против них войсками, в котором просили его не начинать против них военных действий. Разъясняя причины и цель похода на Константинополь, авторы письма указывали, что они не являются разбойниками, как это объявила Порта, и "деяния их, - пишет Тамара, - происходят не от своеволия или желания корысти", но направлены "на понуждение окружаемого худыми советниками государя к перемене беззаконных новых установлений". Одновременно была составлена и петиция к султану, в которой руководители оппозиционных сил Румелии требовали признать их "верными подданными, добрыми мусульманами, пекущимися о благосостоянии империи и возвращении прежних мест начальствующими ими ромелийским старейшинам, а также трех бунчуков Халил-паше".

Основное требование оппозиционных сил об отмене новых реформ находило отклик и поддержку как у широких масс населения Румелии, так и среди спахийского сословия. Поэтому, уверяет В.С. Тамара, участники похода имели много сторонников и в столице⁵. Многие спахи отказывались воевать с силами оппозиции, а некоторые порой переходили в их лагерь. Так, например, поступил командующий войсками бастанджиёв (бастанджи-баши) в Адрианополе. "Расположение (к мятежникам. - В.Г.) черни цареградской и разных военных команд в столице учрежденных, - пишет Тамара, - столь подозрительно кажется правительству, что каймакам-паша и разные воинские чиновники обходят каждую ночь улицы. Сборы запрещены, заперты питейные дома ... и умножены смертные экзекуции". По оценке русского посланника, положение Порты с каждым днем становится все более безнадежным, так как "на храбрость войск своих (она уже. - В.Г.) не надеется, а верность их подозревает". Желая облегчить задачу турецкого правительства в борьбе с оппозиционными силами, В.С. Тамара предложил Порте использовать для борьбы с кирджалиями русскую эскадру под командой адмирала Ф.Ф. Ушакова, которая в это время находилась недалеко от Родосто и могла бы поддерживать огнем корабельной артиллерии действия войск Порты. Однако диван отклонил предложение русского посланника, ссылаясь на то, пишет Тамара, что турецкое правительство "потеряло бы последнее уважение к нему со стороны народа, если употребило бы войска, называемые неверными, против магометан"⁶. Попытки Порты разогнать мятежников небольшими силами новых, реформированных войск также остались безрезультатными. Руководители мятежных сил, по совету Чингиз Мехмед-Герей, повторно послали своих представителей в Константинополь с заверением, что они отменяют поход на столицу, если Порта удовлетворит их требования и откажется от проведения новых реформ. Однако все посланные в Константинополь прошения мятежников, по утверждению Тамары, были скрыты от султана Юсуф-агой, отставки и наказания которого добивались руководители оппозиции. Чтобы удержаться у власти и сохранить влияние на султана и его мать, Юсуф-ага не гнушался никакими способами. По уверениям русского посланника, этот вельможа даже приучил Селима III к пьянству. "Государь сей, - пишет Тамара, - напивается уже весьма часто до самой последней и постыдной степени. Недавно сочли апоплексическим ударом обморок, случившийся от вина"⁷.

Характеризуя руководителей оппозиционных сил, В.С. Тамара пишет, что Пазванд-оглу и Чингиз Мехмед-Гирей, помимо общей программы оппозиции, преследуют и свои особые, тайные цели. "Правительство, - продолжает русский посланник, - уже открыло тайную цель сих двух человек: Дженгис Мегмет Хан хочет свергнуть с престола дом Оттоманов и занять его место, а Пазванд-оглу ему помогает, подкрепляет его виды и вводит в факцию его ромелийских аянов. В настоящее время Порта уже не может положиться на большую часть этих аянов". Бунтующий Чингиз Мехмед-Гирей, сообщает Тамара, находится в сговоре не только с Пазванд-

оглу, но и с людьми, приближенными к султану, с которыми он ведет переписку. К румелийским аянам он примкнул с согласия этих высокопоставленных чиновников. К заговору, по уверению Тамары, были причастны и французские эмиссары. Получая от них деньги, Пазванд-оглу с ведома венского двора закупал в Австрии оружие, боеприпасы, амуницию, продовольствие и снабжал ими участников похода⁸.

Положение в столице Османской империи оказалось настолько угрожающим, что Павел I распорядился послать в Константинополь два пакетбота для эвакуации русской миссии. Благодаря царя за заботу, Тамара писал: "И в самом деле могло бы быть опасно оставаться здесь, если бы румелийские изменники соединились в столице с толпой военнопленных и других арестантов французских, тако же с якобинцами турецкими. Движения такового свойства руководствованы были политикою правительства французского, которому может быть нужно поссорить Ваше величество с Портою"⁹. По мнению В.С. Тамары, Порта сама была виновницей этого похода, так как она "настраивала каверзы сии" против Пазванд-оглу. А теперь, пишет посланник, "по делам сим столь себя смешала и запутала, что не знает ныне на что решиться". В конце апреля 1800 г. диван дал обещание выполнить основные требования румелийской оппозиции, после чего кирджалии постепенно начали расходиться из лагеря под Родосто в разные стороны, грабя и разоряя на своем пути города и селения. Чингиз Мехмед-Гирей, например, направился со своим войском к Никополю, ограбив по пути жителей Шумлы и Тырнова¹⁰.

Избавившись от непосредственной угрозы нападения на столицу империи мятежных сил, Порта забыла о своих обещаниях и приступила к разработке планов ликвидации оппозиции. На заседаниях дивана было решено вначале заняться истреблением явных бунтовщиков, а затем приняться и за тайных. Подбирая подходящие для исполнения этих решений кандидатуры, Порта в течение лета 1800 г. сменила трех бейлербеев Румелии¹¹. В частых сменах бейлербеев и пашей, по мнению русского посланника, была и другая сторона "чудной расчетливости турок". "Если взятием городов и умерщвлением в сражениях пашей, — поясняет Тамара, — обогащаются войска, то розыски и казни больше выгоды приносят министрам: общества неверных обывателей откупаются, а имущества пашей конфискуются"¹².

К середине июля 1800 г. до 6 тыс. кирджалиев собрались во владениях Пазванд-оглу под Никополем. Для борьбы с ними туда были посланы войска Порты, которые вместо борьбы с кирджалиями стали облагать налогами и грабить мирное население. В связи с этим Пазванд-оглу послал в столицу письмо, в котором подробно описал бесчинства правительственных войск. После рассмотрения этой жалобы диваном и самим султаном, пишет Тамара, "вся забота правления состояла в собрании из разных мест в Румелии довольно числа войск под начальством предводителей, почитаемых верными и храбрости надежной, и в назначении припасов для прокормления войск". На заседаниях дивана была сделана по-

пытка выяснить истинные причины всенародного недовольства политической реформ. Однако члены дивана явно уклонялись от этого и всю вину за беспорядки в столице свалили на заместителя начальника янычарского корпуса (сеймен-баши) и на артиллерийских командиров, подчиненные которых якобы ограбили контору и дом одного из столичных банкиров. Понимая нелепость подобных объяснений, Селим III в гневе пригрозил разогнать своих министров¹³. Несмотря на это, члены дивана приняли решение ограничиться казнью нескольких зачинщиков беспорядков из числа столичных янычар.

2. Обстановка в Белградском пашалыке в 1802–1803 гг.

После убийства Мустафа-паши и прихода к власти так называемого янычарского правительства обстановка в Белградском пашалыке накалилась еще больше. В борьбе за власть военное и политическое верховенство набранные из разных пашалыков янычары разделились на три враждующие между собой группировки, которые по-разному относились к факту убийства Мустафа-паши, к необходимости послушания Порте и к союзу с Пазванд-оглу. Их разногласия часто перерастали в вооруженные схватки, после которых часть янычар возвратилась в Боснию, а часть перешла на службу к Пазванд-оглу. Вновь назначенный мухафизом в Белград Хассан-паша продолжал оставаться в Никополе, где он ожидал получения с жителей Валахии 150 тыс. пиастров, которые ему были необходимы для расплаты с войском за проведенную кампанию. В надежде на то, что назначенный Портой мухафиз положит конец произволу янычар, жители Белграда послали к Хассан-паше письмо с просьбой скорее прибыть к месту его новой службы. Но, зная нравы белградских янычар, их прежний начальник не спешил с приездом, и Порта поручила наведение порядка в Белградском пашалыке боснийскому визирю Гюрджи Осман-паше. Польщенный доверием Порты боснийский визирь обещал ей набрать за свой счет дополнительное войско и поклялся пресечь связь белградских янычар с Пазванд-оглу¹⁴. Недовольные правлением Гюрджи Осман-паши боснийские аяны вошли в союз с белградскими дахиями, послали им на помощь двенадцатитысячное войско и обещали в случае необходимости отправить еще 20 тыс. человек под командой Ахмет-бея¹⁵. Однако Гюрджи Осман-паша почти беспрепятственно вошел в Белград и при поддержке белградских жителей казнил более 20 янычарских начальников. После этого янычары и жители города написали султану письмо, в котором обещали повиноваться приказам Порты и соглашались принять любого назначенного ей мухафиза.

Режимом правления белградских дахиев были недовольны во многих городах и нациях Белградского пашалыка. Так, например, в апреле 1802 г. в Крагуеваце при активном содействии местного населения восстал против дахиев комендант этой крепости Шехсувар-паша. Когда стало ясно, что крагуевацкому гарнизону не отразить своими силами наступление янычарских войск, Шехсувар-паша в июне 1802 г. приказал населению

Крагуеваца и Соко Бани покинуть свои дома и укрыться в горах до подхода основных сил, посланных Портой¹⁶. Между тем в конце апреля 1802 г. султан подписал фирман о помиловании белградских янычар¹⁷, а Порта отдала приказ готовить войска к походу на Пазванд-оглу и на Белград. По свидетельству австрийского командования, в подготовке похода и в операциях против белградских янычар участвовало несколько тысяч сербов. Например, 13 мая 1802 г. землинский комендант Тамерлин получил донесение, в котором сообщалось, что в местечке Костел, в Неготинской Крайне, сосредоточивались войска браильского назыря, в составе которых было 2 тыс. сербов. Все его войско должно было идти на Белград. Другие группировки сосредоточивались в Боснии, Нише, Лесковаце, Нови-Пазаре и в других местах¹⁸. В это же время к походу на Белград готовились и укрывавшиеся в австрийских владениях от дахийской диктатуры белградские спахии, во главе которых стояли Мехмед-ага Конялия и Хассан-бег.

Предводители белградских спахий привлекли на свою сторону часть эмигрировавших в Австрию сербов, через которых установили связь с сербами Белградского пашалыка. Во второй половине июня 1802 г. трое сербских эмигрантов во главе со Ст. Станешевичем тайно доставили в предместья Белграда оружие и боеприпасы, которые раздали сербским крестьянам. Местные кнезы организовали из них отряд в 500 человек, который в ожидании общего наступления занял позицию у горы Авала. Тем временем сформированный спахиями отряд переправился с австрийского берега Дуная на турецкий и пытался установить связь с отрядом спахий под командой Тосун-аги, который должен был наступать в районе Пожареваца. Несогласованность действий разрозненных группировок и нежелание значительной части султанских воинов вести междоусобную войну позволили янычарам разбить и отогнать от Белграда все посланные против них войска Порты.

В начале сентября 1802 г. Тосун-ага, собрав новые силы из сербов и наемников из других балканских народов, готовился к повторному нападению на белградских янычар. Дахии также начали пополнять свои силы за счет сербского населения. Одним из сербских отрядов численностью в 1800 человек, сражавшимся на стороне белградских янычар, командовал валеvский кнез Алекса Ненадович¹⁹. Из этого видно, что в войсках враждующих между собой в Белградском пашалыке группировок, по тем или иным причинам воевали сербы, но их действия в этот период еще не были направлены на освобождение от турецкого ига. Их можно расценивать лишь как внутривполитическую борьбу на стороне одной из противоборствующих группировок. Как свидетельствует один из участников междоусобной борьбы этого периода, Гая Пантелич, не желавшие воевать между собой турки старались стрелять в спины воюющих на их же стороне сербов. Сербь в свою очередь отвечали им тем же²⁰. Чтобы прекратить междоусобную вражду и приостановить разложение в войсках, Порта во второй половине сентября 1802 г. объявила о прощении Паз-

ванд-оглу и белградских янычар. В связи с этим Тосун-ага примирился с янычарами и 25 сентября 1802 г. с тремя сотнями воинов вошел в Белград. Янычарский совет вернул ему его прежние владения и назначил воеводой в Чуприю²¹.

Когда осенью 1802 г. визирский диван принял решение о роспуске вконец разложившейся дунайской группировки войск, в результате чего у правительства империи практически не оставалось надежных и боеспособных войск в его балканских владениях, белградские янычары воспользовались этим и установили в Белградском пашалыке режим жесточайшей диктатуры, который возглавили четыре главных янычарских начальника (дахии): Аганлия, Кучук Али, Мулла Юсуф, Мехмед-ага Фочич. Поделив между собой все 12 нахий Белградского пашалыка, дахии назначили воеводами в города янычарских начальников рангом ниже (т.е. кабадахиев, или "малых дахиев"), а в села - субашей. В распоряжении каждого кабадахия было от 30 до 50 янычар, а у субаши - от 10 до 20 воинов. Таким путем дахии отстранили от власти сербских кнезов и всех других чиновников местного управления, подчинявшихся белградскому мухафизу. При таком режиме управления пашалыком янычары начали присваивать тимары сражавшихся против них спахиев, а оставшихся в пашалыке заставляли отдавать часть их доходов. При этом дахии по примеру Пазванд-оглу отказались передавать мухафизу и Порте полагающиеся им части доходов. В отношении же сербского населения были приняты более ужесточенные меры: подушный налог (джизье) был увеличен с 15 до 35 грошей, налог в пользу спахиев - с трех грошей до 6,5; а иногда и до 9,5 грошей, были восстановлены отмененные ранее налоги на постройку церквей, увеличены размеры таможенных пошлин, разного рода штрафов и т.д. Сбор налогов с населения осуществляли назначаемые дахиями люди, которые не гнушались ни какими насильственными мерами²². Характеризуя режим дахийской диктатуры, В.С. Караджич писал: "Теперь уже не было иного судьи в (сербской. - В.Г.) земле, кроме дахиев, их кабалахиев и субашей. Кнезы после смерти Хаджи Мустафа-паши сразу же утратили свою власть в народе ... Они (дахии. - В.Г.) судили людей и выносили решения по своей воле. Они били и убивали людей, штрафовали их, отбирали у них лошадей, оружие и вообще все, что им нравилось"²³.

Таким образом, с установлением дахийской диктатуры в Белградском пашалыке произошли радикальные перемены как в системе местного управления, так и в сфере социально-экономических, прежде всего аграрных, отношений. Предоставленные сербам реформами 90-х годов XVIII в. привилегии правительство Османской империи с предельным напряжением сил смогло реально поддерживать не более 5-7 лет. С установлением дахийской диктатуры они были окончательно ликвидированы. Помимо поруганий над православной верой, писали сербские старейшины 3 мая 1804 г. русскому посланнику в Османской империи А.Я. Италинскому, янычары "почитлучили" все земли, в каждом селе установили свою особую админист-

рацию (субашей и владельцев постоянных дворов) с отрядами по 50 человек. Помимо харача султану и налогов спахиям сербское население пашалыка обязано было платить особые, более высокие, налоги янычарам. Дахии лишили православное духовенство права вершить суд над христианами по писаниям их веры. Они запретили сербам продавать на рынках все, даже продукты своего труда. Сербь должны были продавать их только янычарам по заранее установленным заниженным ценам. Янычары же, говорится в послании, скупая у сербов за бесценок хлеб, скот, птицу, и другие продукты, перепродают их в тридорога кому хотят. В результате такой грабительской политики, утверждают авторы письма, янычары за три года их господства баснословно разбогатели, а некоторые из их начальников стали миллионерами²⁴.

31 октября 1802 г. в Белград наконец-то прибыл представитель нового белградского мухафиза Хассан-паши, Ибрагим-ага, который выяснил, что в распоряжении белградских дахийев и Тосун-аги в тот момент находилось не более трех тысяч воинов. Они были хорошо вооружены и обеспечены всем необходимым. Оружие, боеприпасы и продовольствие дахии беспрепятственно закупали в Австрии и в германских княжествах, в частности в Лейпциге. После получения фирмана о прощении белградские янычары объявили себя воинами султана, но по-прежнему не хотели упустить из своих рук ни власти, ни земель, ни привилегий. Более того, они потребовали, чтобы новый мухафиз уплатил им задержанное жалование за все прошедшие 9 лет. В начале 1803 г. Хассан-паша с войском подошел к Белграду и объявил янычарам, что он не сможет удовлетворить все их требования, а тем более расплачиваться с ними за других. Янычары отказались впустить мухафиза в город, и он был вынужден идти в Смедерево, откуда и послал в Константинополь донесение о положении дел в пашалыке. Оно было обсуждено на заседании визирского дивана в марте 1803 г. Согласно принятому диваном решению янычарам запрещалось вмешиваться в установленный реформами порядок сбора налогов с сербского населения, из общей суммы собранных с Белградского пашалыка налогов Хассан-паша мог оставлять себе 195 тыс. пиастров, кроме того, ему же передавались доходы, связанные с разбирательством гражданских дел в судах, и штрафы с населения. По данным австрийской прессы того времени, белградские янычары на этот раз не осмелились противиться решению Порты и даже согласились на возвращение всех бежавших ранее из пашалыка спахийев, на невмешательство в порядок сбора налогов с населения и на подчинение Хассан-паше. 19 марта 1803 г. Хассан-паша торжественно въехал в Белград в сопровождении представителя Порты и свиты своих чиновников.

Первое время новый мухафиз был занят решением продовольственной проблемы, поскольку в Белграде и во всем пашалыке не хватало продовольствия ни для войск, ни для населения. Попытки Хассан-паши добиться разрешения на закупку продовольствия в Австрии, натолкнулись на встречные претензии австрийских властей, которые потребовали от него

уплатить долги янычар, выдать австрийских дезертиров и других лиц, осужденных австрийским судом. Предъявленные условия были трудновыполнимы и нехватка продовольствия ощущалась вплоть до нового урожая 1803 г. Несмотря на это, Хассан-паша при поддержке сербского населения ограничил привилегии янычар, принял меры направленные на прекращение их производства и постепенно восстановил относительный порядок в пашалыке²⁵. Однако первые признаки недовольства янычар политикой Хассан-паши начали проявляться уже в апреле 1803 г., когда, по свидетельству русского консула в Бухаресте Л.Г. Кирико, в белградском гарнизоне "возникли замешательства" между янычарами и набранными в Боснии наемниками, спровоцированные Пазванд-оглу²⁶.

В это же время по вине одного из дахийев, Кучука Али, возник конфликт между Портой и австрийскими властями из-за того, что этот ярый сторонник видинского паши укрывал у себя кирджалиев, разбойников, австрийских дезертиров и т.д. В районе Ягодины, в частности, нашла приют чета сербских гайдуков Лазы Дабича, которая часто промышляла на территории австрийских владений. По приказу Порты Хассан-паша в мае 1803 г. выследил и разогнал ее, а самого атамана привел в Белград. Несмотря на это, набеги на австрийские земли из владений Кучука Али не прекращались до конца 1803 г. После размолвки с видинским пашой Кучук Али летом 1803 г. стал ориентироваться на Терсеникли-оглу, который был назначен сераскером придунайских районов от Варны до Белграда²⁷. В связи со слухами о вступлении войск Терсеникли-оглу в Белград для наведения порядка янычары в августе 1803 г. стали собираться на тайные сходки, где обсуждали планы операций по отражению нападения Терсеникли-оглу и меры по заготовке провианта, фуража, боеприпасов и т.д. Тогда же дахии потребовали от Хассан-паши разоружить сербское население, которое он рассчитывал привлечь для борьбы с видинским войском. С наступлением осени, свидетельствует участник Первого сербского восстания Петр Йокич, янычары начали заготавливать провиант, превратив в склады и конюшни монастыри и церкви. Жен и дочерей сербов они подвергали насилиям и поруганию. Сербское население всего пашалыка было обязано платить спахиям десятину, а янычарам — девятину. Основные налоги были увеличены в три раза. В октябрьских номерах австрийских газет сообщалось, что угнетение сербов Белградского пашалыка усиливается с каждым днем. Многие из турецких сербов предпочли оставить свои жилища и теперь массами переселяются в Австрию²⁸.

Русские консулы в это время сообщали из Дунайских княжеств, что Кучук Али после размолвки на съезде аянов и кирджалийских начальников в Рудуке отошел от Терсеникли-оглу и вновь присоединился к видинскому паше. По приказу Пазванд-оглу он вместе с Кусанджали Халилом находился в Рахове и осенью 1803 г. участвовал в операциях на территории Неготинской Краины²⁹. В составе войск Кучука Али числилась и чета сербских гайдуков под предводительством атамана Станое, которая в ноябре 1803 г. взяла в плен нескольких австрийских офицеров³⁰. По-

добным же образом в это время действовал и сам Пазванд-оглу. Он приказал задерживать австрийские и русские суда плывшие вниз по Дунаю с грузами в Константинополь. Чиновники видинского мятежника в нарушение международных договоров взимали с купцов завышенные пошлины и заставляли продавать пшеницу и другие товары по заниженным ценам³¹.

3. Мероприятия Порты по восстановлению порядка после Египетской кампании и перегруппировка оппозиционных сил в Румелии в 1803-1804 гг.

На войну в Египте турецкое правительство истратило почти все наличные финансы государственной казны. К концу войны у Порты не было денег, чтобы выплатить жалованье войскам румелийских пашей, которые безрезультатно вели борьбу с кирджалиями. Янычарам не выдавалось жалованье в течение нескольких лет. Это, естественно, вызывало недовольство во всех родах турецкого войска и привело к усилению янычарских мятежей и междоусобной войны аянов в Румелии.

Вскоре после подписания франко-турецкого прелиминарного договора о мире (9/21 октября 1801 г.) русский посланник В.С. Тамара сделал официальный запрос у Порты по поводу ее планов восстановления порядка в Румелии. Рейс-эфенди ответил на это, что, в первую очередь, будут приняты меры по восстановлению пошатнувшегося авторитета власти бей-лербея Румелии. Порта намерена приравнять ее к власти великого визиря. Ему будут переданы и полномочия главнокомандующего войсками всех без исключения румелийских пашей и аянов. "Теперь, - пишет Тамара, - все губернаторы Румелии ему подчинены и Порта повелела каждому из тех особо быть в полном его распоряжении, а дабы повеление сие в точности исполнено было, то отсылаются к нему... все капу-чегодари (агенты при Порте губернаторов провинций), дабы сообщения принципалов их с сераскером могли иметь полное свое действие...". Тогда же Порта приняла и другое решение, которое, по словам Тамары, "гораздо умножает могущество сего сераскера: она обращает к нему все дела обывателей Румелии и суждение всякого рода их прошений и исков, яко к такому чиновнику, который по существу служения своего может один ведать как о справедливости одних, так и пользе каждого дела в отношении служения ему вверенного"³². Среди прочих мер, предпринятых Портой по восстановлению порядка в Румелии, были решения о замене господаря Валахии Мурузи, вместо которого был назначен Михаил Суцу, и смене придунайских аянов, на место которых, по словам Кирико, было решено "поставить пашей со званием мухафиза"³³. Однако наиболее важное решение, на наш взгляд, касалось кирджалиев. В надежде покончить с их бесчинствами столичный диван решил, пишет Италинский, "стараться заставить их не силою, но выгодными предложениями бросить самовольную жизнь"³⁴. По подсчетам турецких властей, в Румелии в 1803 г. действовали не более 6 тыс. кирджалиев и даглыев (горных разбойников), из которых 3 тыс. были на службе у Пазванд-оглу. Для их устройства были выделены земли

и деньги на обустройство хозяйства. Наиболее влиятельным начальникам кирджалийских отрядов были предложены должности воевод и других провинциальных чиновников в городах и районах Румелии³⁵. Представляя кирджалиям землю, постоянную службу и деньги, Порты рассчитывала отвлечь их от Пазванд-оглу и других румелийских мятежников, и разоблив их, лишить условий для совместных выступлений. После обнародования этих указов, пишет А.А. Жерве, "находящиеся в Румелии аяны и паши были приглашены... в Адрианополь для составления военного совета и принятия нужных мер к восстановлению порядка в Румелии и Болгарии"³⁶. До начала адрианопольского съезда Порте уже удалось наделить землей до двух тыс. кирджалиев, добровольно согласившихся оставить свое прежнее занятие и начать оседлый образ жизни. Их предводителям были предоставлены обещанные должности: Топачекли был назначен воеводой в Рахов, Кара Фейзи - воеводой в Пловдив, а Дели Кадри - воеводой в Базарджик³⁷.

Как ни странно, но принятые Портой меры в отношении кирджалиев в известной мере устраивали Пазванд-оглу, поскольку они позволили отказаться от услуг ненадежных и лишних кирджалийских отрядов. С другой стороны, расставшись с наиболее беспокойной частью своих подчиненных, он формально выполнял и другое постановление Порты, запрещающее формировать войска за счет наемников. Показывая свою покорность Порте, Пазванд-оглу в это время согласился принять посланного к нему из столицы янычар-агу, назначенного командовать гарнизоном видинских янычар³⁸. Так же поступил и его союзник Иликли-оглу Силистрийский, который по совету видинского паши не стал противиться приезду в Силистрию назначенного Портой мухафиза Юсуф-паши³⁹. Вместе с тем Пазванд-оглу, основываясь на решениях дивана о кирджалиях, начал назначать наиболее влиятельных и нужных ему их предводителей воеводами и чиновниками в районы, которые ранее были заняты Терсеникли-оглу и его союзниками.

Бейлербей Румелии Али-паша Янинский во исполнение решений дивана также распустил находящихся у него на службе кирджалиев, часть которых согласилась служить в Египте. Оставшись без наемников и видя интригуемую против него сильную оппозицию румелийских аянов, Али-паша встал на путь союза с Пазванд-оглу⁴⁰. Союз румелийских аянов в принципе был не против постановления о кирджалиях, но явно бойкотировал постановление о замене аянов мухафизами. Браильский назырь, в частности, категорически отказался от предложенной ему должности мухафиза и звания паши, формально сославшись на отсутствие денег, которые, пишет Кирико, необходимы "к содержанию себя по званию паши"⁴¹.

Между тем не так, как задумала Порты, выполнялось и постановление о кирджалиях. Распущенные Али-пашой наемники вскоре объединились в трехтысячный отряд под командой Кара Фейзи и осели в районе Пловдива. Не получив от Порты обещанных денег, они вновь занялись разбоем и грабежом местного населения⁴². К пловдивской группировке кирджалиев примкнули и бунтующие паши: Араб Юсуф и один из бывших бейлербеев Румелии

(видимо, Хаки-паша). Обобрав пловдивских торговцев и ремесленников, кирджалии принялись грабить окрестные селения. Пловдив и его окрестности оставались в руках кирджалиев до мая 1803 г. Когда этот край был разорен до предела, кирджалии мелкими группами стали уходить в Албанию к Али-паше Янинскому.

В течение весны и лета 1803 г. у Старой Загоры вели борьбу за власть ставленники Пазванд-оглу и Терсеникли-оглу. Во Фракии разгоралась ожесточенная война между аянами из Карнабата и Айтоса. Аян Айтоса Одаджи-оглу Сейфула, захватив Карнабат, сформировал отряд из наемных кирджалиев и занялся грабежом в восточных районах Балкан, располагавшихся между Черным морем, Айтосом и Карнабатом. В Анхиаде и Месемврии действовали кирджалии под предводительством Хюсейна и Исмаила⁴³. Не лучше обстояло дело и с кирджалиями Пазванд-оглу. Попытки Манафа Ибрагима, Желилия-оглу и других предводителей занять Турново, Систов и другие города, куда они были назначены начальниками, оказались бесплодными. Войска союзных аянов при активной поддержке местного населения отразили их нападения и отказались принять в качестве начальников. В большинстве районов Румелии с новой, еще большей силой разгоралась междоусобная война. "По причине настоящего междоусобия аянов в Болгарии, Румелии и при Дунае, — пишет Кирико, — все проезжие дороги заперты мятежническими войсками. Даглы Кара Фейзи и кирджалии Манафа Ибрагима распространились так, что и курьерам не остается уже... пути. Жители со всех мест Турции бегут от разорения, чинимого помянутыми войсками"⁴⁴.

В такой тревожной обстановке открылся в начале мая 1803 г. съезд, по выражению Италинского, "уездных начальников или аянов". По их настоянию в Адрианополь прибыл и бейлербей Румелии Али-паша Янинский со своими албанскими наемными войсками. В связи с этим участники съезда потребовали от бейлербея впредь не приводить в Румелию наемное (арнаутское) войско. В целях обеспечения порядка в Румелии съезд предложил осуществить следующие меры:

1) направить к Пазванд-оглу депутатов с требованием примириться с Терсеникли-оглу на выработанных съездом условиях; 2) объединить войска всех румелийских аянов для борьбы с отказавшимися подчиниться решению Порты кирджалиями и бунтующими янычарами, поручив командование объединенными силами Осман-беж из г. Серры; 3) потребовать от Порты снятия с поста бейлербея Румелии Али-паши Янинского за его злоупотребления должностью в личных целях и за отказ от борьбы с кирджалиями

В своем обращении к Порте участники адрианопольского съезда писали, что если их требования не будут удовлетворены, то румелийские аяны будут считать себя в праве принимать самостоятельно любые нужные для безопасности Румелии меры. По свидетельству А.Я. Италинского, этот ультиматум "уездных начальников" явился предметом бурных обсуждений столичного дивана, который так и не смог вынести окончательно-

го решения ни о смене бейлербея, ни об удовлетворении других условий съезда⁴⁵.

После съезда Терсеникли-оглу активизировал свои действия по отражению нападений Манафа и других вождей кирджалийских отрядов, пытавшихся овладеть Шуменом, Систовом, Турново и другими городами и районами. Подтянув в эти районы войска союзных аянов и вооружив местных жителей, Терсеникли-оглу отбил набеги кирджалиев и не впустил туда назначенных видинским пашой начальников⁴⁶. В ответ на действия союзных аянов Паэванд-оглу приказал кирджалиям Кусанджали Халила и войскам Иликли-оглу Силистрийского организовать нападение на Румдук и его окрестности.

После нескольких жестоких и разорительных кирджалийских набегов население рушукского округа, видимо по наущению Терсеникли-оглу, направило в столицу жалобу (илам) с подробным изложением причиненных кирджалиями бедствий. К этому следует добавить, что не меньшее разорение местным жителям причинили и войска самих союзных аянов. "При настоящем крайне стесненном положении Румелии, - пишет Кирико, - болгары и другие тамошние жители переходят в Валахию, укрываясь от варварства и неосносных требований воюющих там партий, кои грабят и закигают селения, не оказывая ни малейшей пощады народу"⁴⁷. В июне 1803 г. войска союзных аянов при активной поддержке местного населения нанесли ряд поражений кирджалиям Паэванд-оглу. Когда стало ясно, что видинский паша не может обеспечить своих союзников ни жалованьем, ни обещанными должностями, Кусанджали Халил, а вслед за ним и Манаф Ибрагим и другие кирджалийские начальники вновь взбунтовались и вторично стали грабить и разорять села Видинского района. Не добившись помилования у Порты, Манаф Ибрагим вскоре переметнулся на сторону Терсеникли-оглу, а Кусанджали Халил занял г. Лом и соединился с кирджалиями Кара Фейзи. Их объединенные силы к этому времени составляли более 1500 обманутых Портой и бунтующими пашами, разъяренных кирджалиев⁴⁸. Летом кирджалии Кара Фейзи, Кусанджали Халила, Али Моллы и Дели Кадри вторглись в Восточную Фракцию и создали тревожную обстановку в окрестностях Адрианополя и Константинополя. В июне под Адрианополем, а в августе 1803 г. у с. Караеврен они разбили посланные против них войска Порты⁴⁹.

Чтобы окончательно отвести от Паэванд-оглу преданного и активного союзника, Терсеникли-оглу задумал коварный план ликвидации кирджалиев Манафа Ибрагима. В начале он предложил им перейти к нему на службу и дал им на прокормление все налоги и доходы с города Базарджика (Енибазара)⁵⁰. Манаф, кроме того, получил для себя лично чифлик в районе Систова, но с условием, что сам он будет жить в Рушук под присмотром Терсеникли-оглу⁵¹. На этих условиях, пишет Кирико, "Маниф и прочие начальники кирджалиев передались ему (Терсеникли-оглу. - В.Г.) со всеми своими военными, коих он одел шубами, принял в свою службу, позволил тем, кои не пожелают быть у него, возвратиться в

свои жилища и принудил выпустить всех женщин и других людей, бывших у них в неволе⁵². Тогда же рущукский аян предложил Иликли-оглу Силистрийскому примириться на условиях присоединения к рущукским владениям района Добрицы⁵³. Отход значительной части кирджалиев от Пазванд-оглу заставил видинского пашу искать других союзников. В июне 1803 г. он принял на службу боснийского военачальника (бимбашу) с отрядом в тысячу наемников. Одновременно он пытался переманить на свою сторону и орсовского мухаджаа Реджеб-агу, которого уговаривал сдать крепость Ада-Кале за взятку в 10 тыс. пиастров. Но Реджеб-ага отверг это, лишив жизни агента, осмелившегося передать ему предложение Пазванд-оглу⁵⁴.

Идя навстречу пожеланиям аянов, высказанным на съезде в Адрианопле, Порты направила Пазванд-оглу и Терсеникли-оглу фирманы, в которых приказывали им прекратить междоусобную войну. При этом Порты признавала за видинским пашой право управлять нахиями, которые ранее были захвачены у него соперниками. Терсеникли-оглу был вручен хатихумаюн, передававший "в его команду, — пишет Кирико, — все места от Варны до Белграда"⁵⁵. На правах командующего войсками придунайских аянов (сераскера) Терсеникли-оглу созвал в Рущуке в конце августа 1803 г. новый съезд аянов, на который были приглашены все начальники кирджалийских отрядов. В целях безопасности сераскер распорядился взять в заложники их жен⁵⁶. Но несмотря на все предосторожности, участники рущукского съезда перессорились между собой и кирджалийские начальники увели свои отряды в разные стороны: Кара Фейзи поступил на службу к Исмаил-бею Серрскому, а Кусанджали Халил ушел в Неготинскую Крайну⁵⁷. Вскоре он вновь примирился с Пазванд-оглу и был назначен аяном в Рахов. Терсеникли-оглу послал туда же Манафа Ибрагима и Желли-оглу. Между бывшими союзниками началась война. На помощь Кусанджали Халилу Пазванд-оглу послал тысячу кирджалиев и белградских янычар под командой одного из четырех дахийев, Кучука Али⁵⁸.

В результате борьбы за Неготинскую Крайну вновь разгорелась междоусобная война придунайских аянов, но только с той разницей, что бывшие союзные кирджалии теперь воевали по разные стороны фронта. Не получив обещанных привилегий у серрского аяна, кирджалии Кара Фейзи вновь начали беспокоить население Разграда, Шумлы, Бургаса и Адрианополя⁵⁹. В ноябре 1803 г. эти кирджалии, объединившись в отряд численностью до трех тысяч человек, направились в Восточную Фракию и начали новый поход на Константинополь. Но в декабре 1803 г. под Родосто они были разбиты регулярными войсками Порты, а затем рассеяны союзными аянами под командованием Терсеникли-оглу⁶⁰.

Разгром объединенных кирджалийских сил позволил Терсеникли-оглу приступить к завершающему этапу своего замысла по истреблению находившихся у него на службе кирджалиев. Манаф Ибрагим с его верными сподвижниками был схвачен и убит. Спасшиеся от расправы кирджалии бежали в Рахов к Кусанджали Халилу и вернулись на службу к видинскому

паше⁶¹. Только после ликвидации значительной части кирджалийских отрядов Порты наконец-то решилась удовлетворить майские требования участников адрианопольского съезда об устранении от должности бейлербея Румелии Али-паши Янинского. В конце 1803 г. на эту должность был назначен сосед и давний враг Али-паши Ибрагим-паша Бушатли Шкодринский⁶². Вступая в должность, новый бейлербей поклялся султану истребить всех кирджалиев и бунтующих аянов, а также вернуть спокойствие и порядок жителям Румелии. Но вскоре в Адрианополе начались волнения и Ибрагим-паша послал туда трехтысячное войско на подавление беспорядков⁶³.

В конце 1803 – начале 1804 г. Пазванд-оглу обратился к Порте с просьбой передать ему в управление Боснию и Белград. Вместо этого, зная, что у него там было много союзников и единомышленников, Порты предложила ему часть доходов с Анатолии. Но видинский паша, еще лучше знавший нравы и коварство столичных чиновников, отдал приказ сосредоточить войска у Рахова для занятия Неготинской Крайны, Систова, Никополя, которые вопреки постановлению дивана ему не хотел возвращать Терсеникли-оглу. Приготовления видинских войск, в свою очередь, побудили Терсеникли-оглу укрепить оборону этих городов и районов за счет привлечения мирного населения.

Между тем в стане видинского паши уже не было прежнего порядка. Разуверившиеся в Пазванд-оглу кирджалийские предводители требовали платить за их службу вперед. Для расплаты с ними Пазванд-оглу начал силой "брать взаймы" деньги у видинских купцов и зажиточных горожан, а также организовал чеканку фальшивых серебряных монет. Предводители кирджалийских отрядов отказывались брать фальшивые деньги и угрожали грабежом Видина и его окрестностей. Удержать недовольных кирджалиев от грабежей Пазванд-оглу мог только прибегнув к помощи мирного населения своих владений, которое было вооружено по его приказу. Конфликт с кирджалиями, война с Терсеникли-оглу, непрерывные поиски денег и другие неприятности подорвали здоровье Пазванд-оглу, и он в марте 1804 г. настолько серьезно заболел, что врачи даже предсказывали скорую его кончину⁶⁴.

4. Отношение поработанных христианских народов Балканского полуострова к междоусобной борьбе группировок румелийских аянов в конце XVIII – начале XIX в.

Скудость источников и разный методологический подход к освещению проблемы не позволял историкам разных стран до последнего десятилетия нашего века прийти к единому мнению в оценке отношения поработанных христианских народов Балканского полуострова к междоусобной борьбе группировок румелийских аянов и к политике самой Порты в этом вопросе. Болгарские, сербские, румынские (Йорга) и другие зарубежные буржуазные историки (Л. Ранке, К. Иречек и др.) XIX – начала XX в., ру-

ководствуясь господствующими в их время философскими воззрениями, политическими учениями и историческими концепциями, при наличии крайне ограниченной источниковой базы, чаще всего отрицали участие поработанных балканских народов в междоусобной борьбе румелийских аянов. Наиболее наглядно и образно об этом высказался крупнейший буржуазный болгарский историк В.Н. Златарский. Он писал в 20-30-е годы XX в., что болгарский народ в конце XVIII - начале XIX в. находился еще в "инертном и апатичном состоянии", так как у него было "притуплено всякое чувство самозащиты"⁶⁵. По существу, такой же точки зрения придерживались и виднейшие сербские буржуазные историки В. Караджич, Ст. Новакович, Л. Арсениевич-Баталака и др., исходившие из теории изолированности сербской общины от непосредственного влияния османской администрации⁶⁶.

По мере накопления новых, в том числе и турецких, источников в последние два десятилетия советские и особенно болгарские историки существенно изменили свое отношение к этой сложной и пока еще недостаточно изученной проблеме. В частности, болгарский историк В. Мутафчиева, возражая против распространенной точки зрения, справедливо замечает, что поработанные народы Балканского полуострова "не могли быть равнодушными и сносить издевательства (угнетателей. - В.Г.), с какой бы стороны они ему не угрожали"⁶⁷. Новые источники, пишет В. Мутафчиева, "опровергают популярные представления о том, что в кирджалийское время (конец XVIII - начало XIX в. - В.Г.) мирный производитель был простой наковальной под молотом мятежей"⁶⁸. Анализируя турецкие документы, В. Мутафчиева наглядно показала, что еще в конце XVIII в. Порта сама издавала множество разных постановлений, обязавших местную администрацию и судей (кадиев) принимать меры по организации обороны городов и сел от нападения кирджалиев и бунтующих янычар, по охране дорог, мостов и горных перевалов. Отряды самообороны и сторожевые команды, как правило, формировались из местного населения, райи⁶⁹.

Во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. местные аяны (кырсердары) формировали из райи дружины, воины которых назывались "сейменами". При этом вооружение и содержание сейменов осуществлялось за счет населения тех же районов. Так, например, Порта в ноябре 1800 г. предписала рушукскому аяну набрать в его войско сейменов и 4 тыс. человек из райи его же владений. Аналогичное предписание получил молдавский господарь К. Ипсиланти 23 января 1801 г. По свидетельству русского генерального консула в Дунайских княжествах, Порта приказывала Ипсиланти "набрать в здешнем княжестве 6 тыс. человек, именно из албанцев и болгар и, вооружая, отправить их против Пазванд-оглу"⁷⁰. В фирманах конца XVIII - начала XIX в. местным властям указывалось, по каким принципам должны формироваться отряды самообороны из райи. В частности, администрация Сливенской, Лозенградской, Бу-

наркисарской, Визенской, Петричской, Мелницкой и других каз должна была создать отряды по тысяче человек ополченцев от каждой казы.

Общее командование ополченцами казы возлагалось на местного аяна. Он обязан был разбить ополченцев на более мелкие подразделения, командирами которых назначались люди из райи в соответствии с существовавшей в турецкой армии субординацией⁷¹. В марте 1797 г. белградский визирь Мустафа-паша получил предписание Порты собрать в пашалыке сербское войско численностью в 16 тыс. человек для войны с Пазвандоглу. Командование сербами было доверено их соотечественнику из села Велико С. Харамбашичу⁷². В августе 1801 г. подразделения болгарского народного ополчения не без успеха отражали набеги кирджалиев в районах Адрианополя, Лозенграда, Визена и других местах. При этом было бы неправильно думать, что ополчения райи принимали участие только в борьбе с кирджалиями, бунтующими янычарами и пашами. Сеймены, арнауты и ополченцы пускались в ход как во время гражданских войн, так и во время войн с другими государствами. Ополченцев использовали даже для подавления крестьянских восстаний и набегов на соседние области. Например, Терсеникли-оглу, набрав осенью 1801 г. до 20 тыс. ополченцев, послал их для подавления крестьянских волнений, стихийно вспыхнувших в районах между Силистрией и Балканскими горами в связи с грабежами войск Гюрджи Осман-паши и Хассан-паши. С помощью ополчения из райи Терсеникли-оглу жестоко покарал восставших и взял в плен до 3 тыс. крестьян. Пленные крестьяне показали на допросах, что они-де мирные люди, а воевать их против правительственных войск заставили силой местные власти⁷³. В составе войск Пазвандоглу был особый отряд пандур, сформированный из одних болгар. В конце 1801 г. два командира из этого отряда перешли на службу к браильскому назырю и привели с собой 96 человек. Из Браилова они направили в Константинополь прошение о прощении за их службу у мятежного пашы⁷⁴.

По-разному относилась райя и к кирджалиям. Как было показано выше, какая-то часть мужского населения по тем или иным причинам вступала в кирджалийские отряды. По рассказам некоторых современников, предводитель сербского восстания 1804–1813 гг. Карагеоргий какое-то время также был кирджалием. По свидетельству русских источников, жители Софийского пашалыка, "в горах живущие", зимой 1793 г. вопреки приказу Порты отказались выдать скрывающихся у них предводителей семи "разбойничьих шаек". За непослушание и дерзость Порты грозилась истребить всех их вплоть до семилетнего возраста. "Сведав о намерении Порты, – говорится в источнике, – они выступили из гор, и, по верным известиям, атаковали ныне сказанного пашу (Зигнали Хассан-пашу. – В.Г.) в Лас-Киео, что на три дня езды от Адрианополя"⁷⁵. Но в подавляющем большинстве случаев основная масса поработанного христианского населения, больше других страдавшая от набегов, разными способами

старалась оградить себя от кирджалиев. Так, уже летом 1795 г. жители г. Сливена направили в столицу жалобу (арз-мазар), в которой, как говорится в "Записке константинопольских новостей", писали, что "даглы, окружа (город. - В.Г.), угрожают выжжением Сливны, буде между собой не соберут и не выплатят им в самой скорости 30 тыс. пиастров"⁷⁶. По поводу подобных жалоб населения, получаемых из разных мест Румелии, Порта в конце XVIII - начале XIX в. издавала особые фирманы, запрещающие населению платить кирджалиям и янычарам всякие "откупы", налоги и т.д. Но ни эти распоряжения, ни усилия пашей и местных аянов, ни организация отрядов самообороны не могли сдержать нарастающую волну междоусобиц, мятежей и повсеместной анархии. Во многих областях Османской империи создались невыносимые условия для жизни и трудовой деятельности населения.

В поисках спасения от непосильной эксплуатации, грабежей, насилия, голода и физического истребления греки, болгары, сербы, черногорцы и другие угнетенные народы стали покидать свои жилища и массами переселяться сначала в безопасные районы Османской империи, а затем за ее пределы⁷⁷. Первые упоминания о массовом бегстве и переселении этих народов в донесениях русских дипломатов относятся к марту 1793 г. В октябре 1794 г. в Валахию "из разных мест Румелии, - пишет русский вице-консул в Бухаресте Равич, - как от голода, так и от несносных поборов от турецкого начальства во многом числе... бежали греки и болгары". "Порта о сем узнав, - продолжает Равич, - приказывает господарю таковых пришельцев выпроводить обратно в их отчину или послать в Измаил на поселение"⁷⁸.

Как показывают источники, миграция христианского населения Османской империи колебалась по мере нарастания беспорядков в Румелии. Летом 1795 г. в связи с "расстройствами в Румелии", констатирует "Записка константинопольских известий", там взбунтовались "многие тамошние жители", которые на этот раз решили переселиться в Азию⁷⁹. "По причине голода и грабительства, - сообщает В.П. Кочубей, - число переселяющихся сюда (в Константинополь. - В.Г.) из Адрианополя и других мест жителей турецких превосходит за 10 тыс. душ обоютого пола"⁸⁰. Чтобы удержать христиан от выезда из империи, Порта обязала православное духовенство, пишет В.П. Кочубей, "под опасением казни отвечать за всех жителей, и каждый священник в приходе своем должен наблюдать, чтобы никто на иностранных судах никуда не отлучался и в противном случае немедленно доносил"⁸¹. Однако никакие чрезвычайные меры не смогли воспрепятствовать выезду христианского населения из пределов Османской империи.

Волны беженцев и переселенцев особенно возрастают в начале XIX в. в период кирджалийских походов на столицу империи, на Адрианополь и другие районы Румелии. Так, например, 16 мая 1801 г. из Месемврии (Несебър) в Галац приплыли два судна, на борту которых находилось 200 болгарских беженцев. В большинстве своем это были

женщины и дети. Их неожиданное появление в Галаце и внешний вид были настолько впечатляющими, что даже выдавший виды переводчик русской дипломатической службы. П. Ренский был потрясен увиденным. Делясь своими впечатлениями, он писал В.Ф. Малиновскому: "Представить не можно горестного сего несчастного народа состояние, когда вышли на берег, то и придались тогда вольному стенанию: одни плачут, что потеряли жен и детей, а жены плачут о потере мужей их, а наиболее дети, которые остались вечно сиротами, потеряв своих родителей, а жизнь спасли, бежав с чужими. Они несчастные думали, что в здешних местах найдут себе спокойствие, и в том имели некоторую отраду, но скоро узнали, что ошиблись"⁸². Турецкий чиновник (тофикчи-баша) в Галаце, сославшись на фирманы Порты о беженцах из Румелии, приказал загнать болгар на те же суда и немедленно отправить назад. "Неистовые исполнители приказа, - продолжает Ренский, - прийдя на берег, нашли несчастных болгар, выгрузившимися из кораблей, то и начали, гоня назад в корабли, немилосердно бить. Тогда они все закричали, что лучше потопятся в Дунае, а обратно в их места не возвратятся"⁸³. По просьбе молдавского начальника и русских купцов турецкий чиновник за взятку отменил приказ и беженцы остались в городе до получения особого распоряжения Порты.

Между тем 21 мая 1801 г. из Месемврии туда же прибыла новая партия беженцев в количестве 200 семей⁸⁴. Подробно распросив их, П. Ренский установил, что часть из них проживала в местечке Хили, расположенном недалеко от Константинополя. Оно было дотла сожжено кирджалиями, а его население частью было вырезано, частью укрылось в Константинополе, а остальные через Месемврию бежали в Галац. Другие беженцы оказались жителями сел Адрианопольского района. Пересказывая собранные от них сведения, П. Ренский сообщал Малиновскому: когда жители Адрианопольского пашалыка поняли, что им нельзя сластись от кирджалиев, они распродали все свое имущество и оставили свои жилища. Затем они, пишет Ренский, "следовали на лодке к Варне с тем, чтобы там сесть на корабли и ехать в здешние места". По пути на них вновь напали кирджалии, "выбрали одних взрослых девок, а прочих, старых и малых, вырезали". Отняв у оставшихся в живых вещи и деньги, кирджалии отпустили их⁸⁵. Позднее из рассказов новых беженцев Ренский узнал о десяти тысячном корпусе кирджалиев. Среди них было "очень много христиан, которые при начатии разграбления, потеряв жен и детей и все имение, пристали к разбойникам". Только в мае 1801 г. кирджалии, по рассказам очевидцев, разорили более 200 сел. Поток беженцев из этих регионов был таким, что Адрианополь и другие укрепленные города не могли их вместить. Спасаящиеся "от убийства несчастные те люди, не имея места для безопасности, - пишет Ренский, - должны будут или попасть опять в руки разбойников, или в лесах умирать с голоду". Направлявшаяся в Галац одна из партий болгарских беженцев была перехвачена кирджалиями Кара

Фейзи. Беспощадный предводитель приказал перебить пленных. Но благодаря заступничеству сотника (булюк-баши) Енжи-Станчи, который сам был из христиан, им была сохранена жизнь. Провожая их из стана, Енжи-Старча посоветовал уходить в более безопасные места, так как руководители кирджалийского похода отдали приказ, пишет Ренский, "всех христиан, находящихся в тех местах, умерщвлять, а имущества их разграбить, дабы оное не досталось турецким неприятелям; а со временем не восстали бы (эти. - В.Г.) христиане вместе с оными, яко единовѣрцами против турков"⁸⁶.

Христианское население спасалось бегством не только от зверств кирджалиев, но и от угнетения и разорительных междоусобиц придунайских аянов в Валахию, Австрию, Россию и в более безопасные районы Османской империи. Так, по свидетельству Л.Г. Кирико, рущукский аян Терсеникли-оглу в мае 1801 г. "истребовал фирман у Порты, чтобы все христиане, переходящие из-за Дуная в Валахию, возвращены были на прежние их места". Не взирая на протесты валашского господаря, Терсеникли-оглу еще до получения фирмана из столицы силой возвратил в свои владения 25 болгарских семей, поселившихся в приграничных районах Валахии 15 лет назад⁸⁷. В конце июля 1801 г. по его же приказу из Тырнова прибыл с фирманом к господарю Валахии инспектор (мубашир). Этот фирман предписывал господарю возвратить всех перебравшихся во время "задунайского смятения" на поселение в Валахию румелийских жителей. "Господарь, - пишет Кирико, - с крайнею неохотою принужден был поручить боярам рассмотреть в диване доставленный список и, согласно с законами турецкими, проживающих 10 лет на адешной земле удержать, а прочих отпустить"⁸⁸.

В августе 1801 г. кирджалийские набеги и междоусобия аянов распространились на Месемврию и Варну. На Варну было совершено несколько нападений. В городе началась паника и жители пытались спастись бегством. Но местные власти этих портовых городов издали приказ не выпускать с пристаней корабли с беженцами, "дабы оные, - доносил П. Ренский, - не отлучались из домов и стояли бы против усилия разбойников"⁸⁹. Подобные распоряжения рассылались Портой по всей Румелии, но они были мало эффективны. В январе 1802 г. кирджалии Кара Фейзи, Манафа Ибрагима и Енджи-Станчи, разбойничавшие в районах Пловдива, Систова и других местах, по свидетельству Малиновского, причинили "великие разорения жителям на берегу Дуная живущим". Все окрестные села были "опустошены, жители коих принуждены искать убежища одни в городах, другие в горах". Не меньшие бедствия несли и междоусобные войны аянов. В феврале 1802 г. в Силистрии воюющие между собой аяны сожгли несколько селений и разогнали их жителей. В период войны аянов на территории Валахии в первой половине 1802 г. также началось массовое бегство валашского населения и переселившихся туда задунайских беженцев. Эти районы к лету 1802 г. подверглись такому опустошению, что "от Бухареста до самого Видина", свидетельствует П. Ренский, не осталось ни одного полностью населенного села: "Все обыватели оных кроются по лесам, но и там они спокойствия не

имеют. Солтанские войска, нападая на них, грабят и другие несносные обиды им причиняют"⁹⁰.

К августу 1802 г. только из 5 цинутов Олтении (Малая Валахия) выехали в "немецкие края" (в Австрию) до 15 тыс. семей. Австрийские власти расселяли их в Банате, предоставляя налоговые льготы на семь лет⁹¹. Из-за препятствий, чинимых турецкими властями и господарями Дунайских княжеств, значительно меньшее число задунайских беженцев переселялось в Россию⁹². Поверенный в делах Франции Пьер Рюфен в конце августа 1803 г. доносил Талейрану из Константинополя, что в 40 милях от Черного моря укрываются "от железа и огня" войск Гюрджи Осман-паши более 400 болгарских семей. Порта, как обычно, пренебрегла ими, и русские власти оказывают им помощь. Они, извещал французский дипломат, доставили их на кораблях в Беристон (?), дали им землю, орудия производства и основали болгарскую колонию на ранее выделенном месте, которое именуется Александрия⁹³.

Внутриполитические коллизии в Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв. сопровождались рядом стихийных бедствий на Балканах. Только в 1802 г. было зафиксировано несколько землетрясений: 4 января, 26 октября, 15 и 17 ноября⁹⁴. В указанной статье Д. Пантелича не зафиксировано еще одно землетрясение, 14 сентября 1802 г. По свидетельству Л.Г. Кирико, оно началось в первом часу ночи и продолжалось 1,5 минуты. От него пострадали города Силистрия, Джурджу, Систов, Рущук, в которых были разрушены крепостные сооружения, дома, церкви и другие строения. В результате стихийного бедствия были и немалые человеческие жертвы⁹⁵.

В апреле-мае 1803 г., пишет генеральный консул в Яссах А.А. Жерве, "междоусобия аянов в Болгарии, Румелии и при Дунае" разгорелись с еще большей силой. По его свидетельству, "жители со всех мест Турции бегут от разорения, чинимого помянутыми войсками... При настоящем крайне стесненном положении Румелии болгары и другие тамошние жители переходят в Валахию, укрываясь от варварства и несносных требований воюющих там партий, кои грабят и зажигают селения, не оказывая ни малой пощады народу"⁹⁶. Враждующие группировки румелийских аянов, да и сама центральная власть империи широко и активно вовлекали поработанные христианские народы в свое противоборство, которое, по признанию современников и многих историков, к 1803 г. переросло в Румелии в настоящую гражданскую войну. Этому в значительной мере способствовало и участие в ней христианских народов, представители которых по разным причинам и на разных правах входили в состав практически всех враждующих политических группировок.

Однако наиболее компактную и однородную массу христиане составляли в отрядах самообороны. Но сам процесс активизации деятельности христианского населения в борьбе политических группировок протекал в разных районах Румелии не одинаково. Так, например, в Восточной Фракии и Валахии местные власти и население не смогли найти взаимо-

понимания в деле организации отрядов самообороны. В результате мирные жители этих областей, среди которых основную массу составляли христиане, были вынуждены спасаться бегством, укрываясь в городах, горах, лесах, или переселяться за пределы империи. Иначе обстояло дело в Сербии, Видинском пашалыке, во владениях Терсеникли-оглу и союзных ему аянов. В частности, Терсеникли-оглу лучше других сумел убедить аянов и местное население его владений в преимуществах совместной защиты от нападения враждебных ему аянов и даже войск самой Порты. По его приказу жители Сливена, Котела, Елены, Враца, Самокова, Тырнова, Силистрии, Никополя и других районов быстро организовались в отряды самообороны и с оружием в руках отражали нападения кирджалиев Пазванд-оглу и других бунтующих пашей, а порой и войск Порты, строили вокруг городов и сел укрепления, опоясанные глубокими рвами, снабжали войска продовольствием и т.д. Еще более активными, организованными и целенаправленными были действия сербского населения в Белградском пашалыке, руководство которыми осуществляли наиболее авторитетные представители этого же народа.

Как уже отмечалось в § 2 данной главы, в условиях разгорающейся гражданской войны в балканских владениях империи, вызванной введением реформ низами-джедид, сербскому населению Белградского пашалыка по разным причинам пришлось воевать на стороне почти всех противоборствующих группировок: в составе войска белградского мухафиза, на стороне янычар (отряд Алексы Ненадовича в 1800 человек), в войске Пазванд-оглу, в гайдуцких четах и кирджалийских отрядах. И все же в это смутное время подавляющая часть сербов во главе со своими кнезами поддерживала партию сторонников реформ и находилась во временном союзе со спахиями Белградского пашалыка.

В начале 1803 г. представители сербского народа и начальники белградских спахиев направили султану совместное прошение, в котором жаловались на противозаконную деятельность и жестокость янычар и просили разрешения использовать военную силу для отстранения дахиев от власти. Согласие султана на эту акцию было получено в ноябре 1803 г. Собранным в местечке Орашац сербским кнезам под большим секретом было объявлено, что мятежные янычары "стали поперек горла" султану и он одобрил задуманный спахиями и сербскими кнезами план насильственного свержения узурпаторов. На этой же скупщине было решено начать восстание против дахиев весной 1804 г. Подготовкой к нему занимались: в Шумадии – свиноторговец из Тополы Георгий Петрович Черный (Карагеоргий), в Западной Сербии – обер-кнез Алекса Ненадович из Валеvской нахии. В годы австро-турецкой войны 1788–1791 гг. оба они служили в австрийских фрайкорах, а после войны поддерживали связь с австрийскими сербами, среди которых были влиятельные люди и богатые купцы. Через них Карагеоргий и Алекса Ненадович закупили в Австрии оружие и боеприпасы, которые затем продавали сербским крестьянам⁹⁷.

- 10 первом походе кирджалиев на Константинополь подробнее см.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 206-208.
- 2 П о п о в Л.И. Принос... С. 49-50.
- 3 П о п о в Л.И. Принос... С. 115.
- 4 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 913. Л. 1-4. Тамара - Павлу I, 1(12)апреля 1800 г.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же. Л. 62-63. Тамара - Павлу I, 9(20) апреля 1800 г.
- 8 Там же. Л. 1-4. Тамара - Павлу I, 1(12) апреля 1800 г.
- 9 Там же. Д. 918. Л. 15-18. Тамара - Павлу I, 1(12) сентября 1800 г.
- 10 Там же. Д. 914. Л. 8. Записка константинопольских вестей и разглашений за апрель 1800 г.
- 11 Подробнее об этом см.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 213.
- 12 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 915. Л. 4-5. Тамара - Павлу I, 1(12) июня 1800 г.
- 13 Там же. Д. 918. Л. 15-18; Тамара - Павлу I, 1(12) сентября 1800 г.
- 14 Documente ... Vol. IV. P. 352-353. Записка... до 11 февраля 1802 г. Об отношениях Гурджи Осман-паши с Портой см.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 243-247.
- 15 АВПР. Ф. ГА 1-9. Д. 4. Л. 195. Малиновский - Кочубею, 24 февраля 1802 г.
- 16 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 249-250.
- 17 Documente ... Vol. IV. P. 372-373. Записка... дб 12(24) мая 1802 г.; П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 191-192.
- 18 Там же.
- 19 Н е н а д о в и њ М. Мемоари... С. 84-88.
- 20 С а м а р џ и њ Д. Казиванье о српском устанку... С. 73.
- 21 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 335-337.
- 22 Н е н а д о в и њ М. Мемоари... С. 84; П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.) С. 307-312; ИСН. Књ. IУ, т. 1. С. 422.
- 23 К а р а џ и њ В. Историјски и јетнографски списи... Т. 1. С. 17.
- 24 Первое сербское... Кн. 1. С. 24-29. Обращение сербских кнезов к А.Я. Италинскому, 3 мая 1804 г.
- 25 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 335-336.
- 26 Documente ... Vol. IV. P. 510. Записка... до 26 апреля 1803 г.
- 27 Ibid. P. 537-538. Записка... до 13 сентября 1803 г.
- 28 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 363-365,
- 29 Documente ... Vol. IУ. P. 550-551. Записка... до 27 декабря 1803 г.
- 30 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 362.
- 31 Documente ... Vol. IV. P. 544. Записка... до 30 ноября 1803 г.
- 32 АВПР. Ф. Канцелярия. 1801. Д. 2218. П. II. Л. 238-241. Тамара - Александру I. 1(13) октября 1801 г.

- 33 АВВР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 52. Л. 11. Записка... до 26 февраля 1803 г. Сравни: Documente ... Vol.IV. P. 489. Записка... до 26 февраля 1803 г.
- 34 АВВР. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1803. Д. 2234. П. 2. Л. 448-450. Италинийский - Воронцову, 16(28) мая 1803 г.
- 35 Там же.
- 36 Documente ... Vol. IV. P. 497-499. Жерве - Воронцову, 30 марта 1803 г.
- 37 АВВР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2241. Л. 639-641. Италинийский - Чарторыйскому, 2(14) мая 1803 г.
- 38 АВВР. ГА 1-9. 1802-1805. Д. 7. П. 8. Л. 1. Жерве - Воронцову, 30 марта 1803 г.
- 39 Documente ... Vol.IV. P. 494. Записка... до 10 марта 1803 г.
- 40 Ibid. P. 498. Записка... до 30 марта 1803 г.
- 41 Ibid. P. 510. Записка... до 26 апреля 1803 г.
- 42 Ibid. P. 506-507. Записка... до 14 апреля 1803 г.
- 43 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 263-266.
- 44 Documente ... Vol.IV. P. 510. Записка... до 26 апреля 1803 г.
- 45 АВВР. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1803. Д. 2234. П. 2. Л. 448-450. Италинийский - Воронцову, 16(28) мая 1803 г.
- 46 Documente ... Vol. IV. P. 513-514. Записка... до 14 мая 1803 г.
- 47 Ibid. P. 513-514, 518. Записка... до 14 и до 25 мая 1803 г.
- 48 Ibid. P. 529-530, 535. Записка... до 14 июля и до 5 августа 1803 г.
- 49 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 263-266.
- 50 Documente ... Vol. IV. P. 531, 534, 536. Записка... до 29 июня, до 21 июля, до 13 августа 1803 г.
- 51 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 281.
- 52 Documente ... Vol. IV. P. 531. Записка... до 29 июня 1803 г.
- 53 Ibid. P. 536. Записка... до 13 августа 1803 г.
- 54 Ibid. P. 531. Записка... до 29 июня 1803 г.
- 55 Ibid. P. 537. Записка... до 28 августа 1803 г.
- 56 Ibidem.
- 57 Ibid. P. 539. Записка... до 2 октября 1803 г.
- 58 Ibid. P. 542-543. Записка... до 6 и до 13 ноября 1803 г.
- 59 Ibid. P. 539, 542-543. Записка... до 2 октября и до 6 ноября 1803 г.
- 60 Ibid. P. 544-549. Записка... до 30 ноября и до 14 декабря 1803 г. О третьем походе кърджалиев на столицу подробнее см.: М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 266-269.
- 61 Documente ... Vol. IV. P. 550-551, 554. Записка до 27 декабря 1803 и до 12 января 1804 г.
- 62 Ibid. P. 537-538, 550-551. Записка... до 13 сентября и до 27 декабря 1803 г.
- 63 Ibid. P. 554. Записка... до 12 января 1804 г.
- 64 Ibid. P. 555-558. Записки... до 26 января, до 16 февраля и до 28 марта 1804 г.
- 65 З л а т а р с к и В.Н. Политическата роля на Софрония Врачански през русско-турска война 1806-1812 гг. // Годишник на Софийския университет. С., 1923. Кн. XIX. С. 15; Он же. Български въстания и опити за въстания до средина на XIX в. // България 1000 години.

- С., 1930. С. 728. Подробнее см.: Конобеев В.Д. Българското национално освободително движение. С., 1972. С. 82-84.
- 66 М у т а ф ч и е в а В. Феодалните размирици в Северна Тракия през края ХVIII и нач. ХIХ в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762-1962 гг.). С., 1962. С. 202.
- 67 Там же.
- 68 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 231.
- 69 Там же. С. 230.
- 70 Documente ... Vol. IV. P. 311. Малиновский - Павлу I, 26 января (6 февраля) 1801 г.
- 71 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 227-230.
- 72 Подробнее см.: § 4 гл. II, а также: Пантелић Д. Београдски пашалук... (1791-1794 гг.). С. 131-136. Он же. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 124-131.
- 73 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 227-232.
- 74 АВПР. Ф. ГА 1-9. 1801. Д. 4. Л. 178-179. Кирико - Малиновскому, декабрь 1801 г. (без числа).
- 75 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 769. Л. 68-69. Хвостов - Остерману, 16 апреля 1793 г.
- 76 Там же. Д. 812. Л. 34. Записка константинопольских новостей до 13(25) июня 1795 г.
- 77 М и т р о в и ћ М. Извештаји земунског контумаца о емиграцији са Балкана уочи последног аустро-турског рата 1787 г. // Зборник Матице Српске за историју. Нови-Сад, 1984. № 30. С. 115-135.
- 78 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. Д. 1172. Л. 50. Равич - Кочубей, 8 октября 1794 г.
- 79 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/9. Д. 811. Л. 22. Кочубей - Екатерине II, 2(13) мая 1795 г.
- 80 Там же. Л. 66. Кочубей - Екатерине II, 16(27) мая 1795 г.
- 81 АВПР. Ф. Константинопольская миссия. 1794. Оп. 90. Д. 1138. Л. 81. Кочубей - А.А. Безбородко. 16(27) сентября 1794 г.
- 82 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1801. Д. 18. Л. 22-23. Ренский - Малиновскому, 17 мая 1801 г.
- 83 Там же.
- 84 Там же. Л. 24. Ренский - Малиновскому, 21 мая 1801 г.
- 85 Там же.
- 86 Там же. Л. 28-29. Ренский - Малиновскому, 30 мая 1801 г.
- 87 Documente ... Vol. IV. P. 320. Записка... до 7 июня 1801 г.
- 88 Ъид. Р. 325. Записка... до 23 июля 1801 г.
- 89 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1801. Д. 18. Л. 50. Ренский - Малиновскому, 22 августа 1801 г.
- 90 Там же. 1802. Д. 46. Л. 219-220. Ренский - Малиновскому, 22 июня 1802 г.
- 91 Там же. Л. 262. Записка... до 26 июля 1802 г.
- 92 Подробнее об этом см.: Грачев В.П. Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на ХIХ в. // Българското възраждане и Русия. С., 1981. С. 264-289.
- 93 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 11495. Л. 17-31. Рюфен - Талебрану, 23 августа 1803 г.
- 94 Пантелић Д. "Небеске прилике" пред први српски устанак // Историски гласник. Београд, 1954. № 1/2. С. 89-102.

- 95 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1802. Д. 46. Л. 345. Кирико - Малиновскому, 15 сентября 1802 г.
- 96 Documente ... Vol. IV. P. 513. Записка... до 14 мая 1803 г.; АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1803. Д. 52. Л. 25-27. Записка.. до 14 мая 1803 г.
- 97 С а м а р ц и н Д. Казииваџа о српском устанку 1804 г. Београд, 1980. С. 165-167. ИСН. Књ. IУ, т. 1. С. 426-427.

Г л а в а IУ

ПОВТОРНАЯ ПОПЫТКА ВВЕДЕНИЯ РЕФОРМ В 1804 Г.

И НАЧАЛО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ В БЕЛГРАДСКОМ ПАШАЛЫКЕ

1. Постановления Порты о введении реформ в Румелии и о назначении Ибрагим-паша Бушатли бейлербеєм. Борьба населения и румелийской оппозиции против насильственного введения новых реформ

В результате перегруппировки политических сил в Румелии вызванной постановлениями Порты 1802-1803 гг., был внесен раскол и в кирджалийское движение. Отход кирджалиев от Пазванд-оглу и переход их на службу к другим пашам и аянам способствовал ослаблению позиций видинских и белградских янычар и укреплению сил и авторитета союза румелийских аянов во главе с Терсеникли-оглу. Происшедшие в 1803 г. перемены дали основание А.Я. Италинскому сообщить в Петербург следующее: "Разбойничьи скопища в Румелии приведены были в некоторое бессилие случившимися в течение минувшей зимы разными приключениями, истреблением многих отважных воров и т.д."¹. Такой же точки зрения придерживались султан Селим III и его приближенные министры, которые сочли своевременным воспользоваться некоторым ослаблением активности кирджалиев и сил румелийской оппозиции для проведения в жизни серии реформ, направленных на переформирование вооруженных сил. Их предполагалось использовать для отражения готовившейся Наполеоном агрессии на Балканах.

Введение реформ ирад-и-джедид в Румелии турецкий диван решил возложить на нового бейлербея Ибрагим-пашу Бушатли Шкодринского². Как свидетельствует А.Я. Италинский, новому бейлербею было поручено "в кратчайшее время соединить многочисленную армию и обратить действия ее к защите областей, против коих предприятия французского правительства последуют с наивящим усилием". Помимо защиты Адриатического побережья от французов Ибрагим-паше было приказано, пишет Италинский, "искоренить разбойников, которые от многих лет разоряют Румелию". На осуществление внешних и внутренних задач бейлербею Румелии была выделена значительная сумма денег и было обещано организовать в кратчайший срок за счет Порты несколько продовольственных баз для снабжения его войск³. Казначеем финансового фонда, предназначенного для формирова-

ния подразделений "низамов" был назначен бывший турецкий посол в Англии Измаил-эфенди. Другим трем преданным Порте чиновникам было поручено создать склады продовольственных запасов в Софии, Адрианополе и Пловдиве⁴.

Исходя из постановленных перед ним Портой задач, новый бейлербей Румелии сконцентрировал основные усилия на подготовке к отражению десанта французских войск на Адриатическое побережье. По приказу Порты, которую подталкивали к этому ее русские и английские союзники, Ибрагим-паша Бушатли постепенно начал стягивать туда основные силы своих войск⁵. Для борьбы с силами внутренней оппозиции он счел возможным выделить десяти тысячный корпус, сформированный в основном из босняков и албанцев. В январе 1804 г. эти войска под командой племянника нового бейлербея прибыли в столицу Румелии, Софию, и стали готовиться к выполнению поставленных перед ними задач. Делясь соображениями о смещении прежнего бейлербея Али-паши Янинского и о планах Ибрагим-паши, австрийский посланник в Турции Штурмер доносил своему правительству: "Ополчившись против Али-паши, Порты, возможно, приняла самое плохое решение, так как вследствие этого вся провинция (Румелия. - В.Г.) была брошена на произвол и без того сильных и враждующих между собой аянов"⁶.

Новая попытка введения реформ в вооруженных силах Турции и изменение порядка их финансирования вызвали волну негодования как со стороны румелийских аянов и янычар, так и среди простого народа. Подавляющее большинство аянов расценивали реформы как неслыханные доселе посягательства центральной власти на их "исконные" права и привилегии. В этой связи французский посол генерал Г. Брюн писал из Константинополя в Париж: "Двадцать семь (румелийских. - В.Г.) аянов объединились в союз для того, чтобы не допустить формирования войска за их счет"⁷. После объявления реформ союз румелийских аянов во главе с Терсеникли-оглу, по свидетельству прусского посла в Турции Кнобельсдорфа, вновь предложил свои услуги для борьбы с кирджалиями, бунтующими янычарами и другими мятежниками при условии, что Порты освободит их от внесения денег на организацию новых подразделений "низамов". "Все аяны, то есть крупные землевладельцы этой провинции (Румелия. - В.Г.), - пишет Кнобельсдорф, - представили Порте мемоар, в котором предлагают свои услуги воевать против Пазванд-оглу и Али-паши без поддержки Порты... Хотя Порты еще не приняла полностью этот план, но, кажется, намерена извлечь выгоды из хорошего расположения главных феодалов в Румелии"⁸. Для янычар эти реформы оборачивались утратой читлуков, торговых привилегий и значительным сокращением жалованья или потерей службы. Трудовому населению они несли увеличение налогового бремени и новые воинские повинности.

Одними из первых на борьбу против реформ поднялись районы, в которых создавались запасы продовольствия, т.е. Адрианопольский, Пловдивский и Софийский. Адрианопольский аян, в частности, с согласия местного

населения призвал на помощь кирджалиев Кара Фейзи и стал готовиться к обороне от войск племянника румелийского бейлербея, которые должны были войти в город для выполнения вышеназванной задачи. Жители Пловдива заявили присланным к ним чиновникам бейлербея, что они согласны уплатить требуемые с них по новой разнарядке деньги и поставлять по новым нормам провиант для войск "низамов", но они решительно отказываются впускать в город войска бейлербея. По свидетельству Л.Г. Кирико, пловдивский аян также призвал население своего округа силой противодействовать введению реформ. Этот аян, продолжает Кирико, "откровенно проявляет свои злобные намерения приступить к открытому сопротивлению против нового губернатора Порты, назначенного, чтобы восстановить там порядок"⁹.

На подавление сопротивления в Пловдив и Базарджик были посланы 6 тыс. воинов из корпуса племянника бейлербея и отряд "низамов". Для защиты от правительственных войск аяны Базарджика и Карнобата также были вынуждены прибегнуть к услугам кирджалиев того же Кара Фейзи¹⁰. К апрелю 1804 г. сопротивление населения и аянов в этих районах приобрело столь широкий размах, что Порта предписала бейлербею ввести в дело пятнадцатитысячный корпус, набранный для отражения возможного французского десанта в Албании и Морее. Эти войска, в состав которых входили тысяча "низамов" и три роты артиллерии, по свидетельству Италинского, в апреле 1804 г. были направлены к Адрианополю "для прекращения случившихся в городе сем неурядиц со стороны янычар, которые назначены были Портою в обучение регулярной тактике"¹¹. Новое подкрепление также не внесло перелома в борьбу с оппозицией, и Порта предписала бейлербею идти со всем войском в Румелию. В июне 1804 г. Ибрагим-паша с 30 тыс. отборного войска из босняков и албанцев прибыл в Софию и приказал собрать войска всех румелийских аянов. Из явившихся аянских отрядов ему удалось сформировать новое двадцатитысячное кавалерийское соединение. Разделив свое войско на небольшие корпуса, бейлербей разослал их в разные пашалыки Румелии для насильственного проведения реформ и подавления волнений и открытых бунтов¹². Когда же и эта чрезвычайная мера не дала ожидаемых результатов, Ибрагим-паша в июле 1804 г. открыто объявил Порте, что он, как пишет Кирико, больше "никак не может силою принуждать румелийский народ к принятию низам-джедиди и что, ежели Порта настоять о том желает, то он просит увольнения от настоящего поста"¹³. Отказав бейлербею в "увольнении", Порта предписала ему вернуться в Шкодру¹⁴.

2. Повторная попытка введения реформ в Белградском пашалыке и обострение сербо-янычарского конфликта

Как отмечалось выше, решающий удар по белградским янычарам Порта рассматривала как одну из нескольких операций в войне бейлербея с румелийской оппозицией. К этой борьбе, начало которой планировалось на

весну 1804 г., Порта рекомендовала бейлербею привлекать и недовольное диктатурой дахийев население Белградского пашалыка. Хотя подготовка к нападению на белградских янычар и велась в тайне, однако из разных источников они узнали об этом уже в начале 1804 г. и стали готовить расправу с сербскими кнезами¹⁵. Поводом для нападения на кнезов послужил султанский фирман, который был издан в связи с вышеупомянутой жалобой белградских спахийев и сербских кнезов и вручен белградским дахиям во второй половине января 1804 г. По свидетельству В.С. Караджича, в этом фирмане Селим III приказывал янычарам прекратить своеволие и злоупотребление в отношении сербского населения и спахийев. В противном случае султан грозился послать против них войско "из других народов и законов, которое сделает с ними то, чего никогда не посмели бы сделать турки"¹⁶.

По получении фирмана дахии 4(16) февраля 1804 г. отдали приказ об аресте и истреблении наиболее активных участников антиянычарского заговора. Эта кровавая расправа над ними вошла в историю сербского народа под названием "сеча кнезов". Чтобы воспрепятствовать террору расвирепевших янычар, сербское население стало организовываться в отряды. Наиболее активно действовали крестьянские отряды в Тополе, Жабарах, Ягодине, где они стали уничтожать небольшие янычарские команды и жечь постоянные дворы (ханы), в которых те размещались. Формированием и действиями повстанческих отрядов руководили Карагеоргий, Станое Главаш, Вуле Илич Коларац, Яникий Джурич, Яков и Матвей Ненадовичи, Васа Чарапич, Джюша Вулевич, Миленко Стойкович, Петр Добринац и др.¹⁷.

По свидетельству некоторых источников, руководители сербских повстанцев в феврале 1804 г. направили в Константинополь депутацию с жалобой на действия белградских янычар. Об этом, в частности, сообщалось во французской газете "Монитор" за 23 февраля 1804 г., в письме землинского протоиерея М. Пеича к Ст. Стратимировичу и др.¹⁸. Русский генеральный консул в Яссах А.А. Жерве, со ссылкой на донесение К. Фацарди, также писал товарищу министра иностранных дел России А.А. Чарторыйскому, что сербские депутаты действительно были в Константинополе "для испрошения от Порты утверждения их привилегий, но к кому именно они (сербы. - В.Г.) адресовали сих депутатов, о том неизвестно"¹⁹. В письме валашского князя К. Ипсиланти Италинскому от 7(19) апреля 1804 г. сообщаются более подробные сведения о содержании прошения, которое в целях безопасности сербских депутатов было отправлено с посылным валашского господаря (каларашем) в Константинополь для передачи Порте. В этом прошении говорилось, что сербы "взялись за оружие, чтобы защитить свою собственность, своих жен, своих детей, свое существование от каждодневных варварских насилий дахийев ... сохраняя верность своему законному государю, (и поэтому. - В.Г.) они настоятельно просят помощи от его султанского величества"²⁰.

В ответ на прошение сербов был издан фирман, содержание которого было пересказано в газете "Монитор" за 22 февраля 1804 г. Турецкий диван, говорится в газете, рассмотрев жалобу сербского народа, постановил поручить урегулирование сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке боснийскому визирию Бекир-паше. "В связи с этим, — цитирует автор корреспонденции выдержку из фирмана, — приказываем Вам, Бекир-паша, идти в Белградский пашалык, и даем Вам неограниченную власть: Вы можете лишить дахийев власти, распустить янычар и создать там такое управление, которое позволит обеспечить в Сербии полное спокойствие"²¹. Руководствуясь этим решением, Порта, пишет Итальянский, "дала под рукой (т.е. тайно. — В.Г.) предписание Ибрагим-паше снабдить их (сербов — В.Г.) военными припасами"²².

17 марта 1804 г. на заседании дивана еще раз был рассмотрен вопрос о положении в Белградском пашалыке. Участники заседания признали, что восстание сербов явилось следствием насилий и произвола тамошних янычар (ямаков), которые сами восстали против вводимых султаном реформ низами-джедид. Исходя из сложившейся в пашалыке ситуации, было решено послать в Белград тысячу воинов под командованием Бекир-паши и привлечь к подавлению янычарского мятежа сербское население. После усмирения янычар и восстановления порядка в пашалыке Бекир-паша, как и в 1792 г., должен был приступить к введению реформ²³. Белградскому мухазифу было дано указание использовать все средства для урегулирования сербо-янычарского конфликта мирным путем. Однако к этому времени события в Белградском пашалыке еще больше обострились и Хассан-паша был вынужден бежать в Землин²⁴.

Сербские повстанцы к тому времени осадили янычар в Шабаце, Смедереве, Пожареваце и Белграде. 23 марта 1804 г. их предводители через карловацкого митрополита Ст. Стратимировича просили Франца II принять сербов Белградского пашалыка в подданство Австрии²⁵. В ответном письме митрополит известил Карагеоргия и Якова Ненадовича, что он сможет выполнить их просьбу при условии, если сербы сохраняют верность султану. "Людей султана, — наставлял их по этому поводу митрополит, — почитайте и охраняйте, щадите невинную кровь, остерегайтесь причинять обиды невинным туркам, а наипаче не трогайте их мечетей и святынь"²⁶. В середине апреля 1804 г. с аналогичной просьбой Карагеоргий обратился и к австрийскому капитану Шайтинскому. Из рапорта кабинет-министра венского двора, вице-канцлера Ф. Коллорато-Вальдзее Францу II явствует, что Карагеоргием были сделаны следующие предложения:

1) Сербский народ, чтобы избавиться от турецкого ига, согласен принять австрийское подданство; 2) если венский двор согласится на это, то сербы постараются овладеть Белградом, чтобы передать его вместе со Смедеревом, Шабацем и всей Сербией Австрии. Взамен Карагеоргий просил утвердить его управителем Сербии и наследственным князем; 3) если же венский двор по каким-либо причинам отклонит эту просьбу, то сербы

обратятся за помощью к другой державе, чтобы она помогла им избавиться от турецкого гнета²⁷.

Иначе это же предложение было сформулировано в письме Карагеоргия Францу II. Подтверждая желание сербов принять австрийское подданство, верховный вождь уже не писал о их намерении освободиться от турецкого гнета, а только просил убедить султана, чтобы он прислал в Сербию виэрия, который смог бы навести там порядок. "Ни от султанской дани (харача), ни от налогов, - заверял Карагеоргий Франца II, - мы не отказываемся, мы согласны их давать... но райей диахиюв мы не желаем быть"²⁸.

Узнав о готовящемся походе Бекир-паши на Белград, белградские дахии запросили у Пазванд-оглу помощи, и он приказал находившимся в Рахове Кусанджалии Халилу, Джелил-оглу и Кучуку Али идти к Нишу и противодействовать войскам боснийского виэрия. Однако отряды сербских ополченцев не позволили кирджалиям пройти к Нишу и с большими потерями отбросили их обратно. Когда Порта стала обвинять Пазванд-оглу во вмешательстве в сербо-янычарский конфликт, он публично объявил, что Кусанджали Халил и другие начальники кирджалиев действовали по собственному усмотрению и даже вопреки его приказам. В подтверждение своих слов видинский паша приказал публично казнить 60 кирджалиев во главе с их предводителем Тоской за то, что они разбойничали в районе Кладово и затем присоединились к отряду Кусанджали Халила. "Таким поведением, - пишет Кирико, - желает он (Пазванд-оглу. - В.Г.) содержать свой кредит" перед Портой и христианским населением своих владений²⁹.

В апреле 1804 г. сербское ополчение отражало нападение янычар и кирджалиев, предводительствуемых дахией Кучуком Али, и нанесло им несколько поражений под Ягодиной и Баточиной³⁰. В некоторых нахиях сербо-янычарский конфликт разрешился перемирием и подписанием мирных договоров. Так, в частности, поступил гарнизон в г. Шабац, состоявший из 100 янычар, который 19 апреля 1804 г. капитулировал и заключил с осаждавшими крепость сѐрбами договор. Согласно договору, не желавшие признавать реформы низами-джедид янычары должны были покинуть Шабац и переехать в Белград, а их семьи - в соседнюю Боснию. В г. Шабац и его округе по-прежнему могли оставаться все преданные султану турки, назначенные Портой и избранные горожанами чиновники³¹.

Для урегулирования сербо-янычарского конфликта 29 апреля (10 мая) 1804 г. в Землине начались переговоры между турецкой администрацией и представителями сербского народа, которые проходили при посредничестве австрийских властей. Бежавший ранее в Землин Хассан-паша, по свидетельству Л.Г. Кирико, устранился "от посредничества в этом деле, поскольку оно приняло характер мятежа"³². Согласно рапорту графа Коллорадо от 25 мая 1804 г., австрийский генерал, объявивший о начале переговоров, на первом же заседании предложил враждующим сторонам покончить дело миром, но сербы поставили условие, чтобы Хассан-паша

удалил из Белграда четырех дахийев. Но паша, сознавая свое бессилие, отказался удовлетворить это требование и со своей стороны предложил предпринять меры, которые еще больше возбуждали недовольство сербов. Землинские переговоры не дали желаемых результатов, и стороны расстались еще более недовольные друг другом, чем это было до их начала³³. В Землине на переговорах сербские представители выдвинули следующие требования:

- 1) В соответствии с пожалованным им фирманом Селима III янычары должны покинуть Белград и возвратить все отнятые у населения земли (читлуки);
- 2) для восстановления законного порядка Порты должна направить в Белград нового визиря. До прибытия Бекир-паши с войском сербы обязуются выделить для охраны нового белградского паши 1500 пандуров, после прибытия войск Порты сербские пандуры должны быть распущены по домам;
- 3) сербы просят султана издать новый фирман, прощающий их за участие в конфликте и запрещающий каким бы то ни было туркам мстить за их войну с янычарами;
- 4) новый паша в своем правлении должен руководствоваться постановлениями хати-шерифа 1794 г., по которому сербы должны платить дань султану, налоги визирю, спахиям, воеводам и судьям без дополнительных надбавок. Увеличения норм налогов сербы признавать не будут;
- 5) в каждой нахии они просят учреждать свой суд (кадилук), в котором должны рассматриваться дела любого сербского жителя по справедливости;
- 6) в соответствии с хати-шерифом 1794 г. турецкие власти не должны чинить препятствий постройке и восстановлению церквей и монастырей, а также не должны вмешиваться в церковные обряды христиан и притеснять их священников;
- 7) сербскому населению должно быть возвращено право свободной торговли, а турецкие власти не должны вмешиваться в установление цен на товары;
- 8) сербы просят предоставить им право самим избирать своих кнезов. После их утверждения в должности белградским пашой, турецкие судьи (кадии) обязаны выслушивать их мнение в судах по любому делу.

Кроме перечисленных пунктов, предусмотренных фирманом 1794 г., сербские представители на переговорах в Землине выдвинули требование о предоставлении им права выбирать из сербских кнезов верховного правителя, который мог бы распределять по нахиям как наложенную на сербов султанскую дань, так и налоги в пользу визиря, спахиев и т.д.³⁴. Переговоры в Землине были сорваны вспыхнувшей ссорой сербских депутатов с турецкими представителями³⁵. Несмотря на срыв мирных переговоров в Землине, Порты, по свидетельству Жерве, еще продолжала "фаворизировать мятеж сербов в Белграде, кои предварительно донесли оной о притеснениях, претерпеваемых ими от тамошних турок и... повелела боснийскому валию стать посредником между них и разобрать причины, подававшие повод к ссоре и наказать виновных"³⁶. Из донесения самого Бекира-паши от 3 ноября 1804 г. видно, что еще в марте-апреле 1804 г. ему было дано задание войти с войском в Белградский пашалык, подавить

силой янычарский бунт, отобрать у янычар читлуки, упразднить назначенных дахиями субашей, создать условия для возвращения в города и районы пашалыка населения и для нормального проведения новых реформ³⁷. Пока Бекир-паша неспешно и обстоятельно готовился к выполнению возложенной на него миссии, в Белград вошел Кусанджали Халил с отрядом в 800 кирджалиев. С его приходом, пишет Кирико, возникла "опасность, что белградское смятение впредь продолжиться может и походом Пазвандоглу, поелику оный Кусанджали Халил, эмиссар разбойников, есть тайный соучастник старого видинского бунтовщика"³⁸.

Чтобы подкрепить сербов до прихода Бекир-паши, Порта приказала орсовскому мухафизу Реджеб-аге и валашскому господарю К. Ипсиланти снабдить сербских ополченцев порохом, свинцом и другими боеприпасами³⁹. Константинопольский патриарх Калиник со своей стороны предписал белградскому митрополиту Леонтию, чтобы он убеждал воюющих с янычарами сербов "не противиться воле Порты... побуждая их между тем, чтобы те старались истребить бунтовщиков и защитить храбростию свои права"⁴⁰.

Пришедший на помощь янычарам Кусанджали Халил вскоре потребовал от дахиев уплатить ему за содержание кирджалиев 12 тыс. червонцев. Это требование и его притязания на верховенство в Белграде стали причиной ссор и разногласий между янычарами и кирджалиями. Сербы же тем временем продолжали быстро наращивать численность своих войск и довели их к 20 мая 1804 г. до 40 тыс. человек, половина которых была занята блокадой Белграда⁴¹. По просьбе Порты венский двор также дал согласие на закупку сербами оружия, боеприпасов, провианта на австрийской территории, а также позволил набирать добровольцев из числа австрийских сербов. Тогда же он переслал в Константинополь Штурмеру и материалы сербо-турецких переговоров в Землине для передачи их Порте⁴².

Поскольку бейлербей Румелии Ибрагим-паша в это время не мог выполнить приказа Порты о поддержке сербов оружием, боеприпасами и войском, сербские повстанцы продолжали блокировать Белград, Смедерево, Пожаревац, Шабац и другие укрепленные места только своими силами⁴³. В конце мая 1804 г. по решению руководителей восстания штаб сербских повстанцев был перенесен из с. Остружницы в Топчидер, находившийся недалеко от Белграда. Не получив обещанного подкрепления ни от бейлербея, ни от боснийского визиря, повстанческое руководство запросило Хассан-пашу, когда же, наконец, подойдет к ним Бекир-паша. В ответ белградский мухафиз сообщил, что войско боснийского визиря выступило в поход в начале июня 1804 г. и движется к Шабацу, где намерено разбить свой лагерь. В связи с этим Хассан-паша посоветовал сербам подготовить визирю торжественную встречу и послать в Шабац 10 самых авторитетных кнезов. Сербское же войско должно оставаться на месте и ожидать Бекир-пашу у Врачара, не предпринимая до его прихода никаких военных действий против янычар⁴⁴.

Белградские янычары между тем не теряли времени даром и активно наращивали свои силы. По данным русских дипломатов, только в Белграде к июню 1804 г. им удалось собрать до 10 тыс. человек, считая и кирджалиев. В поисках продовольствия и фуража они делали вылазки из города, часто вторгались в пределы австрийских владений. "Опасаясь худых следствий из таковых... шалостей турецких, могущих произойти во вред цесарской торговле, — пишет Кирико, — (австрийское командование. — В.Г.) объявило Белграду, что сей беспорядок долго терпим быть не может"⁴⁵. В надежде выяснить отношение Пазванд-оглу к белградским янычарам и кирджалиям Кусанджали Халила предводители сербских повстанцев в начале июня 1804 г. направили в Видин своих депутатов. На их запрос видинский паша ответил, что он не станет поддерживать ни янычар, ни кирджалиев, если сами сербы не будут вмешиваться в междоусобные распри турок и займутся положенным им делом — возделыванием земли⁴⁶.

Бекир-паша подошел к Шабацу только 14 июня 1804 г. с отрядом в тысячу человек и сразу же послал в Белград к дахиям гонца с фирманом Селима III. Вполне естественно, что суровые постановления дивана не могли не вызвать бурной реакции и без того разъяренных дахиев. Ознакомившись с содержанием фирмана, дахии тут же в присутствии гонца отдали приказ о наступлении на осаждавших город сербов⁴⁷. Сербы же, придерживаясь советов Ст. Стратимировича и Хассан-паши, выслали на встречу Бекир-паше депутацию с прошением, в котором изложили требования, выдвинутые ими на землинских переговорах. В этом же документе они заверяли, что сербы останутся верными подданными султана и будут платить ему дань, которую он сам установит по справедливости. В ответном письме Бекир-паши от 14 июня сообщалось, что султан Селим III приказал восстановить нарушенный янычарами порядок в Смедеревском санджаке, защитить сербское население от угнетения дахиев, а его имущество от разграбления. Для всех, кто платит установленную султаном дань и безоговорочно подчиняется законной власти, говорилось в письме Бекир-паши, Селим III обещает учредить еще лучший порядок, чем тот, который был при покойном визире Мустафа-паше. Тем же сербам, которые вначале попытались было "свернуть с раинской стязи", но затем проявили свое послушание законному визирю, их вина будет прощена. Далее Бекир-паша от себя лично обещал передать султану изложенные в прошении на его имя просьбы сербского народа⁴⁸.

30 июня (12 июля) 1804 г. Бекир-паша подошел с войском к Белграду и объявил ожидавшим его сербам, чтобы они не предпринимали никаких акций, так как у него есть план изгнания янычар из Белграда, позволяющий избежать кровопролития и штурма двух мощных крепостных сооружений внутри города. Как выяснилось позже, Бекир-паша установил тайную связь с Кусанджали Халилом и пообещал ему большое вознаграждение и должность белградского коменданта (мухафиза), если он сумеет уми-

ротворить янычар и изгнать их начальников (дахийев) из города⁴⁹. В ходе четырех состоявшихся под Белградом встреч Бекир-паша при участии сербских кнезов договорился с Кусанджали Халилом об условиях и плане осуществления задуманной операции. Последний брал на себя обязательство вывести из белградской крепости сначала янычарский гарнизон вместе с дахиями, а позднее и часть кирджалиев, оставив в крепости не более 400 человек. За выполнение этой операции сербы должны были уплатить ему лично 180 тыс. пиастров и 90 тыс. пиастров для выплаты двухмесячного жалованья двум тысячам кирджалиев. Бекир-паша от имени Порты обещал Кусанджали Халилу прощение, должность коменданта белградской крепости и звание двухбунчужного паши. В качестве гарантии этой тайной сделки стороны обменялись заложниками⁵⁰.

Поскольку занятый подавлением бунтов во Фракии и других районах Румелии бейлербей не мог поддержать действий Бекир-паши, то Порта возложила это на мухафиза орсовской крепости Реджеб-агу, нишского аяна Хафиз-агу и валашского господаря К. Ипсиланти. Им было дано предписание оказывать боснийскому визирю содействие в урегулировании сербо-янычарского конфликта и противодействовать влиянию Пазванд-оглу на ход переговоров Бекир-паши с белградскими янычарами⁵¹. Вместе с тем константинопольский патриарх по поручению Порты повелел белградскому митрополиту Леонтию Ламбровичу, шабацкому епископу Анфиму и валашскому архимандриту Гавриилу прибыть в лагерь сербов и, согласовав свои действия с Бекир-пашой, склонить их к смирению. К. Ипсиланти по каким-то соображениям уклонился от непосредственного участия в этом деле, перепоручив его своему придворному боярину (ключарю) Манолаки, который выехал из Бухареста в Белград вместе с архимандритом Гавриилом 9 июля 1804 г.⁵².

Начавшиеся разногласия и ссоры между белградскими янычарами и кирджалиями внутри крепости не позволили Кусанджали Халилу выполнить намеченный план к установленному сроку, и обеспокоенный этим Бекир-паша отдал приказ о штурме Белграда. По свидетельству сербского анонима, ополченцы ворвались в город и вплотную подошли к воротам цитадели. В ходе штурма они захватили до 30 тыс. овец; большое число лошадей и другие трофеи⁵³. По свидетельству Л.Г. Кирико, сербы во время штурма крепости 21 июля уничтожили до 30 турок. Через день Кусанджали Халилу удалось спровоцировать новый конфликт между кирджалиями и янычарами, который он хитро использовал для реализации задуманного плана⁵⁴. Согласно информации, полученной из Белграда от боярина Манолаки, Кусанджали Халил через день после штурма стал распространять по Белграду слухи о том, что разъяренные поведением войск Порты дахия якобы вознамерились убить белградского мухафиза Хассан-пашу. В связи с этим предводитель кирджалиев объявил, что он переходит на сторону Порты и должен предотвратить замышляемое дахиями новое злодеяние. На другой день, когда была предпринята вылазка осажденного белградского

гарнизона из крепости, Кусанджали Халил тайно приказал своим кирджалиям быстро вернуться в крепость, запереть изнутри ворота и начать обстрел оставленных у крепостных стен янычар. Поняв коварный план кирджалийского предводителя, дахии отдали язычарам приказ отступить к Дунаю, где часть из них села в лодки и поплыла вниз по течению к Поречу, а оставшиеся были вынуждены укрываться в прибрежных лесах. Причалив к орсовской пристани четверо дахивей с небольшой охраной сдались местным властям⁵⁵.

После изгнания большей части белградских янычар и их предводителей из крепости вожди сербских повстанцев, готовясь к встрече с уполномоченными представителями Порты, написали письма австрийскому и русскому государям, в которых просили их быть гарантами сербо-турецкого договора, если таковой будет заключен в ходе предстоящих переговоров. В частности, в письме к Францу II от 20 июля 1804 г. говорилось, что после прихода Бекир-паши и изгнания дахивей в Белградском пашалыке восстановлен законный порядок и сербы "в безопасности довели" начатое ими дело. Но все же они до сих пор находятся "в великой заботе" о том, каким способом им можно добиться того, чтобы в дальнейшем избежать насилия и угнетения. Ибо, всякий паша, поясняли авторы письма, человек временный, а султан от сербов находится далеко и не может быть всегда защитником райи. Поэтому в таких неопределенных и изменчивых обстоятельствах только иностранные государи могут гарантировать данные Портой обещания. Далее сербы просили Франца II прислать на переговоры австрийских представителей. Они, говорится в письме, "могли бы быть и посредниками и свидетелями при этом... договоре нашем с султанским визирем Бекир-пашой". А после того как султан утвердит новый порядок в Белградском пашалыке, говорилось в заключении письма, австрийский государь, как сосед и союзник Порты, мог бы с пользой для общего мира и спокойствия гарантировать его⁵⁶.

В аналогичном обращении к русскому царю от 15 июля 1804 г. вожди повстанцев писали, что к этому времени непокорные султану янычары изгнаны ими почти из всех городов и нахий пашалыка, расположенных между реками Дриной и Моравой, не занятым остался только Белград, но и его они вскоре надеются захватить. Однако сербы опасаются, что захват ими этой пограничной крепости может разгневать султана и он лишит их обещанной милости - освобождения от уплаты дани на 9 лет. Вместе с тем, говорилось в письме, сербы все же не могут быть уверенными в добром отношении к ним нового белградского гарнизона и в выполнении данных им Бекир-пашой обещаний. Поэтому при сложившейся ситуации наиболее отвечающий их интересам вариант свелся к тому, что освобожденные от бунтующих янычар нахии были бы переданы в управление (на одержание) сербам. Исходя из этого, авторы обращения просили Александра I, чтобы он, как союзник турецкого султана, по-дружески "исходатайствовал" у него просимые сербами привилегии⁵⁷.

Пока шла подготовка к переговорам сербских повстанцев с представителями Порты, приплывшие в Орсово дахии сдались на милость находящих-ся там дяди и брата Реджеб-аги (сам мухафиз в это время был в Белграде) и просили их послать через К. Ипсиланти в Константинополь прошение о помиловании⁵⁸. Выполнив эту просьбу беглецов, родственники орсовского мухафиза одновременно запросили Реджеб-агу, как им следует поступить с пленными белградскими дахиями. Находившиеся в Белграде турецкие уполномоченные по совету Бекир-паши решили передать дахийев на суд сербам. За дахиями в Орсово был послан отряд сербов во главе с Миленкой Стойковичем, которому было выдано турецкими властями разрешение на их казнь. В письме к брату Реджеб-ага просил его оказать содействие Миленке Стойковичу в выполнении приговора и в доставке голов казненных к Бекир-паше. Во время передачи дахийев сербам они оказали упорное сопротивление и погибли в ходе сражения, а их головы 31 июля 1804 г. были доставлены в Белград, а затем отправлены в Константинополь⁵⁹.

После изгнания янычар из Белграда в городе и его окрестностях установилось относительное затишье. Однако, опасаясь обмана со стороны Бекир-паши и самбй Порты, Кусанджали Халил в ожидании обещанных ему прощения, назначения на должность и денег отказался впустить в белградскую крепость войска турецких начальников и сербов. Въезд в город был разрешен только самим начальникам с небольшой охраной. Для пополнения белградского гарнизона, из состава которого были изгнаны янычары, Кусанджали Халил стал набирать наемников из людей разных национальностей. Тем временем 27 июля Бекир-паша пригласил к себе наиболее влиятельных кнезов и объявил им, что переговоры будут вестись без посредников из других государств, а главным предметом обсуждения должен быть вопрос об уплате сербами харача за 1804 г. Поскольку уже было известно об отказе австрийских властей выступать в роли гаранта, сербские кнезы не стали настаивать на выполнении этого условия⁶⁰.

В ходе дальнейших переговоров Бекир-паша добился от сербов соглашения на выплату ими денег в счет уплаты харача, 400 тыс. грошей (800 мешков) на содержание войска Бекир-паши, сѹммы, обещанной Кусанджали Халилу за изгнание янычар и на содержание его кирджалиев, а также долга австрийским купцам за поставку боеприпасов, провианта и фуража войскам Бекир-паши, Реджеб-аги и Кусанджали Халила⁶¹. Тогда же было достигнуто соглашение о выборе 20 новых сербских кнезов из всех нахий пашалыка, которые вскоре после завершения первого раунда переговоров были избраны в своих нахиях и прибыли в Белград для утверждения их в должности. Бекир-паша, согласно турецкому обычаю, набросив почетные кафтаны (баньяши) на плечи вновь избранных кнезов, всенародно провозгласил их законной властью на местах⁶². После утверждения в должности новых кнезов с Бекир-пашой были продолжены переговоры о принципах управления в пашалыке и подписаны следующие обязательства:

1) Сербь Белградского пашалыка останаь верной райей султана; 2) размеры налогов не должны превышать 16 грошей в год на душу в счет мирии и 3 грошей в счет харача, общая сумма овчарета с пашалыка определяется в 80 тыс. грошей. В целом дань султану должна составлять не более 10 тыс. мешков в год; 3) эту дань по сербским селам должны собирать только сербские старейшины, но не турки; 4) управляющие городами турецкие начальники (агияне) и судья должны иметь при себе не более 4 помощников; 5) ни янычары, ни другие турки не должны иметь в границах Белградского пашалыка ни читлуков, ни постоянных дворов (ханов), а также не должны назначать в сербские села своих управляющих (субашей); 6) спахи могут появляться в своих спахилуках, находящихся в сербских селах, не более одного раза в год; 7) если турок убьет серба или серб турка, то в обоих случаях следует платить штраф в казну паши в размере 500 грошей; 8) если какой-то турок будет ездить по пашалыку без подорожной белградского визиря, то он будет рассматриваться как разбойник и может быть предан смерти.

Общая сумма денег израсходованных на содержание войск Бекир-паши, на выплату Кисанджали Халилу и его кирджалиям составила более 2 тыс. мешков и была отнесена на счет сербского народа. Требования сербов, изложенные в письменном прошении на имя султана, уполномоченные представители Порты обещали переслать в Константинополь на рассмотрение и утверждение дивана. Таким образом, делает вывод автор анонимного письма, находящиеся в Белграде турецкие паши заставили сербов нести громадные расходы, а взамен ничего им не дали, кроме пустых обещаний⁶³.

В письме к герцеговинскому архимандриту Арсению Гаговичу от 27 августа 1804 г. Карагеоргий и другие предводители восстания добавляли к этому: "Мы все во имя божие надумали и договорились, чтобы турки-ярмазы нас больше не судили и чтобы мы сами вершили суд между собой, оставаясь верными султану, мы будем ему давать один раз в году такую дань, которую он сам справедливо установит"⁶⁴. Бекир-паша, посчитав свою миссию выполненной, уклонился от ведения дальнейших переговоров о расширении сербских привилегий. Боснийский визирь не без основания полагал, что решение этого вопроса не входит в его компетенцию, так как их должны решать Порты и новый белградский визирь Сулейман-паша⁶⁵ Последний, по свидетельству Кирико, выехал из Константинополя в Белград где-то в конце июля 1804 г., уже имея "пашинские знаки"⁶⁶.

Вернувшийся 10 августа 1804 г. из Белграда в Бухарест боярин Манолаки рассказал своему господарю и Л.Г. Кирико, что уполномоченные представители Порты, Бекир-паша, Сулейман-паша, Реджеб-ага и другие, пока находятся в Белграде и продолжают заниматься урегулированием нового конфликта, развязанного Кусанджали Халилом в связи с невыполнением Портой и Бекир-пашой их обещаний⁶⁷. Сербь же, по свидетельству

боярина, выплатили Кусанджали Халиду все 180 тыс. пиастров (360 мешков) за изгнание янычар. Но из-за отсутствия денег они остались должны 90 тыс. пиастров, которые обязывались уплатить кирджалиям в счет их двухмесячного жалованья. Но и этот вопрос был урегулирован при посредничестве Реджеб-аги, который поручился за сербов, оставив у Кусанджали Халила заложником своего брата⁶⁸. Характеризуя обстановку в Белградском пашалыке, сложившуюся к середине августа 1804 г., А.Я. Италинский писал, что сербы теперь не угрожают занятием белградской крепости и Порты вполне обеспечила ее безопасность. Требования же самих сербов, продолжает русский посланник, "еще в точности не известны... я знаю только, что еще до истребления дахийев Порты дозволила этим жителям иметь своего рода представителя при белградском паше, чтобы соблюдать интересы своей земли, но, несомненно, этой меры недостаточно". Но в то же время, делится своими наблюдениями Италинский, Порты еще не готова согласиться на учреждение Сербского княжества по образцу Валахии и Молдавии, т.е. предоставить этой стране некоторые привилегии и дать ей в князя грека-фанариота. Подобный проект, поясняет посланник, уже обсуждался в турецком диване, но по соображениям "более высоких интересов" был отвергнут. "Оттоманское министерство решило, — пишет он, — что это новое положение Сербии может со временем вызвать для Порты такие же затруднения, какие, с ее точки зрения, она уже испытывает из-за аналогичного статуса, которым пользуются Молдавия и Валахия. Именно эта мысль и явилась решающей, чтобы отказать от учреждения Сербского княжества"⁶⁹.

Определеннее высказывается по этому поводу русский посол в Вене А.К. Разумовский. После того как Бекир-паша выполнил данное ему поручение, пишет Разумовский, "сейчас речь идет о том, чтобы решить участь сербов: примирить их с Кусанджали Халилом, гарантировать им наказание дахийских сторонников, оградить их в дальнейшем от гнета турок, обеспечить им прежние привилегии". Поскольку Бекир-паша при выполнении своей миссии в полной мере опирался на помощь сербов, писал Разумовский, то ему осталось выполнить еще одно, последнее условие: уговорить сербов добровольно сложить оружие и разойтись по домам. Однако они, продолжает русский посол, не верят в данные им обещания и с полным основанием требуют гарантированного посредниками устройства их дальнейшей судьбы, поскольку только иностранная гарантия могла бы упрочить обещанные им привилегии⁷⁰.

Узнав об отказе австрийских властей посредничать в сербо-турецких переговорах, А.К. Разумовский в этой связи попросил венский двор разъяснить его позицию относительно дальнейшей судьбы сербов Белградского пашалыка. На его запрос министр иностранных дел Австрии граф И. Кобенцль сделал следующие разъяснения: Как верноподданные султана, сербы могут рассчитывать на дружбу венского двора, но как мятежники, желающие раздробления оттоманских владений, они уже не будут более

считаться добрыми соседями и друзьями. Сейчас, когда сербы - сторонники султана и с помощью Австрии добиваются восстановления своих прав, венский двор предоставил решение их судьбы турецкому дивану и распорядился доставить сербам продовольствие, в котором они нуждаются⁷¹. 6 сентября 1804 г. Л.Г. Кирико, находившийся в Бухаресте, подтвердил эти сведения, дополнительно сообщив, что сербы еще продолжают ожидать подтверждения условий, выдвинутых ими на переговорах в Белграде с турецкими пашами. "Они недовольны тем, - пишет Кирико, - что видят, как те мирятся с опасным присутствием кирджалиев под начальством Кусанджали Халила, который увеличивает их число за счет притока из окрестностей других злоумышленников и бандитов"⁷². Не менее тревожная обстановка в сентябре 1804 г. складывалась и в районе Шабаца, где подошедшее из Боснии пятитысячное войско янычар напало на отряды сербских повстанцев, потерявшее в сражении до 400 человек.

Нового визиря Сулейман-пашу дальнейшая судьба сербского народа, видимо, беспокоила меньше всего. По крайней мере он старался подчеркнуть это своим поведением. По прибытии в Белград он первым делом затребовал от валашского господаря К. Ипсиланти прислать для его белградской квартиры мебель, меха и хорошо воспитанную прислугу. Оставшийся в Белграде Бекир-паша также не стал вмешиваться в борьбу боснийских янычар с шабачскими сербами. Нарочитое бездействие и пассивность нового белградского визиря побудили сербских старейшин еще раз призвать к оружию сербское население Белградского пашалыка и обратиться за помощью к австрийским соплеменникам.

В первой декаде сентября 1804 г. до 20 тыс. сербских повстанцев вновь блокировали Белград, а часть других отрядов была послана Карагеоргием для борьбы с боснийскими янычарами в Шабац. В связи с обострением ситуации предводители сербских повстанцев выдвинули новое требование: удалить из Белграда не только бывших сторонников дахийев, но и всех кирджалиев Кусанджали Халила. Белградский гарнизон надлежало сформировать поровну из воинов Сулейман-паши и сербов. Основное же требование повстанцев сводилось к тому, чтобы сербам была дарована автономия по типу Дунайских княжеств⁷³. Однако уполномоченные Порты в Белграде уже не хотели разговаривать с предводителями сербских повстанцев на эту тему. Хассан-паша отправился в Бендеры, а Бекир-паша, выйдя из Белграда 15 октября 1804 г., остановился в местечке Аксу, где, по словам Кирико, стал "трактовать с сербами об удовлетворении его для 17-ти турок-военных, убитых (сербами. - В.Г.) при переходе последних с боем". Оставшиеся в Белграде Сулейман-паша и Кусанджали Халил продолжали убеждать сербов разойтись по домам и в необходимости выплаты долгов землинским купцам за боеприпасы, провиант и фураж, которые в течение этого времени доставлялись для войск турецких пашей и кирджалиев Кусанджали Халила. Несмотря на достигнутые соглашения, новый белградский визирь стал настаивать на увеличении суммы налогов и

на назначении в сербские села "субашами и кадиями" турок из его свиты⁷⁴.

После отъезда турецких уполномоченных из Белграда введение в жизнь новых порядков, обусловленных соглашениями, осуществлялось с большими осложнениями и не везде одинаково. В Соколе, Ужицах, Карановце, Пожеге и других крепостях еще оставались янычарские гарнизоны, а в прилегающих к ним нахиях — назначенные дахиями субаши. Туда же стекались и изгнанные из десяти нахий кабадахи, субаши и другие сторонники казненных дахиев. Они, как и Кусанджали Халил в Белграде, не хотели добровольно уступать власть на местах ни сербам, ни представителям администрации нового визирия⁷⁵. Сербь так и не добились разрешения на вхождение своих войск в состав белградского гарнизона. Но, несмотря на это, в десяти нахиях Белградского пашалыка, которые были очищены от янычар, отчасти все же удалось провести некоторые изменения. Даже Пазванд-оглу был вынужден считаться с этим и, по свидетельству Кирико, "нашел себя принужденным принимать нужные меры к предупреждению, чтобы сербы, находящиеся в Видинском округе, и другие жители Украины (Неготинской Краины. — В.Г.), следуя примеру своих единоверцев, не взбунтовались против его субашиев и деев, поставил по старой обычке на места последних сербских кнезей, коим, создав налицо при своих чиновниках и казнодаре (казначее) Молле, объявил, что никогда с них больше взыскивать податей не будет, кроме обыкновенно установленных, позволяя им при том противиться против лишней, какой бы то ни было, могущей воспоследовать тяготы и убить самого Моллу, буди он смел бы поступать против сего приказа⁷⁶".

После вступления в должность белградского визирия Сулейман-паша потребовал от Пазванд-оглу вернуть ему относящиеся к Белградскому пашалыку села Нишской и других нахий и возместить ущерб, нанесенный их жителям. Для этого в Видин в октябре 1804 г. Сулейман-пашой была отправлена сербская депутация. Выслушав претензии депутатов, Пазванд-оглу обещал расследовать злоупотребления своих войск и чиновников в Нише. Однако вместо этого коварный паша договорился с Кара Фейзи, чтобы он со своими шестью тысячами кирджалиев осадил г. Ниш⁷⁷. Тогда же он приказал казнить нового видинского митрополита Венедикта и доктора Ламбро, которых он заподозрил, как пишет Кирико, "в данном им секретном поручении стараться произвесть в Видинском округе между князьями болгарскими против него возмущение, подобно учиненному белградскими сербами против дахиев"⁷⁸.

Основываясь на информации, полученной непосредственно из Видина, русский консул в Бухаресте сообщал, что Пазванд-оглу "наиболее опасается белградских сербов, коих (он ранее. — В.Г.) обижал бывало". Теперь, пишет Кирико, "он очень уважает сербов и болгар своих: назначил в четырех местечках Видинской Украины (Неготинской Краины. — В.Г.) кнезов из их нации. Давая им власть над турецкими субашиями, предпи-

сал последним состоять под их правлением, воспрещая строго обижать чем бы то ни было болгарского тамошнего народа. Болгарам выдал в руки подписанный и запечатанный регистр с податей следующих с них видинскому паше, запрещая при том всякое злоупотребление строго⁷⁹. Сербы же в это время, продолжает русский консул, "вследствие обещания Порты об устройении их дел ведут себя ныне спокойно в рассуждении Белграда"⁸⁰.

После вступления в должность Сулейман-паша приказал собраться всем сербским кнезам в Смедереве, где объявил им, что, согласно новому фирману Порты, сербы Белградского пашалыка обязаны платить следующие налоги и повинности: дань в пользу султана (мирию) в размере 350 тыс. левов, налог в пользу белградского визиря - 250 тыс., налог в пользу верховного вождя Карагеоргия - 150 тыс. левов, предназначенный на содержание подразделения охранников в 600 сербских воинов. Всем сербским воеводам разрешалось иметь при себе охрану из 10 человек⁸¹. Другим фирманом от ноября 1804 г. Порты давала прощение Кусанджали Халилу и назначала его комендантом Белградской крепости⁸². К этому времени ему удалось сформировать белградский гарнизон численностью в 2500 человек, состоявший из кирджалиев, наемников, набранных из босняков, албанцев и других народностей. Из общего числа гарнизонных войск 1200 человек были на содержании сербов и 1300 - получали жалованье от Сулейман-пашы⁸³. Попытки Сулейман-паши получить с сербов деньги в счет перечисленных налогов не имели успеха. Предводители восстания вместо требуемой с них суммы вручили визирю "Шпецификацию" о выплатах денег, уже произведенных ими уполномоченным Порты и их войскам, участвовавшим в урегулировании сербо-янычарского конфликта. Согласно их расчетам сербы выплатили свыше 2 млн пиастров. Из них в разное время было заплачено:

1. Кусанджали Халилу - 180 тыс. пиастров.
Ему же - 54 тыс. пиастров.
Его кирджалиям - 95 тыс. пиастров.
2. Бекир-паше - 40 тыс. пиастров.
Его войскам было закуплено муки, хлеба и т.д. на 850 тыс. пиастров.
Ему же - 130 700 пиастров.
Ему же - 16 500 пиастров.
3. Реджеб-аге - 488 090 пиастров.
4. Сулейман-паше - 200 тыс. пиастров.
Ему же - 71 278 пиастров⁸⁴.

Поскольку все вышеперечисленные выплаты осуществлялись за счет сербского населения пашалыка и денег, взятых сербами в долг, то вскоре выяснилось, что платежеспособность населения пашалыка была надолго исчерпана, а Сулейман-паше и Кусанджали Халилу нечем платить наемникам. Последние вскоре перессорились между собой и стали разбегаться⁸⁵. Одна часть взбунтовавшегося белградского гарнизона даже приня-

ла сторону сербов и предлагала им свои услуги для занятия Белграда⁸⁶.

Характеризуя сущность конфликта, возникшего в декабре 1804 г. в белградском гарнизоне, Л.Г. Кирико писал, что "эти серьезные споры", стихийно вспыхнувшие "между кирджалиями и дахиями Кусанджали Халила, а также между гарнизоном из арнаутов и янычар состоящем", вновь нарушили спокойствие в пашалыке. Первые требовали уплатить им недоданное жалованье. Не добившись удовлетворения своих требований, большая часть наемников "отстала" от Кусанджали Халила и стала "действовать неприязненно". "Таким образом, — заключает Кирико, — сей кирджалийский начальник остался при 260 человек кирджалиев и 150 дагиев, что и подает надежду сербам найти его в худом положении". Вернувшийся в январе 1805 г. из Землины посыльный валашского господара К. Ипсиланти сообщил, что дальнейшие действия сербского народа, пишет Кирико, во многом "зависят от ожидаемого там (в Сербии. — В.Г.) ответа их депутатов, посланных в Россию". До возвращения депутатов из Петербурга сербы продолжали оставаться спокойными, но поведение Кусанджали Халила и грабежи разбежавшихся от него кирджалиев и наемников, продолжает консул, "принудили их (сербов. — В.Г.) опять вооружиться и быть в готовности на случай, если Порты не сделает им в требованиях удовольствия... Они не оказывают себя противными [ни] Порте, ни... ее пашам. Они желают удаления Халила с соучастниками его, и чтобы поручено было Реджеб-аге, коменданту Орсова, взыскание подати с их земли, назнача его в Белград под именем мухасила вместо настоящего Исмаил-паши"⁸⁷. Встревожило сербов и решение Порты о назначении Кусанджали Халила комендантом белградской крепости. Подобная милость была оказана и другим кирджалийским начальникам. Тогда же, пишет Кирико, "Порты простила и Кара Фейзи, произведя [его] в чин двухбунчужного паши и назначила ему пост в Узунжове с тем, чтобы он пребывание имел в Хаске (Хасково. — В.Г.)"⁸⁸.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в Белградском пашалыке к началу 1805 г., М. Вукичевич и другие сербские историки делают, на наш взгляд, несколько преждевременный вывод о желании сербских повстанцев "полностью освободиться от турецкого ига"⁸⁹. Рассмотренный нами материал, как нам представляется, пока еще не дает оснований говорить о курсе сербских повстанцев на полное освобождение от турецкой зависимости. Из него можно только сделать вывод, что в условиях нового сербо-кирджалийского конфликта сербы в конце 1804 — начале 1805 г. выдвигали требование восстановить порядок в пашалыке и их прежние привилегии. Вопрос о предоставлении сербам автономии по типу дунайских княжеств был только поставлен на повестку дня и в общих чертах обсуждался сербскими депутациями с правительствами России и Австрии.

- 1 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь, 1804. Д. 2241. Ч. 2. Л. 629-631; Италинский - Чарторыйскому, 2/14 мая 1804 г.
- 2 Подробнее об этом см.: М и л л е р А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.; Л., 1947. С. 267-270.
- 3 АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 2241. Л. 596-602. Италинский - Чарторыйскому, 17(29) апреля 1804 г.
- 4 Там же. Л. 275. Италинский - Воронцову, 17(29) февраля 1804 г.
- 5 Documente... Vol. IV. P. 555. Записка... до 28 января 1804 г.
- 6 П о п о в Л.И. Принос... С. 87.
- 7 Там же. С. 154.
- 8 Там же. С. 120-121; М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... С. 271.
- 9 Первое сербское... Кн. 1. С. 14-15.
- 10 Там же. С. 23-24.
- 11 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь, 1804. Д. 2241. Ч. 2. Л. 629-631. Италинский - Чарторыйскому, 2(14) мая 1804 г.
- 12 Documente... Vol. IV. P. 562-563. Записка... до 27 июня 1804 г.
- 13 Ibid. P. 563-564. Записка... до 15(27) июля 1804 г.
- 14 Ibid. P. 568-569. Записка... до 1(13) декабря 1804 г.
- 15 Подробнее об этом см.: Н е н а д о в и ћ М. Мемоари. С. 93; В у к и ћ е в и ч Ђ М. Карађорђе. Књ. I. С. 266-267; П а н т е - л и ћ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.). С. 415-416.
- 16 К а р а џ и ћ В.С. Историјски списи. Т. 1. С. 10-11.
- 17 ИСН. Књ. IV, т. 1. С. 429-431.
- 18 Први српски... Књ. 1. С. 55-56. М. Пеич. - Ст. Стратимировичу, 22 февраля 1804 г.
- 19 Первое сербское... Кн. I. С. 53.
- 20 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 36. Л. 110; К. Ипси-ланти - Италинскому, 7 апреля 1804 г.
- 21 В у к и ћ е в и ч М. Карађорђе. Књ. II. С. 124.
- 22 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1804. Д. 2241. Ч. 1. Л. 605-606. Италинский - Чарторыйскому, 8 апреля 1804 г.
- 23 М и л о с а в л е в и ч П. Бој на Иванковцу. 1805 г. Београд, 1979. С. 15-16.
- 24 Первое сербское... Кн. 1. С. 19.
- 25 Први српски... Књ. 1. С. 60.
- 26 Там же. С. 61.
- 27 Списи бечких архива... Књ. 1. С. 157.
- 28 Први српски... Књ. 1. С. 65-66.
- 29 Первое сербское... Кн. 1. С. 20-21.
- 30 Историја Београда. Књ. 2. С. 10.
- 31 Первое сербское... Кн. 1. С. 21-22.
- 32 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 138/1. Л. 148-149. Кирико-Италинскому, 21 апреля 1804 г.
- 33 Списи бечких архива... Кн. 1. С. 156-157.
- 34 Први српски... Књ. 1. С. 68-69.
- 35 В у к и ћ е в и ч М. Карађорђе. Књ. II. С. 89-93.

- 36 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1804. Д. 76. Л. 19; Жерве - Чарторыйскому, 3 мая 1804 г.
- 37 О донесениях Бекир-паши подробнее см.: Мило с а в л е в и њ П. Бо } на Иванковцу. 1805. г. С. 15-16.
- 38 Первое сербское... Кн. 1. С. 29-30; АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 138/1. Л. 156-157. Извлечение из бухарестских и придунайских известий до 3 мая 1804 г.; Подробнее см.: Историја Београда. Књ. 2. С. 10-14.
- 39 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 36. Л. 239. Ипсиланти - Италинскому, 4 мая 1804 г.
- 40 Первое сербское... Кн. 1. С. 29-30; Први српски... Књ. 1. С. 64, 76.
- 41 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 138/1. Л. 199; Кирико - Италинскому, 9 июня 1804 г.
- 42 Там же. Д. 36. Л. 276-277; Фонтон - Италинскому, 3/15 июня 1804 г.
- 43 Во второй половине мая 1804 г. бейдербей с двадцатитысячным войском, выйдя из Албании, двигался через Монастырь (Битоль) в Софию. Но у Янинского пашадыка он был задержан войсками Али-паши. Не желая вступить в сражение с войсками соперника-соседа, Ибрагим-паша был вынужден ждать, пока Порта сама уговорит Али-пашу не препятствовать бейдербею в выполнении ее приказа (Первое сербское... Кн. 1. С. 29-30).
- 44 Первое сербское... Кн. 1. С. 78-79.
- 45 Там же. С. 34-35; ВПР. Т. II. С. 89-92.
- 46 Первое сербское... Кн. 1. С. 34-35; АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 138/1. Л. 199. Кирико - Италинскому, 9 июня 1804 г.
- 47 Први српски... Књ. 1. С. 82-84.
- 48 Там же. 77-78; В у к и њ е в и њ М. Карађорђе. Књ. II. С. 121-122, 125-126.
- 49 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 9163. Л. 8-10. Сербский анонимный корреспондент - Фацарди, 5 декабря 1804 г.; В у к и њ е в и њ М. Карађорђе. Књ. II. С. 125-126.
- 50 Први српски... Књ. 1. С. 84-85.
- 51 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 138/2. Л. 14; Кирико - Италинскому, 9 июля 1804 г.
- 52 Первое сербское. Кн. 1. С. 37-38; Први српски... Књ. 1. С. 76; Documente... Vol. IV. P. 563. Записка... до 15 июля 1804 г.
- 53 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 9163. Л. 8-10. Сербский анонимный корреспондент - Фацарди, 5 декабря 1804 г.
- 54 Там же. Оп. 517. Д. 138/9. Л. 31-32. Кирико - Италинскому, 25 июля 1804 г.
- 55 Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 286-287; Записка... до 24 июля 1804 г.; Подробнее см.: В у к и њ е в и њ М. Карађорђе. Књ. II. С. 127-129.
- 56 Први српски... Књ. 1. С. 88-89. Сербские старейшины - Францу II, 20 июля 1804 г.
- 57 Первое сербское... Кн. 1. С. 35-36.
- 58 Први српски... Књ. 1. С. 89-91. АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 286-287. Записка... до 24 июля 1804 г.
- 59 В у к и њ е в и њ М. Карађорђе. Књ. II. С. 130-133.
- 60 31 июля (12 августа) 1804 г. австрийский комендант Петроварадинской крепости Генейн по приказу вышестоящих инстанций официально известил сербов, что поскольку венский двор придерживается дружественных отношений с Портой, то он, взяв на себя предлагаемую ему

миссию, тем самым нанес бы ей обиду. Генейн рекомендовал сербам положиться на справедливое решение Бекир-паши, которого венский двор признает законным доверенным лицом дружественного Австрии правительства (В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ II. С. 136).

61 В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ II. С. 135.

62 Там же.

63 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 9163. Л. 8-10. Сербский аноним - Фацарди, 5 декабря 1804 г.

64 Первое сербское... Кн. 1. С. 42-44.

65 О донесении Бекир-паши Порте от 3 ноября 1804 г., в котором он отчитывается о своей миссии, подробнее см.: М и л о с а в л е - в и њ П. Бој на Иванковцу. 1805 г. С. 15.

66 Documente... Vol. IV. P. 564-565. Записка... до 11 августа 1804 г.; В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ II. С. 140.

67 Documente... Vol. IV. P. 564-565. Записка... до 11 августа 1804 г. Сведения Манолаки о пребывании Сулейман-паши в Белграде до 10 августа 1804 г. нуждаются в уточнении, так как 24 августа 1804 г. Кирико сообщал Италинскому, что Сулейман-паша до сих пор находится в Нише, где ждет распоряжений Порты о вступлении на пост белград-валиисы. (АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Оп. 517. Д. 13812. Л. 58. Кирико - Италинскому, 24 августа 1804 г.).

68 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 9163. Л. 8-10. Сербский аноним - Фацарди, 5 декабря 1804 г.

69 ВПР. Т. II. С. 116-118. Италинский - Чарторыйскому, 17(29) августа 1804 г.

70 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. Д. 11 503. Л. 361-365. Разумовский - Чарторыйскому, 19(31) августа 1804 г.

71 Там же.

72 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 324-325. Кирико - Жерве, 6 сентября 1804 г.

73 ВПР. Т. II. С. 116-118. Италинский - Чарторыйскому, 17(29) августа 1804 г.

74 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 366. Записка... до 30 октября 1804 г. Она же в сокращении опубликована в "Documente ... " Vol. IV. P. 567.

75 В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ II. С. 222.

76 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 286-287. Записка... до 24 июля 1804 г.

77 Documente ... Vol. IV. P. 567. Записка... до 12 ноября 1804 г.

78 Ibid. P. 568-569. Записка... до 1 декабря 1804 г.

79 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 122. Л. 90-92. Записка... до 16 февраля 1805 г.

80 Documente... Vol. IV. P. 569. Записка... до 14 декабря 1804 г.

81 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 9163. Л. 8-10. Сербский аноним - Фацарди, 5 декабря 1804 г.

82 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 97. Л. 377-378. Кирико - Жерве, 12 ноября 1804 г.

83 Documente... Vol. IV. P. 567-568. Записка... до 12 ноября 1804 г.; Первое сербское... Кн. 1. С. 54-58. Ипсиланти - Италинскому, 21 октября (2 ноября) 1804 г.

84 АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. 1. П. 6. Л. 33; копия "Шпецификации издержек сербским народом, сделанным для пашей и прочих чиновников турецких в Белграде", 24 апреля 1805 г.

- 85 Подробнее см.: В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 22 С. 221-227.
- 86 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1805. Д. 127. л. 73; анонимный белградский таможенник - Кирико, 27 декабря 1804 г.
- 87 Documente ... Vol. IV. P. 572-572. Записка... до 30 января 1805 г.
- 88 Ibid. P. 574. "Записка" до 16 февраля 1805 г.
- 89 В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 230.

Г л а в а У

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ, АВСТРИИ И ФРАНЦИИ К БОРЬБЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК В РУМЕЛИИ И СЕРБО-ЯНЫЧАРСКОМУ КОНФЛИКТУ В БЕЛГРАДСКОМ ПАШАЛЬКЕ В 1801-1805 ГГ.

1. Отношение великих держав к борьбе политических группировок в Румелии

Внутренние беспорядки и междоусобные войны аянов в Румелии в период франко-турецкой войны в Египте беспокоили не только Порту, но и ее союзников по антифранцузской коалиции. К этому времени беспорядки приобрели такой размах, что многие из иностранных дипломатов расценивали их как гражданскую войну, которая могла привести если не к распаду империи, то по крайней мере к падению стоящего у власти правительства. Иной точки зрения в этом вопросе придерживался русский царь Павел I. Он писал в апреле 1800 г.: "Я не предвижу из существующих ныне частных бунтов в Турции ничего такого, чтобы могло угрожать падением ее правления... когда же будет настоять неизбежная опасность, я предоставляю себе принять все те меры, кои обстоятельства, связь моя с Портой и собственная польза востребуют"¹. Заклячая с Турцией договор о предоставлении семи бывшим венецианским островам статуса зависимой от Порты республики (Ионической республики), Павел I заверил султана Селима III: "Связь наша должна быть основана на правилах честности и искренней дружбы"². Подобные заверения русского самодержца не были пустой формулой дипломатической куртуазности, но подтверждались и делами. Так, в конце апреля 1800 г. Павел I дал указание удовлетворить просьбу Порты о беспрошленной закупке в России до 15 тыс. овец для населения Константинополя, испытывавшего недостаток в продуктах питания. "Делаем мы сие в знак доброго и дружественного нашего к Порте расположения и твердого союза, ныне между нами существующего", - разъяснял царь данное им повеление³.

Быстрое сближение России с Турцией не устраивало Наполеона Бонапарта, и он стал изыскивать средства, чтобы помешать этому. Как уже отмечалось выше, в мае 1800 г. он дал понять Порте, что Франция могла бы заключить с Турцией перемирие в Египте, если она согласится на это

без участия в нем ее союзников. Сообщая об этом дипломатическом маневре Бонапарта русскому посланнику рейс-эфенди просил заверить Павла I, что без согласия России и других союзников Порты никогда не пойдет на заключение с Францией сепаратного мира⁴. В развитие идеи укрепления союза с Турцией Павел I пытался даже склонить Селима III к вступлению в т.н. Северную коалицию. Если же Турция не захочет присоединиться к этому союзу, писал Павел I В.С. Тамаре, "тогда предложите султану заключить со мной секретную и сепаратную конвенцию, коей мы... обеспечим целостность владений наших"⁵. В ответной депеше, сообщая о "политических расположениях Порты", В.С. Тамара писал: "Нет сомнения... чтобы она при настоящем правительстве своем поступила на какие-либо противные в.в.-у виды, но на содействия ее полагаться тоже не следует: не по недостатку доброй воли, на которую при нынешней дружбе можно бы понадеяться, но по совершенной ничтожности правления, истощении безмерном ресурсов и крайним неустройствам внутренним. Министр Вашего величества (т.е. В.С. Тамара. - В.Г.) предусудил бы может быть по обстоятельствам довести турков до новых договоров Вам угодных... но наперед уверится должно, что Порта худо держать будет обещания в прямом деле по причине своего изнеможения и утраты той невидимой силы, которая неволит подданных исполнять предписания высшей воли; тако ж уверится наперед можно, что и, вопреки договоров сих, ни на что не поступит"⁶.

Подобные донесения посланника и консулов из разных областей Османской империи постепенно расшатывали убежденность упрямого Павла I, который в конце 1800 г. уже допускал возможность падения турецкого правительства и предлагал свои услуги в поддержке его: "На случай, если бы Порта потребовала моей помощи против Пазванд-оглу, приказал я собрать корпус под командою ген.л-та Боура, который будет в готовности выступить по первому повелению, когда получено будет от Вас известие, что Порта, победив закоренелые предрассудки, решит просить содействия моего против бунтовщика Пазванд-оглу"⁷. В тот же день Павел I подписал приказ генералу Розенбергу подготовить для помощи Порте мушкетерские полки Селехова, Мантейфеля, егерей Баллы, гренадерские батальоны Пламенкова, Шенгелидзева и гусарский полк Мантейфеля 2-го с "пристойным числом артиллерии". Командиром сводного корпуса был назначен генерал-лейтенант Боур⁸.

В феврале 1801 г. меры по подготовке русских войск для похода против Пазванд-оглу стали известны задунайским аянам, которые, по свидетельству Л.Г. Кирико, были крайне взволнованы этим, так как считали, что появление русских войск за Дунаем возбудит христианское население и подорвет их власть на местах⁹. Антирусские настроения задунайских аянов были использованы французскими и австрийскими агентами, которые стали распространять их по всей Румелии. В это же время среди населения Румелии поползли слухи о том, что в ходе франко-австрий-

ких переговоров о заключении мира Франция якобы дала согласие на присоединение к Австрии ряда турецких областей: Албании, Боснии, некоторых районов Сербии и Валахии (до р. Олт) при условии, если венский двор разрешит 40-тысячной армии Бонапарта пройти из Италии в Румелию для нападения на турецкие провинции с тыла, чтобы принудить Порту заключить выгодный для Франции мир¹⁰.

Рост антирусских настроений среди румелийских аянов и боязнь совместных франко-австрийских действий, видимо, в какой-то мере все же повлияли на внешнеполитический курс Порты. В этой связи В.Ф. Малиновский писал в феврале 1801 г. из Ясс: "С самого начала моего пребывания в областях Оттоманской Порты приметил я в поведении ее противоречие признаваемой с Россией дружбы. Соображая таковые поступки с прежними ее деяниями, относил их к свойственной и весьма ей обыкновенной двойкости, но впоследствии, узнав точно об опасном состоянии ее от повсеместных замешательств и мятежей, нахожу, что Порта не может иметь искренности союза от своей слабости и последующего от оной препоручения себя руководствованию чужих держав"¹¹.

С воцарением Александра I петербургский двор продолжал еще некоторое время поддерживать дружественные отношения с турецким султаном на прежнем уровне, порой даже за счет временных уступок Турции. Например, когда в марте 1801 г. обсуждался спорный вопрос о переселении ногайской орды из Турции в Россию, молодой царь писал В.С. Тамаре, что если это дело может "родить малейшую остуду с Портой", то его можно оставить без всяких последствий, ибо "мы имеем намерение сохранить с сего державою доброе согласие, ныне столь счастливо между обоими империями существующее"¹².

Между тем происки антирусской партии в Турции продолжали активизироваться и дошли до того, что в начале апреля 1801 г. на русского посланника в Константинополе было организовано нападение неизвестных лиц. Этот провокационный акт вызвал "удивление и совершенное неудовольствие" петербургского двора и был расценен как факт дальнейшего "послабления власти правительства турецкого", умножающимся бесчинствам и беспорядкам в империи. В связи с этим Александр I предписал Тамаре: "Объявить Порте в твердых выражениях, что из единого уважения к связям ныне между обоими империями существующими и, видя koliko само правительство турецкое жалеет о случившемся, дело сие на сей раз остается без последствий, но что не только при повторении подобных неустойств, а даже если Порта не примет деятельнейших мер к доставлению себе от собственных подданных своих должного уважения, мы принужденными себя увидим отозвать оттоль наше посольство, яко из земли, где права народные столь нагло нарушаются подданными, а правительство не имеет довольно твердости укрощать буйство неистовой черни"¹³.

К лету 1801 г. отношения с Портой еще больше осложнились в связи с усилившимися нападениями мятежного Пазванд-оглу на Дунайские княжества. Русское правительство неоднократно указывало Порте, что вопреки существующим русско-турецким договорам сама она и непокорные паши до предела изнурили эти княжества набегами, налогами и разными чрезвычайными "исторжениями". "Расположен будучи всякое доброе соседнее согласие с Турецкою империю соблюсти, - писал в этой связи Александр I, - не менее, однако же, почитаю сопряженным с достоинством моим наблюдать, чтоб постановления трактатов, с Россией существующих, везде в точности исполнены были"¹⁴.

Прогрессирующая немощь Порты к середине 1801 г. достигла таких пределов, что многие европейские политики и дипломаты предрекали неминуемый и скорый развал Османской империи и поговаривали даже о возможном вытеснении турок с Европейского континента. Однако в правящих кругах России, Австрии и некоторых других европейских государств возобладало мнение, что ослабленная до предела внутренними неурядицами Османская империя представляет собой идеального соседа и поэтому ее следовало бы сохранить до тех пор, пока она не развалится под ударами изнутри. "Один из принципов моей политической системы, - писал Александр I, - будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого являются ценной гарантией безопасности. Интересы Австрии в этом отношении совпадают с интересами России"¹⁵.

Исходя из этой концепции Александр I, по его словам, отказывался верить слухам о том, что венский двор якобы прислушивается к советам Бонапарта о разделе Турции и присоединении к Австрии ряда ее областей. Вместе с тем русские политики понимали, что союз Порты с Россией и ее верность русско-турецким договорам недолговечны, поскольку они были обусловлены французской агрессией в Египте. Поэтому, как полагал Александр I, когда эта угроза минует, внешняя политика турецкого дивана рано или поздно примет антирусский характер¹⁶.

Опасения петербургского двора стали подтверждаться уже в ходе франко-турецких переговоров о заключении мирного договора, который был подписан 9 октября 1801 г. в Париже, ратифицирован 25 июня 1802 г. Вопреки прежним обещаниям рейса-эфенди не заключать мира с Францией без согласования его условий с Россией, турецкий уполномоченный в Париже Галиб-эфенди категорически отказался от консультаций с русским представителем во Франции и даже не показал ему копий франко-турецкого договора¹⁷. "Не могу я отнести поступков сих единственно на лицо министра турецкого, - писал царь В.С. Тамаре, - я вижу тут соображение самого дивана, который, вопреки сношений своих с Вами, снабдил, вероятно, министра... секретными наставлениями. Я не знаю, Порта найдет ли пользу в такой двоякости, но между тем не лишним почитаю, чтоб Вы приметили министерству турецкому, что тако-

вые поступки отнюдь не соответствуют взаимной дружбе и что они не остались без внимания моего"¹⁸.

Вскоре русский посланник во Франции А.И. Морков сообщил из Парижа, что, по достоверным сведениям, Наполеон предпринимает меры, чтобы восстановить в Константинополе прежнее влияние Франции и уже получил согласие Порты на пребывание там французских военных корветов, вооруженных артиллерией. Кроме того, писал Морков, Наполеон намеревается утвердиться и на Ионических островах для осуществления своих дальнейших агрессивных планов¹⁹. Наблюдения русского посланника в Турции за изменением внешнеполитического курса Порты вскоре подтвердили сообщенные Морковым сведения. Его известия, пишет Тамара, "не только не подвергаются... сомнению, но должно еще распространять на Албанию, Морею и другие части империи Оттоманской ...по мере могущества ...французской нации и по мере удобства к завоеваниям, к произведению возмущений и всякого разврата представляющихся в областях турецких"²⁰.

На официальный запрос русского правительства по поводу франко-австрийских переговоров об Ионических островах, австрийский посол в России сообщил, что такие переговоры действительно имели место. Но на этот раз Франция не претендовала на эти острова, а сама предложила уступить их Австрии. В инструкции А.К. Разумовскому от 30 ноября 1801 г. Александр I писал: "Подобное намерение не может, конечно, согласоваться с моими мыслями. Острова сии имеют уже политическое бытие, трактатами постановленное. Но если бы и должноствовало оно перемениться по необузданности тамошних жителей, то не может настоять удобства в присвоении их ни Австрии, ни Франции, кои, усилившись таким образом, сугубо нанесли бы беспокойство до крайности слабой уже Порте"²¹. В качестве ответной меры петербургский двор предложил Порте поддерживать с ней прежние отношения и заключить "вечный союз". "Но, по несчастью, - пишет Тамара, - внутренние болезни сего государства и крайнее ослабление высшей власти делают Порту весьма трусливою"²². И видимо, по этой же причине русское предложение было отклонено.

Между тем в Петербург продолжали поступать тревожные известия об усилении политической активности Франции и Австрии на Балканах. В апреле 1802 г. стало известно, что черногорский митрополит Петр I Негош поздравляя Наполеона с заключением русско-французского мирного договора, в том же послании предложил ему содействие черногорцев в войне с Турцией и заверил его в готовности других поработанных османами балканских народов также включиться в нее²³.

Однако наибольшее беспокойство русскому правительству доставляли в первой половине 1802 г. набеги Пазванд-оглу на Дунайские княжества и двусмысленная реакция Австрии на них. В этой связи русский консул Л.Г. Кирико писал из Бухареста: "Австрийцы держатся по всей своей границе настороженно в отношении турецких мятежников и, оказывая дав-

ление на недовольных в Венгрии, предупреждают в том, чтобы обеспечить безопасность своих земель"²⁴. К лету 1802 г. набеги видинского мятежника на Валахию настолько разорили и запугали ее жителей, что они, по словам русского генерального консула в Дунайских княжествах В.Ф. Малиновского, были вынуждены просить его "или предаться в подданство России, или под непосредственною ее защитою управлять самим своею землею на прежних ее правах..."²⁵. Неоднократные демарши русского посланника в Турции перед Портой с требованиями усмирить Паз-ванд-оглу и на деле обеспечить осуществление ею же изданного постановления от 28 декабря 1783 г. по поводу статуса Дунайских княжеств не дали положительных результатов²⁶.

В связи с новым нападением видинских войск на Дунайские княжества, приуроченным к походу румелийских мятежников на Константинополь, царь предписал В.С. Тамаре известить султана, что, по его желанию, русские войска могли бы быть посланы за Дунай и изгнать из Валахии кирджалиев видинского пашы²⁷. Вслед за этим в августе 1802 г. Александр I направил личное послание Селиму III по вопросу о безопасности Дунайских княжеств²⁸. Только после этого турецкий диван, несмотря на противодействия французского дипломатического представителя в Турции П. Рюфена, принял решения о выводе из Валахии турецких войск и изыскании возможностей для выплаты им денег, об установлении семилетнего срока правления господарей Дунайских княжеств, о назначении князя К. Ипсиланти господарем Валахии и др.²⁹.

В сентябре 1802 г. некоторые сербские старейшины из Белградского пашалыка предприняли попытку выяснить позицию венского двора в связи с возможным переходом сербов этой пограничной области в подданство Австрии. Несколько обер-кнезов обратились к капитану австрийских пограничных войск Стойковичу с просьбой передать их письмо австрийскому правительству, в котором они предлагали воспользоваться крайней слабостью Порты и оказать сербскому населению пашалыка поддержку войсками для освобождения от турецкой зависимости. В случае успеха сербы Белградского пашалыка соглашались стать подданными Австрии. В ответном письме вице-канцлера Кобенца сообщалось, что венский двор не может принять этого предложения, поскольку оно противоречит существующим австро-турецким договорам³⁰.

Наметившиеся изменения во внешнеполитических курсах Франции, Австрии и самой Порты требовали существенных корректив и во внешней политике России. Видимо, этими же причинами следует объяснять и замену русского посланника в Турции. Вместо В.С. Тамары на этот пост назначался А.Я. Италинский, который с 1800 г. был посланником в Неаполе. В инструкции новому посланнику в Турции от 30 августа (11 сентября) 1802 г. указывалось: "Слабость империи Оттоманской, происходящая от разделения, так сказать, оной на множество провинций, управляемых пашами, султану даже и в наружности не повинующимся, всей

Европе давно уже известна, и ныне наполнены обстоятельствами, до сего относящимися, все публичные бумаги". С другой стороны, подчеркивалось в инструкции, нежелание или невозможность европейских государств противодействовать агрессивным планам Наполеона на Балканах и в Европе вынуждает русское правительство изменить линию своего поведения. Исходя из создавшейся ситуации, Италинский должен внимательно следить за поведением французской миссии в Турции и разрушать ее происки, направленные на то, чтобы поссорить Россию с Турцией. Поэтому посланник должен был, согласно инструкции, "сохранять в рассуждении Порты положение министра дружественнейшей с нею державы"³¹. Поскольку А.Я. Италинский задерживался с прибытием в Константинополь, канцлер А.Р. Воронцов должен был разъяснить В.С. Тамаре, что наблюдения за французской миссией в Константинополе нужны для того, чтобы турецкие министры не имели слепой веры ко всем внушениям Наполеона. "Не оставляйте в сильнейших терминах убеждать ее (Порту. - В.Г.), - писал Воронцов, - что очевидные ее интересы требуют крепчайшего союза с Россией"³².

В ноябре 1802 г. в Петербург из разных источников стали поступать тревожные известия о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье с целью занятия ряда пунктов, расположенных в границах Османской империи. "Известия сии, на неложных слухах основанные, - писал А.Р. Воронцов Италинскому, - должны навлечь внимание Порты на замыслы правительства французского"³³. Тем временем из Египта в Константинополь выехал французский дипломат полковник Ф. Себастиани, который, по сведениям из Парижа, имел задание поссорить Порту с Россией и Англией³⁴.

В декабре 1802 г. из Бухареста было получено новое известие о том, что французские представители в Австрии Бернарлот и Шампеньи в разное время переправили Пазванд-оглу в Видин по 12 тыс. червонцев, а Али-паша Янинский по поручению других французских представителей также переслал Пазванд-оглу значительную сумму денег³⁵. Связь французских эмиссаров была подтверждена и сообщениями из Константинополя. А.Я. Италинский писал, что по наущению французов Пазванд-оглу изменил свое прежнее отношение к господарю Валахии К. Ипсиланти и теперь готовит новое нападение на княжество³⁶. Об этом же писал и сам К. Ипсиланти из Бухареста. Кроме того, он сообщил о прибытии в Бухарест племянника Ф. Себастиани и другого француза, Дюссо, которые сообщили, что Наполеон якобы уже назначил своего представителя в Видин для выяснения сил и возможностей Пазванд-оглу³⁷. На запрос венского двора о целях приезда французских эмиссаров, которые намеревались проникнуть в Белград и Видин, французский посол в Вене уклончиво ответил, что они-де самозванцы с фальшивыми паспортами и правительство Франции не давало им никаких поручений. Позже Л.Г. Кирико сообщил, что, по проверенным и уточненным сведениям, эти эмиссары действитель-

но были в Белграде и Видине и что после их отъезда "Пазванд-оглу начал с грозой свои требования на валахское правительство распространять"³⁸. О связях Франции с Видином свидетельствует и тот факт, что в феврале 1803 г. из Парижа в Видин вернулся один из посланных туда Пазванд-оглу агентов, Недялко Попович, который по прибытии сразу же был арестован по приказу Порты³⁹. В начале 1803 г. из Черногории поступили новые сообщения о контактах черногорского митрополита Петра I Негоша с французами⁴⁰.

Обобщая полученные из разных мест свидетельства о деятельности французских агентов в Турции, А.А. Жерве писал из Ясо: "Французское правительство, как говорят в Бухаресте, через своих тайных эмиссаров старается поддерживать разногласия между главарями различных группировок на Дунае, в Бессарабии и в Румелии; эти эмиссары, подстрекая их порознь, заверяют их в том, что французские войска не замедлят присоединиться к ним, чтобы действовать совместно, как против Порты, так и против Россоми. [Они] уже сейчас занимаются планом операций, согласно которому главные крепости на Дунае и в Румелии будут переданы французам. Все это может быть достоверно в большей или меньшей мере, но не подлежит сомнению то, что между Пазванд-оглу и французским правительством имеют место постоянные сношения"⁴¹. А.Я. Италинский сообщил, что поскольку полковник Ф. Себастиани изменил свои намерения и, не заезжая в Константинополь, поехал во Францию, то возложенное на него поручение теперь выполняет новый посол в Турции генерал Гийом Брэн. Он атаковал Порту демаршами, требуя от нее разрыва союза с Россией и Англией. Указывая на внутренние неурядицы в Османской империи, генерал Г. Брэн заверял, что если Порта переотанет следовать советам этих государств, то Франция поможет ей восстановить порядок в стране и вернуть Крым⁴².

Тем временем господарь Валахии К. Ипоиланти, готовясь к отражению набегов Пазванд-оглу, обратился к русскому правительству с просьбой прислать на помощь одиннадцатитысячный корпус русских войск. Во время обсуждения данного вопроса с царем А.Р. Воронцов пытался убедить Александра I не делать этого, так как посылка русских войск повлечет за собой аналогичные действия и со стороны французов, что приведет к еще большему обострению обстановки на Балканах⁴³. Видимо, Александр I согласился с доводами канцлера, так как последний в предписании А.А. Жерве указывал: "Сколь ни велико участие, принимаемое двором нашим в судьбе оих единоверных с нами народов, но заступничество за них должно ограничиться одними только представлениями у Порты, в подданстве которой они находятся и которая, впрочем, и сама в таком положении, что не может отвратить всех бедствий"⁴⁴. В инструкции русскому поверенному в делах в Неаполе П.И. Карпову канцлер очень четко определил основную линию поведения русского правительства в отношении Турции: "Россия находит в Порте доброго весьма соседа и отнюдь не имеет намерения насчет ее распространять своих владений"⁴⁵.

Когда в июне 1803 г. вновь началась англо-французская война, не прекращавшаяся до падения Наполеона I, французское, австрийское и английское правительства, каждое на свой маневр, стали прилагать еще большие усилия, чтобы удержать Порту в сфере их политических интересов или по крайней мере сохранить нейтралитет, который, по существу, отвечал ее же собственным интересам⁴⁶. Русское правительство на правах союзника давало Порте советы, с одной стороны, принять меры предосторожности при охране ее балканских владений от посягательств Франции и, с другой – послать часть правительственных войск против Пазванд-оглу, который действовал по наущению Франции. В дополнение к этим мерам русское правительство пыталось убедить Порту в том, чтобы она разрешила князю К. Ипсиланти формировать из валахов воинские подразделения, предназначенные для защиты Валахии от набегов непокорных Порте пашей и аянов⁴⁷.

Французский посол в Турции Г. Брюн также требовал от Порты заключения союза с Францией или соблюдения нейтралитета. В то же время французские интенданты уже оборудовали склады боеприпасов, аммуниции и провианта в Мореи, доставляли туда артиллерию. По данным австрийских источников, французы наряду с военными приготовлениями усиленно "овладевали настроениями" греческого населения Мореи и установили связь с черногорцами⁴⁸.

На состоявшемся в Вене июльском совещании австрийских и русских дипломатических представителей, собравшихся для выработки общего внешнеполитического курса, вице-канцлер Австрии граф Кобенцль говорил: "В настоящее время ваш (петербургский. – В.Г.) двор, равно как и наш, мало заинтересован в том, чтобы дать Порте развалиться, если предоставить диван самому себе. Районы, отделившиеся от этой империи, будут раздавлены один за другим и оставят после себя руины, которые будут столь же опасны, сколь трудно вновь собрать воедино или же в солидные секции"⁴⁹. В принципе такой же точки зрения придерживались и в Петербурге. Однако там полагали, что с некоторых пор русское правительство стало недооценивать важность сохранения своего влияния на зависимые от Порты христианские народы, что позволило французам утверждать среди них свое влияние в ущерб русскому.

Чтобы исправить допущенную ошибку, канцлер А.Р. Воронцов направил русскому представителю в Ионической республике Г.Д. Моцениго специальную инструкцию с "новым важным и деликатным" заданием восстановить и, насколько возможно, расширить непосредственные связи с греками, черногорцами и другими угнетенными народами, которые, как говорилось в инструкции, "весьма склонны стать приверженцами России". Среди них, писал А.Р. Воронцов, есть горцы, еще сохраняющие свою относительную независимость от Порты, и есть народы, находящиеся под гнетом бунтующих пашей, в отношении которых Порта сохраняет лишь видимость своего суверенитета. Поскольку Порта в данный момент является союзни-

ком России и может активно противостоять агрессивным устремлениям Франции, то петербургский двор, отмечает Воронцов, "весьма далек от желания злоупотребить своим влиянием для того, чтобы побудить эти народы освободиться от турецкого владычества, и таким образом, ускорить крушение и без того слишком непрочной империи, в лице которой Россия в настоящее время имеет соседа, не дающего никакого повода для жалоб. До сих пор в наши намерения может входить только противодействие враждебным видам Франции. Если бы, с другой стороны, с течением времени поведение Порты изменилось в отношении нас, что, без сомнения, никогда не будет вызвано какими-либо действиями с нашей стороны, тогда будет справедливо воспользоваться приобретенным влиянием к нашей наибольшей выгоде и, во всяком случае, будет необходимо воспрепятствовать тому, чтобы народы, которые постоянно жаждут независимости, смогли бы ее добиться путем, противоречащим интересам России, впрочем, еще более этого требует их собственное благо"⁵⁰.

Из инструкции А.Р. Воронцова хорошо видно, что русское правительство уже в 1803 г. учитывало возможность использования национально-освободительного движения поработенных народов Османской империи, рассматривая его как потенциального естественного союзника в возможной последующей войне с Турцией. Но до тех пор пока Турция продолжала оставаться союзницей России и могла противостоять агрессивным устремлениям Франции на Балканах, русское правительство не намеревалось побуждать эти народы к открытому восстанию против Порты, предоставляя возможность развиваться национально-освободительному движению своим естественным путем, поскольку оно в сочетании с другими междоусобицами и беспорядками еще больше ослабляло Порту и делало империю выгодным соседом России и Австрии. Не желая "уступать" своего влияния на христианские народы ни Франции, ни Австрии, русское правительство в середине 1803 г. самокритично признало ослабление своего влияния на них и теперь стремилось восстановить его и обосновать взаимную выгоду естественного союза России и национально-освободительного движения, которое, с его точки зрения, пребывало еще в стадии "жажды независимости", т.е. являлось лишь потенциальной силой.

Исходя из таких соображений, А.Р. Воронцов предписывал Г.Д. Моцениго "поддерживать, не компрометируя себя, с их жителями связи (и выяснить. - В.Г.), в чем могла бы выразиться помощь, которую можно было бы им предложить, и все то, что... могло бы оказаться полезным службе нашего двора в духе изложенных здесь... идей". В целях дальнейшего расширения и укрепления влияния России на Балканах петербургский двор планировал восстановить прежние и учредить новые консульства в Далмации и других балканских областях, а также направить своих эмиссаров в Грецию, Далмацию и Черногорию. А пока Г.Д. Моцениго было поручено собрать достоверные сведения о положении в Черногории, митрополит которой, как было сказано

в инструкции, "кажется, полностью предан французам"⁵¹. В первых числах сентября 1803 г. известия о связях Петра I Негоша с французами получили подтверждение из Вены. Поверенный в делах России И.О. Анштетт писал по этому поводу: "Согласно достоверным письмам, доверенное лицо черногорского митрополита, аббат Дольчи, находится в Анконе, где он часто совещается с генералом Вердье"⁵²,

К осени 1803 г. агрессивные устремления Франции на Балканах стали очевидными и А.Р. Воронцов писал И.О. Анштетту: "Значительные силы, которые французское правительство сосредоточило на берегах Адриатического моря и в Неаполитанском королевстве... не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Бонапарт имеет намерение предпринять в самое ближайшее время высадку в Далмации и Греции. Все полученные по этому вопросу донесения сходятся в том, что это предприятие можно считать несомненным и близким"⁵³. В данной связи следует отметить, что вопрос о планах самой высадки наполеоновских войск на Адриатическое побережье в 1803-1804 гг. до сих пор остается не до конца выясненным и спорным⁵⁴. Но как видно из приведенного высказывания А.Р. Воронцова, русское правительство нисколько не сомневалось в ее возможности и настаивало на принятии ряда совместных с Портой мер, направленных на отражение французской агрессии. В частности, А.Я. Италинскому было поручено убедить Порту в необходимости снабдить Ионическую республику оружием, боеприпасами, провиантом и деньгами. Чтобы подготовка к обороне вооруженных сил этой республики не встретила враждебных выпадов со стороны Али-паши Янинского, который по наущению французов намеревался присоединить к своим владениям ряд республиканских городов, Италинский должен был настаивать также на обуздании "этого мятежника"⁵⁵.

В новой инструкции русскому представителю в Ионической республике А.Р. Воронцов предписывал, чтобы Г.Д. Моцениго старался завоевать доверие сулиотов, симариотов и населения Греции и Эпира. Он должен был уверить их, что русское правительство при первой возможности будет ходатайствовать перед Портой, говорилось в инструкции, "чтобы улучшить их гражданское и политическое положение и сделать его более или менее подобным положению существующему в Молдавии и Валахии, исключая внутреннее управление и лишь в части их отношений с сувереном; что этот способ достичь независимости гораздо более надежен и может даже быстрее привести их к цели, нежели все то, что предложили бы им французы... Чтобы достичь успеха, было бы целесообразно установить возможно большее согласие между этими народами, обычно разведенными между собой, и привести их в состояние хорошо бороться против Али-паши, стараящегося их покорить"⁵⁶. Поскольку янинский паша поддерживал контакты с французами, говорилось далее в инструкции, Италинский должен приложить все усилия, чтобы лишить этого мятежника губернаторской должности. Предлагаемые русским правительством меры, писал

А.Р. Воронцов, направлены на то, чтобы "важнейшие пункты побережья оставались в руках благонамеренных племен, на дружбу которых мы (русское правительство. - В.Г.) можем рассчитывать". В связи с этим Г.Д. Моцениго поручалось побудить жителей Ионической республики овладеть захваченными Али-пашой городами Превеза, Бутрино, Вонича и др. и отрезать его от моря, лишив его тем самым связи с французами. Для этого Моцениго должен был снабдить эти племена оружием и боеприпасами. "Еще и еще раз повторю Вам, - подчеркивал Воронцов, - что эти меры в настоящий момент нисколько не направлены против Порты и должны быть осуществлены так, чтобы не скомпрометировать нас перед ней. Анархия, которая господствует в стране, провокации Али-паши, его тирания, ненависть к нему некоторых других пашей... к которым хорошо относятся эфирцы, и, наконец, основания, которые имеются у самой Порты жаловаться на него, дают достаточно предлогов и средств, чтобы прикрыть всю эту операцию непроницаемой завесой и чтобы она отнюдь не казалась выходящей из обычного порядка вещей и повседневных событий в этих областях"⁵⁷.

Приготовления французов к высадке на Адриатическое побережье были замечены и турецкими пограничными властями этих районов. А.Я. Италинский писал по этому поводу: "Порта совершенно теперь уверена в истинности неприятельских против нее умыслов французского правительства. Почти не проходит недели, чтобы она не имела от пашей близко берегов Ионического и Адриатического морей пребывающих известий, утверждающих бытие оных умыслов и течение их к исполнению. Она извещена при том, что в Рагузе много имеется приятелей Франции, которые находящимся там эмиссарам, сообщая сведения свои о местах составляющих предмет умышляемого нападения, подают им удобность для сочинения разных планов"⁵⁸. Донесения пограничных пашей и нажим английских, австрийских и русских дипломатов в Турции заставили Порту в начале 1804 г. начать подготовку к отражению французских десантов своими сухопутными и военно-морскими силами в местах предполагаемой высадки⁵⁹. Русское правительство со своей стороны для тех же целей направило в помощь Г.Д. Моцениго несколько хорошо знакомых с условиями данной местности офицеров⁶⁰.

В 1804 г. французские агенты активизировали и распространили свою деятельность практически на все балканские владения Османской империи. Так, например, французский комиссар в Бухаресте Сен-Лье по указанию Г. Брюна в начале 1804 г. передал Пазванд-оглу и его врагу Терсеникли-оглу деньги и изготовленное во Франции оружие. Другие тайные агенты Франции распространяли в Болгарии, Черногории, Морее и других областях воззвания на языках этих народов, которые тайно печатались в самом Константинополе⁶¹. "Республика сия (Французская. - В.Г.), - писал А.Р. Воронцов, - всех агентов своих в турецких областях содержит в едином намерении, чтобы развратить нравы жителей,

удалять их от повиновения законной власти и обращать в свои интересы"⁶². Таким образом, к началу 1804 г. русское, австрийское и турецкое правительства были вполне убеждены, что сосредоточивающиеся в г. Пула французские воинские части готовятся к десантированию в прибрежных районах Морей и Албании. В целях обеспечения этой операции французское командование через посредство секретаря черногорского митрополита Петра I Негоша Ф. Дожича начало переговоры с этим главой черногорского народа и получило его принципиальное согласие на содействие французским властям.

Чтобы воспрепятствовать этому сговору, русское правительство, покровительствовавшее черногорцам, с ведома Порты направило в Черногорию графа М.К. Ивелича. Будучи выходцем из Далмации (г. Рисан), где продолжали жить его братья и многочисленные родственники, с которыми он поддерживал постоянную связь, М.К. Ивелич был хорошо знаком с обстановкой в Черногории и Далмации, а через родственников и друзей мог оказать влияние на ход политических событий в этих областях. Русское правительство поручило ему "образовать мнение народное" против французской агрессии, изобличить их пастыря в измене России и сопроводить его в Петербург" для отдачи отчета в деяниях своих Правительствующему синоду"⁶³. Одновременно М.К. Ивелич должен был связаться с бейлербеем Румелии и вместе с ним обсудить и разработать план обороны предполагаемых пунктов высадки французского десанта.

М.К. Ивелич прибыл в г. Котор 2(14) января 1804 г. и вскоре сообщил, что французы действительно готовят высадку в четырех районах Адриатического побережья: в Паштровичах, в Брдо, в Вонице и поблизости от Морейского перешейка. В этом же донесении он писал, что черногорский митрополит уже дал знать французам о своем согласии помочь им и теперь "дожидается их (имея. - В.Г.) в готовности 20 тыс. вооруженных черногорцев, с которыми следовать будет повсюду в пользу оных (французов. - В.Г.)". Ивелич обратился с призывом ко всем жителям Черногории, Брда и Герцеговины выделить людей для формирования отрядов, предназначенных для отражения высадки французского десанта⁶⁴. В марте 1804 г. Ивелич установил связь с бейлербеем Румелии Ибрагим-пашой Шкодринским и боснийским пашой. В письме от 3 марта 1804 г. он писал бейлербею, что если французам удастся высадить свои десанты в указанных пунктах, то они вскоре без особого труда смогут войти в пределы Янинского пашалыка и Герцеговины, а оттуда при поддержке мятежников проникнуть в глубь Румелии. Исходя из этих соображений, М.К. Ивелич предлагал Ибрагим-паше усмирить враждующих между собой боснийских и герцеговинских аянов, помирить черногорские и брдские племена с подвластными султану городами для того, чтобы превратить все эти силы в заслон против французского вторжения⁶⁵. Видимо, заподозрив в плане Ивелича тайный умысел, или по каким-то другим причинам, бейлербей Румелии воздержался от дальнейшей переписки с русским представителем.

Агрессивные планы Наполеона на Балканах затрагивали интересы не только Турции и России, но и ряда других европейских государств, особенно Австрии⁶⁶. Поэтому в начале 1804 г. в Вене был поднят вопрос о координации внешнеполитических курсов венского и петербургского дворов в отношении Франции и Турции. Франц II предложил Александру I в отношениях с Турцией придерживаться принципов, разработанных еще в период правления Екатерины II и Иосифа II. Однако это предложение не нашло понимания со стороны руководителей русского внешнеполитического ведомства. "В рассуждении Порты Оттоманской, - писал канцлер А.Р. Воронцов в записке царю от 29 апреля 1804 г., - древние обязательства могли бы остаться в своей силе на один токмо случай, если бы она подвергнута была на войну противу одной из двух содоговаривающихся сторон, с очевидною, однако же, оговоркой, что по нынешнему ее состоянию о разрыве с нею не может быть опасения... и не полагая отнюдь, чтобы при нынешнем правлении химерические виды о восстановлении Греческой империи существовать могли бы, которых событие, ежели бы возможным учинилось, более бы блеском почестся должноствовало, нежели существенную пользу России принесло. Всякое порядочное европейское правление в Царьграде по времени сделалось бы гораздо тягостнее и опаснее для России, нежели настоящее неустроенное турецкое. Если сие рассуждение будет признано нужным, кажется, о гарантировании существования Оттоманской империи в нынешнем ее быту и неприкосновенности ее владений надобно точное условие сделать в обязательствах наших с венским двором, признав за правило, что всякое покушение Франции на области Порты Оттоманской в Море, архипелаге и близлежащей к ней твердой земле признано быть имеет обеими императорскими дворами за *casus foederis* и за явный разрыв Люденвильского трактата, а потому обим императорским дворам и действовать уже противу Франции"⁶⁷.

Близким к точке зрения канцлера было и мнение товарища министра иностранных дел России, близкого друга молодого царя Александра I А.А. Чарторыйского. Он, в частности, считал, что анархия, царящая в Османской империи, ставит под угрозу ее существование как государства, а это, в свою очередь, затрагивает жизненные интересы населяющих ее поработанных христианских народов и самой России. Следовательно, рассуждал Чарторыйский, русское правительство уже теперь должно выбирать свою систему отношений с Османской империей, предусматривающую, по его словам, "все вероятные и возможные случаи". Поскольку Франция в данный момент посягает на целостность Османской империи, то Россия должна выбрать своей ближайшей целью сохранение этого государства. Однако, продолжал Чарторыйский, выгоды, вытекающие из слабости Порты, могут исчезнуть в трех случаях:

- 1) если она восстановит свою былую мощь; 2) если она изменит свой внешнеполитический курс и окажется под влиянием Франции; 3) если часть ее владений будет захвачена каким-либо европейским государством

При этих вариантах, особенно в последнем случае, безопасность границ России будет поставлена под серьезную угрозу. В условиях складывающейся ситуации Чарторыйский предвидел еще одно осложнение, которое вытекало из нарастающих противоречий между взаимоотношениями русского правительства с Портой и его связями с угнетаемыми той же Портой народами ее балканских владений. "Эти трудности, - признавался Чарторыйский, - уже сейчас мешают нашим действиям и станут еще более серьезными, если в этих странах вспыхнет война". Отступление от принципа покровительства, издавна оказываемого грекам и другим православным народам Турции, пишет он, "могло бы не только привести к весьма пагубным последствиям в области наших внешних сношений, но... имело бы вредное действие и внутри страны, поскольку тем самым мы отказались бы от линии поведения, не только диктуемой интересами и достоинством империи, но и освященной в некотором смысле господствующей в стране религией". Эти противоречия, полагал товарищ министра иностранных дел, будут еще большими, если другое государство, а не Россия, утвердит свое влияние среди угнетенных народов.

При теперешнем положении в Османской империи, признавал Чарторыйский, Порта, безусловно, будет с подозрением относиться к любым связям русского правительства с народами этого региона. И тем не менее внутренний кризис и французская агрессия ставят Порту перед необходимостью сохранять верность союзу с Россией. "Нужно ли будет в таком случае полностью покинуть греков и принять за правило способствовать их безусловному подчинению турецкой тирании?" - задавал вопрос товарищ министра. И отвечая на него, утверждал, что соображения политики и морали прямо противоречат такому курсу русской дипломатии, ибо он был бы на руку другим государствам и не учитывал бы всех возможных изменений в будущем. Отказ от принципа покровительства означал, что Россия "принесла бы в жертву народы, которые сохраняют к нам (к России. - В.Г.) приверженность на протяжении более чем века, надеются только на нас и после подобных действий никогда более не питали бы никакого доверия к русским и возненавидели бы их в конце так же, как восхищались ими ранее". Следовательно, делал вывод Чарторыйский, русское правительство при складывающейся ситуации вполне могло бы обещать грекам и другим угнетенным народам балканских владений Порты улучшение их судьбы в составе Османской империи и оказать военную помощь Турции, взамен которой Порта должна была предоставить православным народам просимые ими привилегии. Наряду с этим Чарторыйский предлагал Александру I принять и план военных операций в этом регионе, который должен был осуществляться в союзе с Англией⁶⁸.

2. Отношение великих держав к сербо-янычарскому конфликту в Белградском пашалыке

В условиях обостряющейся политической ситуации на Балканах и еще окончательно не определившегося курса внешней политики России и Авст-

рии в Петербург стали поступать первые, пока еще не очень определенные, сведения о восстании сербов в Белградском пашалыке против засилья тамошних янычар. В депеше от 10(22) февраля 1804 г. И.О. Анштетт сообщил из Вены: "В Сербии огонь мятежа вспыхнув снова, окрестности Белграда являют собой зрелище разбоя и разного рода жестокостей"⁶⁹. Следующие донесения от русских консулов из Ясс и Бухареста и из Константинополя от посланника были также получены из вторых рук и не очень определены. Русские дипломаты и господарь Валахии, информируя об этих событиях Петербург и Константинополь, расценивали их как одно из многих проявлений междоусобной борьбы политических группировок в Европейской Турции. А.Я. Италинский, например, писал: "Бесчисленные во внутренности империи сей... происшествия предоставляют Порте некоторые основания уповать на судьбу; такие между прочим суть: избавление ее от Манаф Ибрагима и многих сообщников его, от Абдул Вегаби, от Гурджи Османа. Вероятность есть, что к происшествиям сего рода принадлежать будет последнее приключение в Белграде, которое место давно состоит почти в совершенной от нее независимости". В этой же депеше посланник сообщал, что господарь Валахии К. Ипсиланти доложил Порте о событиях в Сербии и посоветовал ей оказать помощь восставшим против янычар сербам, поскольку с их помощью Порта могла бы привести в покорность взбунтовавшихся янычар. По свидетельству Италинского, Порта приняла это предложение и уже отдала секретное распоряжение бейлербею Румелии поддержать сербов боеприпасами⁷⁰.

В мартовских и апрельских донесениях 1804 г. сведения о характере сербского восстания постепенно конкретизировались и были более достоверными. В частности, Л.Г. Кирико писал: "Мстя за казнь своих кнезов, сербы, хотя и не оказывают явно сопротивления против повелений Порты, ниже пашей белградских, однако, сильно настоят, дабы впрямь не было турецких чиновников в их крае, а предоставлена бы была им воля избирать своих правителей"⁷¹. Иной характер имела информация, полученная из Вены от австрийского министерства иностранных дел. Извещая русское и турецкое правительства об обращении руководителей сербских повстанцев к Францу II, вице-канцлер Ф. Коллорато-Вальдзее сообщил, что восставшие сербы просили государя Австрии быть посредником в разрешении сербо-янычарского конфликта и взять сербов в свое подданство. В связи с этим венский двор счел необходимым сделать официальное заявление о том, что австрийское правительство считает невозможным принять сербов в свое подданство. Вместе с тем оно намерено воспользоваться первой частью этого предложения и выступить посредником в разрешении сербо-янычарского конфликта для того, чтобы успокоить враждующие стороны. В этом качестве австрийская сторона попытается внушить сербам мысль, что у них нет иного выбора, кроме подчинения Порте.

Вместе с тем Ф. Коллорато считал необходимым поставить в известность руководителей восстания, что как все предшествующие, так и будущие демарши австрийского правительства перед Портой в их защиту не принесли и не принесут желаемого эффекта. Несмотря на это, вице-канцлер все же обещал поручить австрийскому интернунцию И. Штурмеру продолжать демарши в защиту сербов, призывать Порту не считать их мятежниками и не проявлять в отношении их излишней суровости. С точки зрения графа Коллорато, Порта должна завоевывать доверие сербов мягкостью и "покончить с опасными движениями путем примирения". Наряду с этим, Штурмер должен был убедить Порту и в том, чтобы она нашла средство покончить с властью дахийев, которая в одинаковой мере пагубна как для ее интересов, так и для интересов венского двора. Коллорато предлагал Францу II дать Штурмеру полномочия предложить Порте содействие Австрии в восстановлении спокойствия в Белградском пашалыке⁷².

В соответствии с вышеизложенными идеями венский двор направил 29 мая 1804 г. И. Штурмеру в Константинополь инструкцию, предписывая ему убедить Порту в том, чтобы она нашла силы для подавления янычарского мятежа в Белградском пашалыке, послужившего причиной восстания сербов, которое, в свою очередь, может оказаться еще более опасным для самой Порты и нанести ущерб Австрии. Наряду с этим И. Штурмеру давались полномочия заверить Порту в том, что Австрия готова содействовать восстановлению спокойствия в пределах пограничного с ней Белградского пашалыка⁷³.

Несмотря на уже определившиеся отношения венского и петербургского дворов к восстанию сербов, ни русский, ни австрийский посланники в Константинополе до июня 1804 г. еще не предпринимали решительных демаршей перед Портой об урегулировании сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке. Инициативу в этом вопросе проявил французский посол Гийом Брэн, который в апреле 1804 г. заявил рейс-эфенди, что война христиан против турок в Белградском пашалыке может обернуться опасными последствиями для самой Порты. Однако это предостережение французского дипломата, по свидетельству Италинского, было расценено рейс-эфенди как безосновательное⁷⁴.

Еще до получения обращения сербов к Италинскому от 3 мая 1804 г. Чарторыйский направил посланнику в Константинополь инструкцию, в которой рекомендовал ему поддержать совет К. Ипсиланти об оказании сербам помощи, убеждая при этом Порту в лояльности к ней сербских повстанцев и их непримиримости к режиму дахийев. Такая политика с ее стороны, полагал он, могла бы еще больше расположить к ней сербское население и изолировать его от влияния Франции⁷⁵. Обращение сербов к русскому посланнику от 3 мая 1804 г. было вручено ему только 3 июня 1804 г. Его текст был обсужден и утвержден на повстанческой скупщине в с. Остружница под Белградом. Основная просьба повстанцев сводилась к тому, чтобы Россия взяла восставших сербов под свое покровительство

во и помогла им добиться от Порты установления законного и обеспеченного порядка в Белградском пашалыке. В обращении указывалось, что в принципе сербы не отказываются от покорности султану и по-прежнему согласны платить положенную дань. Но они не знают, как султан отнесется к их восстанию против янычар и что им следует делать, когда он объявит их мятежниками и пошлет против них "прочую силу турецкую"⁷⁶.

По получении этого обращения Италинский сообщил в Петербург, что до поступления указаний от правительства он не решается дать официального письменного ответа сербам. Но в то же время, зная положительное отношение русского правительства к сербам, он еще до получения официальных распоряжений петербургского двора намерен сообщить им свое личное мнение, что Россия не останется равнодушной к их просьбе и проявит "всяческое участие к их положению"⁷⁷. В этом же донесении посланник изложил и свои соображения о мерах, которые смогли бы принести пользу сербским повстанцам при сложившейся в империи ситуации. Он считал, что для повстанцев, располагавших большим числом вооруженных людей, при крайней немощи Порты было бы полезным овладеть Белградом, который они должны удерживать в своих руках как залог до тех пор, пока не получат от султана гарантий их будущего спокойствия и просимых ими привилегий. Сообщая о неудачных попытках интернунция И. Штурмера начать переговоры с Портой о путях урегулирования сербо-янычарского конфликта, Италинский писал, что реакция Порты была сдержанной, но отрицательной. Рейс-эфенди дал понять Штурмеру, что поскольку сербы и янычары являются подданными султана, то ни одна из иностранных держав не должна вмешиваться во внутренние дела империи. При этом турецкий министр нашел уместным заметить, что Порте известны факты, свидетельствующие о поддержке австрийскими пограничными властями белградских янычар, которым они доставили шестимесячный запас продовольствия. "Можно предположить, - пишет Италинский, - что у австрийцев имеется намерение содействовать сопротивляющимся дахиям, чтобы отнять у сербов надежду и вынудить их искать убежища во владениях (Австрии. - В.Г.)"⁷⁸.

В ноте рейс-эфенди И. Штурмеру было сделано следующее заявление, пишет Италинский: "Сербы, конечно, были правы, возмущившись против белградских дахиев... и Порта до сих пор продолжает благоприятствовать им, как она это делала с самого начала". Однако, указывалось далее в ноте, до Порты дошли тревожные известия, что один из руководителей восстания, Карагеоргий, продолжает Италинский, "отказался от политики верности Порте, о желании проводить которую сербы заявили, поднимая восстание против белградских дахиев, и выступил против самой Порты с большим отрядом, находящимся под его командованием"⁷⁹. Известия о выступлении Карагеоргия против Порты и неудавшиеся демарши И. Штурмера, по наблюдениям Италинского, произвели в Константинополе неблагоприятные для сербов впечатления. Вскоре после этого Порта поручила боснийскому визирю Бекир-паше и властям пограничных с

Белградским пашалыков внимательно следить за действием сербских повстанцев и всеми способами удерживать их в повиновении. Такая перемена в политике Порты, признавался Италинский, поставила его перед необходимостью соблюдать предельную осторожность при его ходатайствах в пользу сербов и особенно при установлении с ними любых связей. В обстановке недоверия и подозрительности русский посланник смог потребовать от султанского правительства только одного: чтобы оно своей новой политикой не доводило восставших сербов до отчаяния.

Только в июле 1804 г. у Италинского появилась возможность передать сербам совет о целесообразности занятия ими Белграда. Эта акция, по его мнению, которое было поддержано и Чарторыйским, должна была бы заставить Порту быть более податливой при рассмотрении требований сербов о предоставлении им автономии и позволила бы русскому правительству с большей эффективностью отстаивать интересы повстанцев и добиться для них более выгодных условий⁸⁰. Связь с повстанческим лагерем Италинскому удалось установить приблизительно в первой половине июля 1804 г. Об этом свидетельствует письмо верховного вождя повстанцев епископу Й. Йовановичу от 15 июля 1804 г., в котором Карагеоргий писал: "Если мы теперь достанем пороха, то... Белград будет наш за 15 дней"⁸¹. В тот же день руководители восстания написали письмо и на имя русского царя, которое было передано через того же епископа в русское посольство в Вене. В обращении к Александру I от 15 июля, пожалуй, впервые руководители восстания более или менее определенно раскрыли планы и цели сербского движения. Они прямо заявляли: "Мы от султана не отторгаемся, мы готовы его подати и все доходы отдавать точию, бы сия земля, нами завоеванная от его ребелантов, на сдержание наше остала"⁸².

Из этой декларации хорошо видно, что в то время цели сербских повстанцев не противоречили общему курсу внешней политики русского правительства в отношении поработенных православных народов балканских владений Османской империи, который был в общих чертах изложен в инструкции А.Р. Воронцова Г.Д. Моцениго от 28 августа (9 сентября) и 5(17) декабря 1803 г., а также в записке А.А. Чарторыйского Александру I от 17(29) февраля 1804 г. Видимо, он был известен и руководителям сербского восстания, которые в своем послании к Александру I писали: "Мы и сие вемы, что Вы чрез политику теперь в союзе и любви с султаном". Но поскольку сербы также не имеют ничего против султана, то их война с янычарами не может быть помехой как для ходатайства русского правительства в их защиту, так и для выдачи им "некоторой суммы денег"⁸³.

Из объявленных повстанческим руководством целей и планов восстания вытекает, что восставшие против режима дахийев сербы намерены воспользоваться достигнутыми ими успехами в борьбе с бунтующими против Порты янычарами, чтобы получить путем реформы сверху автономию

внутреннего управления, поскольку верховная власть империи не в силах обеспечить законного порядка в Белградском пашалыке. С другой стороны, уже в то время был сделан первый робкий и, по-видимому, скрытый шаг по пути перехода от внутреннего сербо-янычарского конфликта к национально-освободительной борьбе сербского народа против османского порабощения. Поскольку руководители восстания еще не были уверены ни в силах сербского движения, ни в поддержке соседних угнетенных народов, то они были вынуждены искать помощи у сочувствующих им европейских государств. Не зная их истинного отношения к целям движения, вожди восстания, естественно, опасались раскрывать полностью свою программу и были вынуждены на первых порах подстраивать ее к внешнеполитическим курсам тех государств, к которым они обращались за поддержкой и помощью. Более того, официальные заявления венского двора и разглашение им секретных предложений вождей сербского восстания вынуждало последних формулировать их требования в такой скрытой и до крайности осторожной форме, чтобы они не вызвали подозрений даже со стороны самой Порты.

Видимо, такая скрытая тактика была понята русским правительством, которое дало согласие поддерживать требования сербов перед Портой. В частности, в инструкции А.Я. Италинскому от 17 июля 1804 г. подчеркивалось, что Россия не может оставаться безразличной к судьбе сербского народа и намерена оказать ему помощь, но в такой форме, которая не должна явно противоречить ее союзу с Портой. Имея в виду слухи о попытках Карагеоргия начать выступление против Порты, Чарторыйский писал, что при сложившихся обстоятельствах в балканских владениях Османской империи выступление против Порты было бы нецелесообразным, поскольку для целей восстания было бы выгоднее действовать в русле уже объявленной Порте программы. Исходя из этих соображений, Чарторыйский рекомендовал вождям восстания еще раз заверить Порту в своей лояльности и уверить ее, что сербы воюют только против непокорных ей и мятежных янычар. При такой тактической линии поведения сербы смогли бы до поры до времени сохранять хорошие отношения как с Портой, так и с венским двором, который при содействии петербургского двора мог бы разрешить им закупку оружия, боеприпасов и провианта⁸⁴.

В подтверждение своих обещаний Чарторыйский 2 августа 1804 г. направил А.К. Разумовскому в Вену предписание добиться от венского двора единства действий двух союзных государств в отношении сербского восстания. Российское правительство, говорилось в предписании, желает прежде всего, чтобы сербы не были объявлены Портой мятежниками, поскольку это вызвало бы ее неоправданный гнев против них. Дипломаты России и Австрии, с одной стороны, должны убеждать христиан Османской империи в целесообразности подчинения султану, а с другой стороны, насколько это возможно, добиться улучшения их положения в

составе этой империи. Австрия и Россия в равной мере должны опасаться французского влияния на сербов⁸⁵.

Пока дипломаты союзных государств вырабатывали общую линию поведения в отношении сербского восстания, в Белградском пашалыке, как об этом говорилось выше, произошли существенные перемены. Объединенными усилиями сербских повстанцев, войск боснийского визиря Бекир-паши и кирджалиев Кусанджали Халила мятежные дахии в 20-х числах июля 1804 г. были изгнаны за пределы пашалыка, а затем убиты. С ликвидацией дахийцев, казалось бы, была достигнута и та цель, которую ставили перед собой восставшие сербы, а у русских и австрийских дипломатов был разрушен план совместных демаршей в защиту сербов. В связи с этим А.Я. Италинский был вынужден сообщить в Петербург, что изменившаяся ситуация в Белграде уже не позволяет ему действовать согласно данным ранее предписаниям и что до получения новых инструкций он вынужден ограничиваться пока дружественными советами Порте, рекомендуя ей удовлетворить требования сербов об автономии, поскольку они участвовали в ликвидации дахийского мятежа. Предложение русского посланника, по его же свидетельству, нашло отклик лишь у небольшой группы столичных чиновников, которые только на словах соглашались на образование автономного сербского княжества по типу Молдавии и Валахии во главе с греком-фанариотом. Однако на заседании турецкого дивана этот проект был единогласно отклонен со ссылкой на затруднения, которые испытывает теперь Порта в управлении Дунайскими княжествами⁸⁶.

Ликвидация дахийского режима оказала существенное влияние и на позицию Австрии. 19 августа 1804 г. А.К. Разумовский сообщил из Вены, что в беседе с вице-канцлером графом И. Кобенцлем был поставлен вопрос о новой ситуации в Белградском пашалыке после ликвидации дахийцев, поведение которых явилось причиной сербского восстания. И. Кобенцль заявил, что в течение прошедших 10 лет, пока в Сербии тлел огонь недовольства правлением дахийцев, который затем разгорелся пламенем восстания, венский двор заботился о том, чтобы держать Порту в курсе всех этих событий, а она, в свою очередь, выражала за это свою признательность Австрии. Точно такую же позицию, по оценке И. Кобенцля, занимает Австрия и в "смутах последнего времени". Когда сербы недавно предложили австрийскому государю "...свою страну и свою столицу", передает А.К. Разумовский слова австрийского вице-канцлера, то австрийское правительство ответило им: "Как верноподданные султана, сербы могут рассчитывать на дружбу императорского (венского. - В.Г.) двора, но как мятежники, желающие разделения Османских владений, они не могут более считаться добрыми соседями и друзьями... Сейчас, когда сербы-сторонники султанского двора, они... могут рассчитывать на восстановление своих прежних прав. Мы поручили их благосклонности дивана и уже отдали приказание, чтобы им доставили продовольствие, в котором они, по-видимому, очень нуждаются"⁸⁷.

Из заявления австрийского вице-канцлера вытекает, что поставленная сербами цель восстания, которой Австрия сочувствовала, достигнута, но перерастание восстания в национально-освободительное движение уже противоречит интересам венского двора и будет рассматриваться им как враждебное Австрии.

Еще враждебнее к возможности перерастания сербского восстания против дахийцев в национально-освободительное движение отнеслось правительство Франции. В начале августа 1804 г. временный поверенный в делах России во Франции П.Я. Убри сообщил из Парижа, что французское правительство начало широко публиковать в своей и зарубежной прессе статьи и материалы о системе покровительства России грекам и восставшим сербам⁸⁸.

Рассмотренные в главе У факты позволяют сделать следующие обобщения.

При сложившейся в мировой историографии практике, оценивая политику европейских государств в отношении Османской империи и проецируя ее непосредственно только на Порту, большинство исследователей предпочитают абстрагироваться от анализа междоусобной борьбы в ее провинциях и игнорировать или вовсе отрицать участие в ней значительной части угнетенных христианских народов. Недооценка этих факторов приводит к тому, что исследователи не всегда обоснованно приписывают политике великих держав черты реакционности, консерватизма, корысти, непоследовательности и шаблона.

Между тем приведенные нами данные показывают, что политики и дипломаты великих держав в конце XVIII – начале XIX в. очень внимательно следили за развитием событий в балканских владениях Османской империи, а их правительства вносили коррективы в свою политику по отношению к Порте в зависимости от характера изменений в ее европейских владениях.

Таким образом, если принять во внимание фактор участия христианских народов балканских владений Османской империи, и в частности сербов Белградского пашалыка, в междоусобных конфликтах и правильно спроецировать отношение великих держав к конфликтующим между собой партиям и к вырастающему из этих внутренних конфликтов национально-освободительному движению сербов, то политика великих держав, и особенно России, приобретает вполне объяснимую логику и последовательность. Вопреки утверждениям некоторых историков, правительство Российской империи в 1801–1804 гг. не стремилось к сдерживанию или активизации национально-освободительного движения в балканских владениях Порты. Рассматривая "жажду независимости" этих народов только как потенциальный фактор, русские дипломаты в тот период считали несвоевременным вмешиваться в естественное развитие событий в обстановке и без того распадавшейся империи, которая считалась союзным России государством. Но в отличие от Франции и Австрии, требовавших от Порты задушить национально-освободительное движение в зародыше,

русское правительство было заинтересовано в его развитии и шло навстречу требованиям этих народов о предоставлении им автономии в рамках Османской империи.

- 1 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 90. Д. 46/1. Л. 97. Павел I - Тамаре, 26 апреля 1800 г.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Л. 99. Павел I - Тамаре, 27 апреля 1800 г.
- 4 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 915. Л. 4-5. Тамара - Павлу I, 1(12) июля 1800 г.
- 5 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 90. Д. 46/1. Л. 122. Павел I - Тамаре, 22 августа 1800 г.
- 6 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1800. Д. 920. Л. 13. Тамара - Павлу I, 2(13) декабря 1800 г.
- 7 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1. Л. 157. Павел I - Тамаре, 3 декабря 1800 г.
- 8 Там же. Л. 159. Павел I - Розенбергу, 3 декабря 1800 г.
- 9 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 1. Л. 20-21. Кирико - Малиновскому, 21 февраля 1801 г.
- 10 Там же. Л. 13. Малиновский - Александру I, 13(25) февраля 1801 г.
- 11 Documente... Vol. IV. P. 313-314. Малиновский - Ростопчину, 13(25) февраля 1801 г.
- 12 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 90. Д. 46/3. Л. 5. Александр I - Тамаре, 14 марта 1801 г.
- 13 Там же. Оп. 90. Д. 46/3. Л. 14. Александр I - Тамаре, 17 мая 1801 г.
- 14 ВПР. Т. I. С. 58-59. Александр I - Тамаре, 9(21) июля 1801 г.
- 15 Там же. С. 78-92. Александр I - А.К. Разумовскому, 10(22) октября 1801 г.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 44. Александр I - Тамаре, 14(26) июля 1802 г.
- 19 Там же. С. 145. Александр I - Тамаре, 16(28) ноября 1801 г.; С. 233-235. Морков - Александру I, 21 июня (3 июля) 1802 г. Подробнее см.: С и р о т к и н В.Г. Международные отношения на Балканах // Югословенские земли и Русия за време првог српског устанка 1804-1813. Београд, 1983.
- 20 ВПР. Т. I. С. 168-169. Тамара - Александру I, 16(28) января 1802 г.
- 21 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. Д. 11 471. Л. 55-60. Александр I - Разумовскому, 30 ноября 1801 г.
- 22 ВПР. Т. I. С. 168-169. Тамара - Александру I, 16(28) января 1802 г.
- 23 Х и т р о в а Н.И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље... Београд, 1983 г. С. 310. XIX в. //
- 24 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1802. Д. 46. Л. 120-121. Кирико - Малиновскому, 11(23) января 1802 г.
- 25 ВПР. Т. I. С. 237-238. Малиновский - Тамаре, 22 июня (4 июля) 1802 г.
- 26 Там же. С. 238-239. Нота В.С. Тамары Порте от 24 июня (6 июля) 1802 г.

- 27 Там же. С. 232-233. Александр I - Тамаре, 16(28) июня 1802 г.
- 28 Там же. С. 276. Александр I - Селиму III, 15(27) августа 1802 г.
- 29 Там же. С. 280-281, 287-289, 301-302, 303-305. Тамара - Александру I, 18(30) августа, 1(13), 16(28) сентября, 1(13) октября 1802 г.
- 30 П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1791-1794 гг.). С. 330.
- 31 ВПР. Т. I. С. 283-287. Александр I - Италиному, 30 августа (11 сентября) 1802 г.
- 32 Там же. С. 318-319. А.Р. Воронцов - Тамаре, 16(28) октября 1802 г.
- 33 Там же. С. 345. Воронцов - Италиному, 16(28) ноября 1802 г.
- 34 Там же. С. 318-319; Воронцов - Тамаре, 16(28) октября 1802 г. С. 362-364. Воронцов - Италиному, 22 декабря 1802 г. (3 января 1803 г.).
- 35 Documente... Vol. IV. P. 466-467. Записка... до 17 декабря 1802 г.
- 36 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2234. Л. 108-113. Италинский - Воронцову, 16(28) января 1803 г.
- 37 Там же. Л. 130-131. Сведения, переданные Порте князем К. Ипсиланти и сообщенные им А.Я. Италиному. Приложение к письму Италинского Воронцову, 16(28) января 1803 г.
- 38 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 63. Л. 34-35. Кирико А.А. Жерве, 20 января 1803 г.
- 39 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2234. Л. 322-323. Италинский - Воронцову, 3(15) апреля 1803 г.
- 40 Подробнее см.: Х и т р о в а Н.И. Из истории... С. 310-312.
- 41 ВПР. Т. I. С. 380-382. Жерве - Воронцову, 23 января (4 февраля) 1803 г.
- 42 Там же. С. 382-384. Италинский - Воронцову, 4(16) февраля 1803 г.
- 43 Там же. С. 389-390. Воронцов - Александру I, 22 февраля (6 марта) 1803 г.
- 44 Там же. С. 401. Воронцов - Жерве, 15(27) марта 1803 г.
- 45 Там же. С. 406-407. А.Р. Воронцов - П.И. Карпову, 30 марта (11 апреля) 1803 г.
- 46 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2235. Л. 114-128. Италинский - Воронцову, 1(13) августа 1803 г.
- 47 Там же. Д. 2230. Л. 188-195. А.Р. Воронцов - Италиному, 25 июня 1803 г.
- 48 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. Д. 11492. Л. 32-33. И.О. Анштетт - Воронцову, 8(20) июня 1803 г.
- 49 Там же. Л. 34-37. Анштетт - Воронцову, 11(23) июля 1803 г.
- 50 ВПР. Т. I. С. 513-517. А.Р. Воронцов - Г.Д. Моцениго, 28 августа (9 сентября) 1803 г.
- 51 Там же .
- 52 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. Д. 11492. Л. 214-217. Анштетт - Воронцову, 2(14) сентября 1803 г.
- 53 ВПР. Т. I. С. 522-528. А.Р. Воронцов - Анштетту, 6(18) октября 1803 г.
- 54 Подробнее см.: С и р о т к и н В.Г. Международные отношения... С. 93.
- 55 ВПР. Т. I. С. 570-572. Воронцов - Италиному, 2(14) декабря 1803 г.
- 56 ВПР. Т. I. С. 577-584. Воронцов - Моцениго, 5(17) декабря 1803 г.
- 57 Там же

- 58 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2241. Л. 7-8. Италинский - Воронцову, 3(15) января 1804 г.
- 59 Там же. Л. 275. Италинский - Воронцову, 17(29) февраля 1804 г.
- 60 ВПР. Т. I. С. 577-584. Воронцов - Моцениго, 5(17) декабря 1803 г.
- 61 Первое сербское... Кн. 1. С. 18-19. Жерве - Чарторыйскому, 17 марта 1804 г.
- 62 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 110/1 (40). Л. 6-9. Воронцов - Италинскому, 15(27) января 1804 г.
- 63 ВПР. Т. I. С. 530-531. Воронцов - Италинскому, 8(20) октября 1803 г.
- 64 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 111/1 (36). Л. 262. Ивелич - Италинскому, 11 апреля 1804 г. Подробнее см.: Жмакин В. Россия и Черногория в начале XIX в. // Древняя и новая Россия. СПб., 1881. Т. XIX. С. 419-430; Хитрова Н.И. Из истории... С. 307-325.
- 65 Там же. Д. 2241. Л. 617; М. Ивелич - Ибрагим-паше, 3 марта 1804 г.
- 66 Об этом см.: Шапиро А.Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798-1807 гг. М., 1962; Она же. Россия и Греция в конце XVIII - начале XIX в. М., 1976; Достян И.С. Россия и Балканский вопрос. М., 1972. С. 46-53; Сироткин В.Г. Международные отношения... С. 92-93 и др.
- 67 АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Д. 7855. Л. 26-36; Воронцов - Александру I, 29 апреля 1804 г. В свете приведенного высказывания канцлера А.Р. Воронцова становится очевидной несостоятельность бытующего в современной югославской историографии мнения о том, что Россия и Австрия в их отношениях с Турцией в начале XIX в. по-прежнему продолжали руководствоваться принципами, разработанными политиками в период правления Екатерины II и Иосифа II. В частности, они якобы добивались осуществления так называемого "греческого проекта" русской императрицы (об этом см.: Вукићевич М. Караџорђе. Књ. 2. С. 165 и др.; Милосаевич П. Србија у балканској политици Русије 1804-1813 гг. // Историски значај српске револуције 1804 године. Београд, 1983. С. 624).
- 68 ВПР. Т. I. С. 619-627. Чарторыйский - Александру I, 17(29) февраля 1804 г.
- 69 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. 1804. Д. 11499. Анштетт - Воронцову, 10(22) февраля 1804 г. Об этом см.: Вукићевич М. Караџорђе. Књ. 2. С. 181.
- 70 Об этом см.: Грачев В.П. Начальный этап (1804-1807 гг.) политики России в отношении сербского восстания 1804-1813 гг. // Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813 гг. Београд, 1983. С. 178-180.
- 71 Documente ... Vol. IY. P. 558. Записка... до 28 марта 1804 г.
- 72 Списи бечких архива... Књ. I. С. 154-160. Рапорт Ф. Коллорадо - Францу II от 13(25) мая 1804 г.
- 73 Там же. Књ. I. С. 154-160, 164-166.
- 74 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1804. Д. 2241. Л. 64. Италинский - Чарторыйскому, 2(14) мая 1804 г.
- 75 Первое сербское... Кн. 1. С. 32-33. Чарторыйский - Италинскому, 1 июля 1804 г.
- 76 Там же. С. 24-29. Обращение сербов к Италинскому, 3 мая 1804 г.
- 77 ВПР. Т. II. С. 77-78. Италинский - Чарторыйскому, 3 июля 1804 г.

- 78 Там же.
- 79 Там же. С. 89-92. Италинский - Чарторыйскому, 17(29) июня 1804 г.
- 80 Там же. С. 116-118. Чарторыйский - Италинскому, 17(29) августа 1804 г.
- 81 Први српски устанак... Књ. 1. С. 85. Карагеоргиј - Й. Йовановићу, 15 јула 1804 г.
- 82 Первое сербское... Кн. 1. С. 35-36. Обращение сербских военачальников к Александру I от 15 июля 1804 г.
- 83 Там же.
- 84 Там же. С. 38-40. Чарторыйский - Италинскому, 17 июля 1804 г.
- 85 Б о г и ш и ч В. Разбор сочинения Н.А. Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. С. 37-38. Чарторыйский - Разумовскому, 2 августа 1804 г.
- 86 ВПР. Т. II. С. 117. Италинский - Чарторыйскому, 17 августа 1804 г.
- 87 АВПР. Ф. Канцелярия. Вена. 1804. Д. 11503. Л. 361.-365. Разумовский - Чарторыйскому, 19 августа 1804 г.
- 88 Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А.С. Трачезового // Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 688. Убри - Чарторыйскому, 1(13) августа 1804 г.

Г л а в а VI

ОТ СЕРБО-ЯНЫЧАРСКОГО КОНФЛИКТА К НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ

1. Первая сербская депутация в Россию осенью 1804 г. и ее значение для развития сербского национально-освободительного движения

Подавление янычарского мятежа в Белградском пашалыке избавило Порту от одной из давних забот. Достигнув желанной цели с помощью местных сербов, султан и турецкие министры как бы забыли о своих обещаниях предоставить им автономию внутреннего управления. Такая позиция Порты поставила руководителей сербского восстания перед альтернативой: прекратить дальнейшее сопротивление и распустить отряды повстанцев по домам, что было равносильно отказу от своих требований, или добиваться обещанных привилегий с помощью великих держав, что неизбежно должно было бы привести к конфликту с султаном. С другой стороны, отрицательное отношение Австрии и Франции к попыткам сербов превратить свое движение в национально-освободительное неизбежно привело руководителей восстания к мысли искать поддержку у России. 28 августа 1804 г. главные предводители восстания, собравшись в повстанческом лагере в местечке Врачар, неподалеку от Белграда, приняли решение не прекращать борьбы до полного удовлетворения их требований и о посылке в Россию депутации из четырех человек: Петра Новаковича Чардаклию, протоиерея Матвея Ненадовича, Йована Протица и профессора Харьковского университета (серб по национальности) Федора Филипови-

ча (Божидара Груйовича), который должен был присоединиться к депутации на Украине¹.

Из Сербии депутаты выехали 1 сентября 1804 г. Их дальнейший путь лежал через Валахию (Бухарест), Молдавию (Яссы), Украину (Киев, Харьков), а затем через Москву в Петербург. Дорожные приключения, связанные с этой поездкой, достаточно подробно описаны в известных мемуарах М. Ненадовича. Однако в его воспоминаниях, написанных почти через 50 лет, встречаются весьма существенные неточности и пробы, на которые в свое время обращал внимание м. Вукичевич². Соответственно не получила должного освещения в историографии и та информация сербских депутатов о решениях повстанческого руководства, принятых в лагере во Врачаре, которую сообщили русским консулам посланцы сербского народа. Выявленные в наших архивах донесения Л.Г. Кирико и А.А. Жерве позволяют восполнить этот существенный пробел. Важность этих сведений заключается в том, что они дают представление о первых шагах повстанческого руководства, которые оно осуществляло, переходя от внутреннего сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке к национально-освободительному движению во всей Сербии и прилегающих к ней областях.

Так, русский консул в Бухаресте Л.Г. Кирико, который первым встретился с сербскими депутатами, сообщает, что они прибыли в Бухарест 8 сентября 1804 г. в 19 часов. В этот вечер в резиденцию Л.Г. Кирико пришел один Петр Новакович Чардаклия, который умел говорить по-русски. Он объявил русскому консулу, что выехавших 8 дней назад из лагеря под Белградом сербских депутатов направил "вся нация в качестве полномочных представителей в Россию, чтобы при нынешнем ее положении просить покровительства" у русского царя. В тот же вечер Кирико принял всю депутацию и долго беседовал с ней. Из рассказа депутатов выяснилось, что перед их отъездом в Белграде находились пять полномочных представителей Порты, ведших переговоры с сербскими повстанцами: Хассан-паша, Бекир-паша, Сулейман-паша, Реджеб-ага и еще один двухбунчужный паша из Боснии.

Свыше 20 тыс. повстанцев под командованием Карагеоргия блокировали белградскую крепость и не хотят складывать оружия до тех пор, пока "не получат от России испрашиваемого ответа..." Сербские требования, предъявленные турецким уполномоченным, пока ограничиваются тем, что янычары и кирджалии должны быть удалены из Белграда, в нем останутся лишь один паша с небольшой свитой и гарнизоном, половину которого составят сербы. Впоследствии, пишет Кирико, сербские повстанцы "желают добиться такого положения, при котором их родина стала бы по примеру Молдавии и Валахии княжеством сербским и имела государей, выбранных среди местных князей, под защитой и покровительством высокого российского императорского двора". Если же Россия откажет в этом сербскому народу, заявили депутаты, то предводители восстания

сами в состоянии вооружить до 100 тыс. человек на защиту своего дела и призовут на помощь австрийских сербов³.

В Яссы депутаты прибыли 14 сентября 1804 г. и в разговоре с русским генеральным консулом А.А. Жерве повторили все то, что было сказано ими в Бухаресте, преувеличив только потенциальное число вооруженных повстанцев до 150 тыс. человек⁴. Чтобы обезопасить проезд депутатов по Молдавии, А.А. Жерве выдал им паспорта на имя русских купцов и предупредил начальника могилевского пограничного карантина о необходимости незамедлительного пропуска сербских депутатов. 19 сентября посланцы сербского народа пересекли русскую границу. 27 сентября каменец-подольский военный губернатор Эссен сообщил министру внутренних дел В.П. Кочубею, что три сербских депутата прибыли в пределы Российской империи и по их желанию направлены в Киев, о чем киевский военный губернатор предупрежден "на случай какого-либо требования их в даче им пособия"⁵. Из Киева депутаты захали в Харьков за Ф. Филиповичем, а оттуда на перекладных, через Москву поехали в Петербург.

Пока депутация находилась в пути азиатский департамент российского министерства иностранных дел, соответствующий отдел министерства внутренних дел и другие ведомства России уже готовили необходимые материалы для встречи с сербскими депутатами. Так, по распоряжению царя В.П. Кочубей направил Чарторыйскому прошение сербов от 15 июля 1804 г. и копии писем епископа Йована Йовановича⁶. Русский посланник в Константинополе, извещенный о поездке депутатов в Россию, также предпринял некоторые меры в защиту сербских повстанцев. Зная расположение русского правительства к сербам, А.Я. Италинский, не дожидаясь инструкции из Петербурга, "сделал - по его словам - министерству турецкому довольно важные ходатайственные внушения о сербском народе". В этом же донесении Италинский сообщил, что посредничество венского двора при сложившейся ситуации не может дать сербам никаких выгод после того, как ходатайство австрийского интернунция перед Портой за сербов потерпело неудачу. "Рейс-эфенди, - пишет посланник, - с оказанием великого неудовольствия требовал, чтобы он (Штурмер. - В.Г.) не озабочивал Порту таким участием в деле, которое касается единственно подданных турецких"⁷.

Сербская депутация прибыла в Петербург в конце октября 1804 г., а 3 ноября подала прошение на имя А.А. Чарторыйского. Излагая причины восстания и представив общую политическую ситуацию в Белградском пашалыке, его авторы писали, что сербы взяли за оружие "в крайней нужде", выступив против тирании непокорных султану янычар. Вплоть до отъезда депутатов в Россию восставшие сербы повсюду одерживали победы над янычарами, а "султан, - говорится далее в прошении, - поступки наши доселе одобрял и за то, что Белград и Сербию от ребеблов (бунтовщиков-янычар. - В.Г.) освободили, великую нам милость обещал".

Сербы не намерены складывать оружия до тех пор, пока не изгонят из своих областей бунтующих янычар, поскольку в противном случае ни султан, ни они сами не смогут обеспечить безопасность мирных жителей. Поэтому сербские повстанцы "закон положили" янычар изнать, а с "добрыми турками" мирные договоры заключить, в которых будут гарантированы их личная безопасность и сохранность "имений". Бекир-паша, поясняя далее авторы прошения, отверг требования сербов привлечь к их делу иностранных посредников и гарантов, а Австрия сама отказалась от посредничества. Эти обстоятельства, подчеркивалось в обращении, побудили сербский народ обратиться к России, которая с давних пор поддерживает его, оказывая свое покровительство. Только отсутствие оружия и денег, по уверению депутатов, не позволяет сербам осуществить полностью их намерение поднять всеобщее восстание. Сербскому народу нужны: пушки, искусные артиллеристы, порох, провиант, некоторое число регулярных войск и опытные военачальники. Если сербский народ получит все это, то, заверяли авторы прошения, "почти все турецкие провинции, в которых сербы живут, в одно мгновение соединятся и свергнут срамное и бесчеловечное тиранов иго"⁸. Из программного заявления отчетливо видно, что у направивших в Россию депутацию руководителей восстания уже созрел замысел перехода от внутреннего сербо-янычарского конфликта к широкому национально-освободительному движению. Но для его реализации были необходимы не только посредничество России в переговорах с находящимися в Белграде турецкими уполномоченными представителями, которые отвергли посредничество любой державы, но и военная и материальная помощь.

Поскольку организация всеобщего восстания сербов против самой Порты является делом сложным и требующим основательной подготовки, депутаты просили на первых порах послать в Сербию русского консула, который смог бы выступить в качестве посредника и гаранта мира с "добрыми турками", а сербскому народу "важную утеху присутствием своим приносил бы". Кроме того, в прошении осторожно делался намек на то, чтобы русский царь, как союзник венского двора, расположил бы австрийского императора в пользу сербов. Указав на этническое, языковое и религиозное родство сербов и русских, авторы осторожно намекали на то, что эта близость должна быть закреплена и "политическими, любезнейшими отношениями". В будущем они могли бы "освятить" счастье сербского народа, основанию которого в нынешних важных обстоятельствах "первое начало" могло бы быть заложено. Далее были сформулированы и основные положения политического устройства Сербии, каким его себе представляли на данном этапе предводители восстания. По их указанию посланцы сербского народа добивались того, чтобы их страна "...под именем сербского правления, либо под иным сходным названием, на примере Семи островов республики под прямым и непосредственным России защитением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелась, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство, при-

надлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать"⁹.

Прежде чем составить докладную записку царю со своими рекомендациями по сербскому вопросу, Чарторыйский затребовал мнения людей, хорошо знакомых с положением дел в Сербии. До сих пор известен только отзыв В.Н. Каразина. Вместе с письмом он передал Чарторыйскому и развернутый проект мероприятий, которые, по его мнению, следовало бы осуществить русскому правительству, исходя из прошения сербских депутатов от 3 ноября 1804 г.¹⁰ В сложившейся к тому времени международной ситуации, писал В.Н. Каразин в письме от 21 ноября 1804 г., явная помощь сербским повстанцам со стороны России не может быть действительной, а только скомпрометирует ее отношения с Турцией и Австрией. Но в то же время русское правительство и царь не должны "оставить своих несчастных собратьев на милость самого пагубного бича". Чтобы не давать повода для беспокойства заинтересованным державам, русскому правительству, по мнению Каразина, было бы спокойнее, если оно ограничится молчаливым одобрением восстания, которое вполне может оказаться благотворным для последующей судьбы сербского народа. При сложившейся ситуации в Османской империи, рассуждал в этой связи Каразин, отказ России от помощи сербам не принесет пользы даже самой Порте, поскольку нарастающее внутри государства брожение неминуемо приведет к ослаблению центрального правительства, которое "с каждым днем теряет свою энергию и падает в глазах своих подданных с большей очевидностью, чем в глазах Европы". С другой стороны, автор письма был далек от мысли рекомендовать русскому правительству начать войну с Турцией для защиты восставших сербов¹¹. В своем проекте, датированном 28 ноября 1804 г., Каразин исходил из популярной в то время идеи "вернуть к политическому существованию славянские племена, страдающие под иностранным игом". Эта идея, по признанию автора, была не нова и имела более чем вековую историю. Проект Каразина основывался на анализе трех положений:

1) необходимость и полезность реализации этой общей идеи в данное время; 2) возможность и средства к ее осуществлению; 3) ожидаемые результаты от ее осуществления.

Исключая крайности, Каразин предлагает русскому правительству выбрать средний путь для разработки стратегической линии поведения, которую он определял как "активное негласное влияние" (*d'influence active non avouée*). Этой стратегии, по замыслу Каразина, должна соответствовать следующая тактика поведения.

Император Александр I, учитывая этническое, языковое и религиозное родство этих народов, "не может не проявлять постоянного и искреннего участия к теперешнему положению сербов". Поэтому он должен поддерживать их перед Портой своим авторитетом. На последней аудиенции Чарторыйский должен объявить депутатам об этом решении русского правительства и рекомендовать в качестве консула верного человека, который мог бы руководить демаршами сербов перед Портой¹². В помощь кон-

сулу он предлагал назначить четырех офицеров, механика-архитектора, химика-минералога и секретаря, знающего турецкий и европейские языки. По прибытии в Сербию, пишет Каразин, "моей первой заботой будет организация своего рода административного совета (*une espèce de conseil administratif*) и назначение нескольких сербских депутатов в Константинополь, которые будут действовать в соответствии с тем, что сказано на этот счёт в первом пункте"¹³.

В том случае, если поездка сербских депутатов в Константинополь, поддержанная русским посланником, окажется успешной и Порты предоставит просимую автономию, то от этого, полагал Каразин, выиграют сербы и петербургский двор, ибо он предстанет в глазах Европы выигравшим дело угнетенной нации. Если же сербам будет отказано в их просьбе, то восстание должно быть продолжено. Но поскольку первый вариант, по глубокому убеждению Каразина, маловероятен, то восстание неизбежно разрастется вширь и примет небывалые размеры. При такой ситуации, полагал Каразин, мятежные паши в Румелии еще больше усилятся, поскольку до сербского восстания их агрессивность сдерживалась исключительно славянскими народами. "Босния, — пишет Каразин, — не замедлит присоединиться к Сербии ввиду единства в происхождении, в языке, частично также в вероисповедании (ибо почти 2/3 босняков остаются еще христианами...)" . Но наиболее пагубным для Османской империи должно стать, по мнению Каразина, "всеобщее недовольство и... полное презрение", которому подвергнется во всех своих владениях само турецкое правительство. Если будет разрушено "всеобщее мнение", которое заставляет людей осуществлять волю верховных чиновников, то прежний государственный аппарат империи будет немедленно парализован. С другой стороны, теоретизировал автор проекта, у вооруженных славянских племен уже давно существует "единое мнение" о необходимости создать свое государство и они лишь ждут, чтобы "кто-то пришел и объединил их". "Никогда еще не было и не может быть более благоприятного времени, — пишет Каразин, — для такого великого предприятия, которое, не создавая пагубных препятствий для цивилизованных государств, сохраняя даже господство турок ... почти без пролития крови, через 5-10 лет сможет непременно основать царство славян, чтобы посадить на трон одного из августейших братьев Александра". Далее автор проекта намечает перспективу развития славянского государства и его границы, высказывая соображения о экономическом и культурном статусе славянской империи, ее месте в системе международных отношений и т.д.

Как признавал сам Каразин, идея создания славяно-сербского государства существовала еще задолго до него. В различных вариантах она уже присутствовала в проектах ряда политических церковных деятелей из славянских областей Османской и Австрийской империи: Давида Неранджича (1785 г.). Софрония Марковича-Юговича (1789 г.), Димитрия Вуича (1796 г.)¹⁴, епископа Йована Йовановича, митрополита Стефана Стратимировича и др.¹⁵. Как видно из докладной записки Чарторыйского

Александру 1 от ноября 1804 г., основная часть конкретных предложений В.Н. Каразина была учтена товарищем министра иностранных дел, но их осуществление поручалось не автору проекта, о чем он просил сам, а другим лицам.

В записке Чарторыйского царю от последних чисел ноября 1804 г.¹⁶ говорилось, что прибывшие в Россию сербские депутаты ходатайствуют перед петербургским двором о предоставлении им оружия и боеприпасов, но более всего денег. Все это им необходимо для борьбы против "бунтующих властей турецких, устремившихся на сокрушение сербов", т.е. против засилья янычар. "Весь народ сей, - пишет Чарторыйский, - желает видеть себя устроенным в особенности в политическом своем существовании под собственным своим управлением на подобие республики Ионической, то есть: чтобы, завися от Порты и оной платя определенную дань, быть под гарантией России". Понимая, что осуществление этой неблизкой цели будет сопряжено с определенными трудностями, Чарторыйский далее писал: "...При настоящем положении дел единственное вспомоществование, народу сему возможное, состоять может в деньгах, дабы тем поставить их в положение продолжать военные действия, и которое бы возбудило в Порте внимание к необходимости восстановить прежнюю власть ее над сим народом посредством податливости своей на просимые оным преимущества". Исходя из этого, Чарторыйский считал, что осуществление основной стратегической идеи о предоставлении Сербии автономии должно идти посредством координации действий повстанцев и русских дипломатов в Турции. В частности, А.Я. Италинский должен был "исподволь стараться благоразумными внушениями расположить министерство турецкое к принятию посредничества нашего в том, чтобы дано было славяно-сербам какое-либо образование (автономия. - В.Г.), власть Порты над народом сим вящие обеспечивающее и по возможности жребий одного улучшить могущее". С другой стороны, для усиления боеспособности сербских повстанцев Чарторыйский рекомендовал царю выдать им 20 тыс. пиастров.

Осуществление намеченных мер, как это предлагал и Каразин, должно было начаться немедленно после отъезда сербских депутатов на родину. Двое из депутатов должны были отправиться в Сербию "с извещением словесным" о согласии русского правительства посредничать в их деле перед Портой и о материальной помощи, которая им будет оказана. По прибытии в лагерь повстанцев депутаты, помимо этого, должны будут, по замыслу Чарторыйского, сказать предводителям восстания, чтобы они, не распуская вооруженных отрядов, составили прошение на имя султана Селима III. В прошении Чарторыйский предлагал, как говорилось в записке, "изложить неременное свое намерение прибыть верными его величеству султану, просить о позволении им управляться собственными своими чиновниками с выплачиванием исправно положенной подати. О выводе навсегда из края, ими обитаемого, всех военнослужащих турецких, обязываясь в замену не токмо оберегать тот край от бунтующих,

но и истреблять сих и далее в окружающих местах, если бы появились там, и в случае войны иметь в готовности до 5 тыс. человек для действия под своим начальником там, где от Порты им повелено будет в Европе, токмо не против Российской державы". И только после того, как Порта согласится удовлетворить основную часть этих требований, пояснял Чарторыйский, сербы могли бы просить, чтобы "ее (Порты, - В.Г.) согласие было утверждено ручательством России и Австрии". В заключение Чарторыйский просил царя пожаловать каждому из прибывших в Петербург сербских депутатов по 500 червонцев¹⁷.

Предложенный Чарторыйским план финансовой и дипломатической помощи восставшим сербам, а также меры по координации совместных действий повстанческих руководителей и русских дипломатов в Турции и Австрии были в тот же день "высочайше апробованы", т.е. получили одобрение Александра I, и немедленно начали реализовываться в конкретных акциях русского правительства. 28 ноября 1804 г. Александр I подписал рескрипт на имя министра финансов о выдаче сербам 3 тыс. голландских золотых, что соответствовало 20 тыс. пиастров, просимых Чарторыйским. 17 декабря 1804 г. царь утвердил новую инструкцию А.Я. Италинскому по сербскому вопросу, в тот же день были отправлены в Сербию с соответствующими наставлениями Матвей Ненадович и Йован Протич. В Яссы был назначен новый генеральный консул И.Ф. Болкунов, на которого возлагались обязанности по поддержанию связи с повстанческим руководством через посредство Петра Новаковича Чарданлии. Последний должен был находиться в Бухаресте или в случае необходимости в Яссах, в особых случаях для связей с сербскими повстанцами И.Ф. Болкунов получил разрешение воспользоваться даже услугами господаря Валахии князя Константина Ипсиланти, давнего тайного союзника России¹⁸.

При отъезде М. Ненадовича и Й. Протича на родину им не было дано никаких документов. Они должны были устно известить своих руководителей о благожелательном отношении русского правительства к намерению повстанцев продолжать восстание до полного удовлетворения их требований, а также в общих чертах ознакомить их с планом совместных действий по осуществлению намеченной программы.

П. Новакович и Ф. Филипович какое-то время продолжали оставаться в Петербурге для разработки и уточнения деталей координационного плана взаимодействия руководителей восстания с русскими дипломатами. В период пребывания сербских депутатов в Петербурге правительство Российской империи вело переговоры с Портой о заключении нового русско-турецкого мирного договора. В связи с этим Александр I 4 декабря 1804 г. утвердил подготовленную Чарторыйским инструкцию А.Я. Италинскому, в которой давались разъяснения по пяти интересующим Порту пунктам условий нового договора. Поскольку среди них не упоминались обстоятельства, связанные с волнениями христианского населения в балканских владениях Турции, а все запросы Италинского по сербским делам оставались безответными, Чарторыйский предложил посланнику в

Турции воспользоваться этим для новых и более настойчивых демаршей в защиту справедливых требований сербского народа. Италинский должен был заявить в Константинополе, что вопрос об ограждении христианских народов от тирании пашей и бунтующих войск меньше всего беспокоит Порту, несмотря на то что это обстоятельство в данный момент приобретает решающее значение для условий нового русско-турецкого договора.

Вместе с тем Италинскому поручалось продолжать внушения о том, что посредством разумного и умеренного правления Порты могла бы создать вполне терпимые условия для христианских народов, при которых они согласились бы сохранять верность султану. Обеспечив сносные условия для жизни христианских народов, Порты, говорилось в инструкции, "сделала бы свои провинции процветающими, улучшила бы свои финансы и могла бы полагаться на верность своих подданных, которых она имела несчастье рассматривать своими врагами и которые в отчаянии, вызванном их тяжелым положением, готовы взять сторону первого пришедшего, обещающего им освобождение". Далее Чарторыйский предлагал обратить внимание Порты на то, что она не в состоянии вдруг и одним разом покончить с расстройством в системе своего управления и установить желаемый ей порядок в империи. В качестве наглядного примера Италинский должен был указать на восстание сербов. "Сербь не просят ничего, - говорилось в инструкции, - кроме как иметь возможность оставаться покорными и верными подданными Порты, если только она предоставит им условия, ограждающие их от тирании турецких (местных. - В.Г.) правителей". В порядке дружеского совета Италинский должен был сформулировать и основные пункты тех условий, которые Порте следовало бы обеспечить. Сербь, говорилось в инструкции, "были бы рады выплачивать... ежегодно сотни мешков пиастров, помимо податей и других доходов от их провинции, если только они будут находиться под управлением губернатора их национальности и другие чиновники будут равным образом выбраны из их среды, почти как в Молдавии и Валахии, но с той только разницей, что сохранение их привилегий будет иметь гарантию лишь в лояльности великого государя и что они будут обязаны в случае войны предоставить ему число солдат, пропорционально их населению и финансовым возможностям. Такая мера была бы весьма полезна Порте, и ей не следовало бы пренебрегать ею при нынешних обстоятельствах"¹⁹.

В другой инструкции Италинскому от 17 декабря 1804 г. Чарторыйский подчеркивал, что достижение договоренности о новом русско-турецком мирном договоре будет зависеть от трех пунктов. Один из них гласит: "Добиться для России права прибегать в подходящих случаях к посредничеству перед Портой, чтобы обеспечить некоторое облегчение для христианских подданных Оттоманской империи улучшение их судьбы". Этот пункт относился к статье VIII проекта нового договора. Чарторыйский пояснял, что в договоре статья VIII "представляет самое боль-

шое значение, ибо только она может удовлетворить то огорчение, которое испытывает е.и.в., принимая обязанность поддерживать и гарантировать существование правительства (Порты. - В.Г.), которое угнетает или скорее позволяет своим властям угнетать тираническим образом народы, которые исповедуют ту же веру, что и он". Сулиоты и сербы, говорилось в инструкции, восстали не против Порты, а против губернаторов-тиранов. Поддержав эти народы, Порта "могла бы сделать свое могущество более обеспеченным и свою империю процветающей, если бы она всерьез сдерживала чрезмерные претензии и гнет, которым подвергают христианских подданных все ее губернаторы, более низшие и младшие чиновники и просто частные лица". Если султан и Порта не возьмут на себя обязательства избавить христиан от преследований непослушных им пашей, то Италинскому давалось право прибегнуть к угрозе, заявив, что без этого русский царь не может дать никаких гарантий выполнения остальных пунктов нового договора²⁰.

В тот же день, т.е. 17 декабря 1804 г., была подписана инструкция И.Ф. Болкунову, который получил назначение на должность генерального консула в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Вводя вновь назначенного чиновника в курс дела, Чарторыйский счел целесообразным разъяснить ему наиболее существенные вопросы, связанные с политикой русского правительства в отношении Порты вообще и сербского восстания в частности. Русское правительство, говорилось в инструкции, хорошо понимает, что одними советами и внушениями нельзя добиться от Порты просимых сербами привилегий. Поэтому находившимся в Петербурге сербским депутатам было рекомендовано, чтобы они "...убедили своих соотечичей не покидать оружия и продолжать военные действия" против оставшихся в пашалыке янычар и кирджалиев. Вместе с тем руководителям восстания был дан совет направить в Константинополь к султану депутацию с прошением, в котором будут изложены "все бедствия, претерпеваемые ими, непрочность их бытия, доколе турецкий начальник ими управлять станет, приверженность свою к Порте и твердое свое намерение пребыть оной верными, буде согласится оставить их на положении выше уже описанном".

Перечисляя требования сербов, которые русское правительство согласно отстаивать перед Портой, Чарторыйский писал в инструкции Болкунову: "Привилегии сии должны состоять в том, чтобы сербы были освобождены совершенно от присутствия турецких военнослужащих, чтобы могли иметь своего правителя под каким-либо наименованием и своих судей, платя, впрочем, исправно все подати Порты и содержа до 5 тыс. войска, как для охраны того края от набегов разных разбойнических партий, так и для действия против врагов Порты". В этой же инструкции Болкунову указывалось, каким путем надо поддерживать контакты с лагерем повстанцев. Оставаясь в Яссах, он будет осуществлять связь с Петербургом, Константинополем и Бухарестом. В столице Валахии должен

был поселиться П. Новакович Чардаклия, который через "верного человека" должен передавать в лагерь сербских повстанцев необходимые рекомендации русского правительства, сообщать о результатах переговоров русского посланника в Константинополе по сербскому вопросу и другую информацию. Чтобы скрыть "существование таких сношений", Болкунову запрещалось передавать через П. Новаковича какие-либо письма. Он должен был "объявлять ему все словесно". На Болкунова же возлагалась обязанность передать Карагеоргию 3 тыс. червонцев "на необходимые издержки для его корпуса" и 600 червонцев на возмещение расходов сербских депутатов на поездку в Петербург²¹.

Реализация разработанного в Петербурге плана дипломатической поддержки сербских повстанцев предусматривала последовательное наращивание силы политического давления на Порту.

В соответствии с новой инструкцией МИД России А.Я. Италинский, помимо обычных демаршей и упреков в бездеятельности Порты, должен был внушать турецким министрам мысль о целесообразности ввода корпуса русских войск в те придунайские районы Османской империи, в которых наиболее активно и безнаказанно действовали отряды мятежных пашей и кирджалиев. "Появление корпуса наших вспомогательных войск около Дуная призвало бы к порядку Пазванд-оглу и всех других местных вожаков, оккупировавших земли за этой рекой", - писал Чарторыйский Италинскому 3 января 1805 г. В борьбе с этими мятежниками, пояснял он далее, "Сербия, возведенная в княжество на основе, обозначенной ранее... стала бы для нее (Порты. - В.Г.) большим резервом, как (в смысле. - В.Г.) увеличения финансов, так и увеличения ее военных сил"²². Но сложившаяся к середине января 1805 г. ситуация еще не позволяла Италинскому перейти к более решительным действиям, и он пока не решался известить рейс-эфенди о поездке сербской делегации в Петербург. По его расчетам, это сообщение и другие более решительные шаги следовало отложить до прибытия в Константинополь сербской делегации²³.

Тем временем выехавшие из Петербурга сербские депутаты находились еще в пути. Не имея от них известий, предводители восстания через таможенного чиновника в Землине, поддерживавшего связь с русским консулом в Бухаресте, в начале января 1805 г. запросили Л.Г. Кирико о результатах поездки их делегации и о судьбе самих посланцев²⁴. Поскольку переписка по сербским делам была строгаише запрещена, его запросы в Петербург и Яссы оставались без ответа. Новый генеральный консул И.Ф. Болкунов только 16 января 1805 г. осторожно сообщил Кирико, что депутаты уже выехали из Петербурга и направляются на родину через австрийские владения²⁵.

В середине января 1805 г. А.А. Жерве сдал свои полномочия генерального консула в Молдавии, Валахии и Бессарабии И.Ф. Болкунову, передав ему же и присланные ранее 3600 червонцев, которые предназначались для сербов. Поскольку к этому времени ни Жерве, ни Болкунову еще не удалось установить непосредственного контакта с лагерем сербских повс-

танцев, то Болкунов принял решение использовать крайнюю меру и прибегнуть к посредничеству господаря Валахии К. Ипсиланти. Он обратился к нему с просьбой направить в Землин своих людей для выяснения обстановки как в лагере постанцев, так и в Белградском пашалыке. Его просьба была немедленно исполнена. Вернувшийся из Землина посланец К. Ипсиланти сообщил, что сербские повстанцы после отъезда их депутатов в Россию сначала держались спокойно, но начавшиеся вскоре бесчинства и грабежи кирджалиев Кусанджали Халила вновь заставили их взяться за оружие и находиться в постоянной готовности. Повстанческое руководство выдвинуло новые требования: удалить из Белграда коменданта Кусанджали Халила со всеми его кирджалиями и назначить в качестве белградского мухасила Реджеб-агу орсовского. На вопрос посланца из Валахии о дальнейших планах восставших их руководители ответили, что они будут завесить от ответа, который депутаты привезут из России²⁶.

Тогда же И.Ф. Болкунов договорился с К. Ипсиланти и о пересылке сербам денег. 2 февраля 1805 г. они были переданы титулярному советнику Волкову и кадету Джайковичу, которые благополучно доставили их из Ясс в Бухарест²⁷. Вернувшись в Яссы 14 февраля 1805 г., Волков доложил Болкунову, что 3600 червонцев были вручены К. Ипсиланти 7 февраля 1805 г. Чтобы не вызвать подозрения у иностранных дипломатов и турецких чиновников, К. Ипсиланти решил отложить передачу денег по назначению до приезда из Константинополя архиерея, который по наказу патриарха направляется к сербам для переговоров с ними. По приказу Порты вместе с архиереем К. Ипсиланти и А. Мурузи должны были послать своих представителей, одному из которых господарь и рассчитывал поручить это деликатное дело. В день отъезда Волкова из Бухареста, 10 февраля 1806 г., К. Ипсиланти сообщил ему, что прибывший из Землина посыльный, ездивший туда специально "для провеживания о сербах", привез известие о возвращении в Сербию одного депутата. "Вследствие сего, — пишет Волков, — народ сербский до 15 тыс. человек находится в полном восстании и готовности действовать против своих утеснителей"²⁸.

В середине февраля 1805 г. в Яссы прибыл П. Новакович²⁹, 8 марта он уже был в Бухаресте. В тот же день Л.Г. Кирико вручил ему письмо Матвея Ненадовича от 14 февраля, пересланное через упомянутого выше таможенника из Землина. М. Ненадович извещал о своем благополучном возвращении домой и беспокоился о судьбе еще не приехавшего в Сербию Ф. Филиповича, который, как видно из других источников, проезжая через австрийские владения, встретился в Сремских Карловцах с митрополитом Ст. Стратимировичем³⁰. В другом письме от 8 марта 1805 г., адресованном Л.Г. Кирико, М. Ненадович просил дать совет по поводу подготовки депутации в Константинополь. П. Новакович сообщил М. Ненадовичу, что все необходимые уточнения по составлению прошения султану и отправке депутации в Константинополь Ф. Филипович сделает по

прибытии в лагерь сербских повстанцев. "А вы все, - пишет П. Новакович, - как можно скорее сделайте все это; я больше всего на тебя надеюсь и в тебе надежду дела этого вижу"³¹.

2. Ситуация в Белградском пашалыке после отъезда сербской депутации в Россию

Со вступлением в должность Сулейман-паши и назначением новых сербских кнезов ситуация в Белградском пашалыке еще больше осложнилась. Прощенный Портой и назначенный ею же на должность коменданта Белграда Кусанджали Халил отказался подчиняться приказам Сулейман-паши и поссорился с орсовским комендантом Реджеб-агой, который также находился в Белграде и выступал в качестве поручителя за сербов, еще не выплативших полностью обещанных Кусанджали Халилу по договору денег. Задумав организовать заговор против строптивого коменданта Белграда, Реджеб-ага по договоренности с Сулейман-пашой подкупил часть служивших у Кусанджали Халила албанцев. В то же время Реджеб-ага убеждает Сулейман-пашу направить в лагерь сербских повстанцев одного из офицеров с приказом сложить оружие и разойтись по домам. В ответ руководители восстания заявили, что до восстановления законной власти и твердого порядка в Белградском пашалыке, они не могут оставаться безоружными. С другой стороны, сербы отказываются признавать власть вожака разбойников Кусанджали Халила и тем более платить ему противозаконные налоги.

Пока шли переговоры между повстанческим руководством и Сулейман-пашой, Кусанджали Халил, узнав о готовящемся против него заговоре, стал казнить всех подозреваемых в нем людей. Одновременно он отдал приказ предавать смерти всех купцов, продающих сербам оружие, порох и другие боеприпасы. Суровые меры, принятые Кусанджали Халилом, вызвали сначала замешательство, а затем бунт среди части наемников, входивших в состав белградского гарнизона. Взбунтовавшиеся арнауты объявили Кусанджали Халилу, что если он не выплатит им все причитающееся жалованье, то они перейдут на сторону восставших сербов. Когда об этом стало известно в лагере сербских повстанцев, то для поддержки взбунтовавшихся арнаутов к Белграду был послан отряд в 1 тыс. человек. К концу января 1805 г. положение Кусанджали Халила было критическим и он обратился за помощью к Пазванд-оглу³².

Не имевший в своем распоряжении ни достаточного числа войск, ни денег, Сулейман-паша был вынужден выехать из Белграда и при помощи сербских отрядов стал изгонять из захваченных Пазванд-оглу сел Нишской нахии чиновников и гарнизоны видинского паши. В начале февраля 1805 г. численность сербских отрядов, по свидетельству К. Ипсиланти, составляла около 15 тыс. человек. В это время сербы готовились к отражению нападения кирджалиев, которые, видимо, по наущению Пазванд-оглу с разных сторон выступили против них³³.

В обращении сербских старейшин к австрийскому императору от 10 февраля 1805 г. они в следующих выражениях описывали сложившуюся ситуацию: "Турецкий султан из Цариграда [вот уже] столько времени нам никакой помощи не хотел оказать, а также и до нынешнего дня от него никакой милости и помощи не имеем, турки же постоянно усиливаются и на нас приготовляются неприятельски напасть"³⁴. Л.Г. Кирико из Бухареста писал в этой связи: "Сербь, быв обеспокоены шалостями кирджалиев Кусанджали Халила и арнаутами Реджеб-аги из Орсова, имели частые перепалки. Причем (сербь. - В.Г.) называли себя склонными к Кусанджали Халилу, а противными тем арнаутам, кои, будучи заодно с сербами, обогатились именем сербским и напоследок хотели оставить их в руках кирджалиев"³⁵. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что занимавшийся посредничеством между сербами и кирджалиями Реджеб-ага сам не смог удержаться от злоупотреблений и навлек на себя гнев обеих враждующих сторон. В одном из сражений с арнаутами орсовского коменданта сербы убили до 700 человек, а захваченных в плен обобрали и отпустили. Обозленный этим поступком Реджеб-ага вместе с братом, который был заложником у Кусанджали Халила в связи с финансовыми расчетами последнего с сербами, покинули Белград и вернулись в Орсово. Вскоре Реджеб-ага, пишет Кирико, "представил в столице (Константинополе. - В.Г.) сербов возмутителями и непослушными, и продолжает всячески стараться возбудить Порту к негодованию на них". В ответ на это Карагеоргий стал увеличивать численность повстанческого войска, чтобы быть готовым к отражению нападения любых турок. Тогда же повстанцы стали угрожать и Пазванд-оглу. "Сербь, - разъясняет Кирико, - сомневаясь равномерно как на кирджалиев, арнаутов (Реджеб-аги. - В.Г.), так и на всех турок в тех краях, возлагают свою надежду на содействие российско-императорского двора при Порте Оттоманской, на их просьбы касательно пользы и постановления желаемого порядка в правлении сербской области"³⁶.

В середине марта А.Я. Италинский подтвердил известие о том, что Реджеб-ага прислал в Константинополь жалобу на сербов, в которой, между прочим, известил Порту о поездке сербских депутатов в Петербург и об удовлетворительном ответе русского правительства на их прошение. Италинскому удалось выяснить, что Порта весьма встревожена новым конфликтом сербов с белградскими турками, но она еще не знает, каким способом нужно урегулировать его. В качестве "первой меры" Порта решила использовать мирный путь. Она направила К. Ипсиланти хати-шериф, которым предписывала послать к сербам надежного человека, чтобы он призвал их "к послушанию и покорности своему государю". "Идея Порты возложить на него (К. Ипсиланти. - В.Г.), так сказать, умиротворение Сербии может в некоторых отношениях быть нам выгодной, - писал Италинский, - ибо эта мера позволяет расширить отношения князя Ипсиланти с сербами, с самой Портой и ее агентами в этой стране, через которых

мы сможем получать более положительные сведения о ходе этих дел и, следовательно, сможем действовать с большей точностью"³⁷.

Между тем ситуация в Белграде продолжала осложняться. Кирджалии Кусанджали Халила, так и не получив положенного им жалованья, убили одного из чиновников (кавас-баши) Сулейман-паши, арестовали белградского начальника янычар (янычар-агу) и взяли под стражу самого белградского пашу. Кусанджали Халил вновь начал сближаться с Пазванд-оглу, набирать для себя войска и укреплять вокруг Белграда укрепления³⁸. Сербь в свою очередь произвели закупку оружия у своих соотечественников из Австрии, пополнили свои ряды за счет добровольцев из австрийских сербов, среди которых было несколько офицеров.

Во владениях Пазванд-оглу начались стихийные бунты болгарского и сербского населения. Например, в селении Жаркиое (Саркиое) болгары восстали против местного воеводы и Пазванд-оглу с трудом удалось успокоить их, удовлетворив все их требования³⁹. В связи с начавшимися волнениями христиан Пазванд-оглу, пишет Кирико, "приказал сделать строгий обыск между болгарами в Видинском округе и отобрать у них всякого рода оружие"⁴⁰. Пользуясь беспомощностью белградского пашы, войска Пазванд-оглу все чаще и чаще вторгались в его владения, отбирая у сербского населения скот, продукты питания и другие вещи. В частности, казначей видинского пашы Молла с войском в середине апреля 1805 г. вторгся в сербские села в районе Кладова (Фетислам) и силой забрал там более тысячи голов скота⁴¹. Не имея поддержки со стороны законных властей, сербские старейшины были вынуждены самостоятельно посылать своих депутатов к Пазванд-оглу и его чиновникам с требованиями прекратить бесчинства. На эти требования обычно давался один и тот же ответ: воины видинского пашы делают заготовки по приказу Порты. Тогда сербы сами стали вторгаться в пределы владений Пазванд-оглу. Кроме того, они потребовали от Пазванд-оглу, чтобы он возвратил под власть белградского пашы отнятые им ранее районы Неготинской Краины. Действия сербов настолько активизировались, что Кусанджали Халил пытался подарками склонить Карагеоргия к примирению⁴². Болгарское население в селах Жаркиое и Периоте в конце апреля вновь взбунтовалось и, убив несколько чиновников (субашей) Пазванд-оглу, перешло на сторону восставших сербов⁴³.

Находившийся в Землине корреспондент французской газеты "Moniteur" сообщал, что большинство жителей Сербии вновь взялось за оружие. Селения от Шабаца до Белграда опустели. Все, кто может держать оружие, вступают в повстанческие отряды, а женщины, старики и дети укрываются в лесах. Среди повстанцев Карагеоргий поддерживает крепкую дисциплину и уверяет всех в том, что повстанцы в состоянии отразить нападение 50-60-тысячного турецкого войска⁴⁴.

Между тем в марте 1805 г. в составе турецкого правительства произошли важные перемены. Султан Селим III назначил верховным визирем капудан-пашу Измаила Ибрагим-пашу, который был сторонником радикаль-

ных изменений курса внешней и внутренней политики Турции. В свою очередь новый верховный визирь настоял на переводе не оправдавшего надежды Сулейман-паши из Белграда в Силистрию, а управление Белградским пашалыком требовал передать более энергичному боснийскому визирю Бекир-паше⁴⁵. Комментируя эти перестановки, И.Ф. Болкунов писал:

"Сербы немало встревожены такими переменами, особливо же, что прежде упомянутый паша (Бекир-паша. — В.Г.) намерен, как слышно, вести с собою и несколько тысяч войска, стараются на всякий случай привести себя в состояние отражать могущие быть на них покушения"⁴⁶. Бекир-паша, поняв бесперспективность нового назначения, как пишет Кирико, "отказался от поста белградского, прося уволить его из службы"⁴⁷. Не смог выполнить приказа Порты и Сулейман-паша, которого силой удерживали в Белграде кирджалии. Опасаясь за судьбу Белграда, который мог оказаться в руках сербов или мятежного Паазванд-оглу, верховный визирь за крупную взятку согласился передать Белградский пашалык в управление аяну города Ниш Хафиз-аге, который давно домогался этого места.

По требованию Ибрагим-паши нишский аян в начале апреля 1805 г. представил свой план урегулирования белградского конфликта и введения в Белградском пашалыке реформ низами-джедид. 25 апреля 1805 г. государственный совет Турции обсудил и, внося некоторые дополнения и коррективы, утвердил предложенный Хафиз-агой план операций. Тогда же нишский аян был утвержден в должности белградского мухаджаза в ранге трехбунчужного паши, что соответствовало званию визиря. В окончательном варианте операции по урегулированию белградского конфликта и введению реформ подразделялись на четыре этапа. В начале Хафиз-паша при поддержке войск соседних аянов и сербских повстанцев должен был выбить мятежных янычар из Карановца, Шабаца, Ужиц и других пограничных с Боснией укрепленных пунктов, а затем изгнать их из Белградского пашалыка. На втором этапе новый визирь при поддержке тех же сил рассчитывал изгнать из белградской крепости и из пашалыка кирджалиев Кусанджали Халила. По завершении этих операций ему поручалось добром или силой разоружить и распустить по домам отряды сербских повстанцев и только после этого приступить к введению реформ низами-джедид⁴⁸.

Чтобы облегчить реализацию намеченного плана, Порты потребовала от константинопольского патриарха и господарей Дунайских княжеств послать в лагерь сербских повстанцев своих уполномоченных представителей. Они должны были уговорить восставших оказать содействие новому паше в изгнании янычар и кирджалиев из пределов пашалыка, а затем, разоружившись, разойтись по домам⁴⁹. Характеризуя личность нового белградского визиря, И.Ф. Болкунов писал, что Хафиз-паша в отличие от других претендентов на этот пост отличался "тяжелым нравом и ненавистью к сербам"⁵⁰. Характеристика, данная И.Ф. Болкуновым, подтвердилась при первой же попытке Карагеоргия выяснить отношения с претендентом на пост белградского паши. Посланные верховным вождем в Ниш

для закупки оружия и провианта люди по приказу Хафиз-паши были убиты⁵¹. Начатые Хафиз-пашой операции по изгнанию янычар и введению реформ низами-джедид, с одной стороны, привели к обострению междоусобной вражды местных аянов, а с другой - восстановили против него местное население.

В конце апреля и в мае 1805 г. бунты и восстания христианского населения происходят не только в Белградском пашалыке, но и в ряде сопредельных с ним районов: в Нишской нахии, относящейся к владениям Хафиз-паши, в Периоте, Жаркиоие и других владениях Пазванд-оглу. "Христиане, живущие в разных местах, к Сербии прилежащих, - свидетельствуют русские консулы, - испытывая мщение и лютость турок, кои вновь, обманным образом напав на их жилища, несколько из них убили и, последуя примеру своих соседей, белградских сербов, вооружились против несносного поведения своих неприятелей. Некоторое число из разоренных болгарских фамилий принуждены были, оставя свои пожитки за Дунаем, искать спасения жизни; при переправе коих на валахскую сторону захвачены они были турецкими таможенными на середине Дуная: при чем лишились даже и последнего одеяния"⁵².

С началом операций Хафиз-паши активизировали свою деятельность остатки мятежных янычар и сочувствующие им местные аяны. В частности, двухбунчужный паша из Зворника начал войну против двухбунчужного паши из Сребреницы. Последний, не имея достаточных сил, обратился за помощью к Карагеоргию, прося прислать ему 2 или 3 тысячи человек сербского войска. "Но сербы, - пишет Болкунов, - положили ему не верить"⁵³. Не менее сложная обстановка в это же время была и во владениях самого Хафиз-паши. По его приказу нишский епископ был вынужден написать письмо в Константинополь, которым извещал патриарха и турецких министров, что поведение сербского населения в Нишской нахии следует расценивать как восстание. В связи с этим он просил объявить сербов мятежниками, чтобы можно было применить к ним соответствующие санкции⁵⁴.

В начале июня 1805 г. под Белградом оставалось не более 6 тыс. осаждающих крепость сербов. Около 20 тыс. повстанцев были отведены от города для того, чтобы организовать заслон против Хафиз-паши, если его войско двинется на Белград^{54а}. Сам же Хафиз-паша в это время руководил операциями по изгнанию янычар из Шабацкой, Сокольской, Валевской и Ужицкой нахий. Управителем этих четырех районов он назначил Омер-агу, который в период дахийского режима был сборщиком налогов (мухасилом) в Белградском пашалыке и "прославился" своими жестокими расправами над мирным населением. К операциям по изгнанию янычар, как и предполагалось, была привлечена часть сербских войск под командой Якова и Матвея Ненадовичей. Изгнанные из некоторых крепостей янычары сосредоточились в Карановце, Трестенике, Новице и Ужице. В середине июня они объединенными силами напали на сербов и сожгли ряд сербских сел, расположенных по берегам Моравы. Отбив нападение янычар, сербс-

кие князья приморавских районов обратились к паше Нови-Пазара с просьбой, чтобы он выступил посредником в урегулировании сербо-янычарского конфликта и при заключении мирного договора с турецким населением поморавских нахий. К середине июля крепости были очищены от янычар. 20 июля отряды сербских повстанцев под командой Якова и Матвея Ненадовичей овладели последней пограничной крепостью, Ужице, и при посредничестве новипазарского паши заключили с ее жителями следующий договор:

1) Турки-ужичане, почтенные торговцы и все остальные мирные жители города могут безбоязненно оставаться в своих домах и свободно заниматься торговлей и ремеслами при условии, что они наравне с сербскими жителями Белградского пашалыка будут платить султану и белградскому визирию приходящуюся на их долю часть налогов; 2) все иногородние ("стране") турки и те, кто не пожелает остаться на этих условиях в пашалыке ("вилает терпеть не могут") подлежат разоружению и высылке за пределы Белградского пашалыка. Впредь им запрещается появляться на его территории; 3) с момента заключения договора турецкие судьи ("кадии") лишаются права судить сербское население; 4) с этого же времени сербское население должно управляться своими местными органами власти; 5) за нанесенный жителями города ущерб сербским войскам во время штурма ужичане обязаны выплатить контрибуцию в размере 100 мешков грошей, 80 снаряженных коней и т.д.

После подписания договора Ненадовичи возвратились в Бранковину, назначив управителями города Алексу Поповича, Милана Обреновича и капитана Радича. Новые сербские власти немедленно расставили по границе Ужицкой нахии сторожевые посты. Аналогичные мероприятия проводились в жизнь и в других освобожденных от янычар районах Белградского пашалыка⁵⁵. С занятием г. Ужице Белградский пашалык был полностью очищен от янычар, а войска сербских повстанцев вплотную подошли к границам Боснийского пашалыка. Ссылаясь на свидетельства Ст. Живковича, Л.Г. Кирико писал, что после занятия сербами Ужице границы областей воюющих сербов и черногорского народа отстоят одна от другой на расстоянии не более 30 часов езды, т.е. 150 км. Поскольку, пишет консул, "никакой крепости турецкой между ними нет, то и нетрудно было бы иметь между ними сообщение"⁵⁶. В донесениях из Рагузы другой русский консул, К.К. Фонтон, извещал, что занятие сербами г. Ужице чрезвычайно встревожило боснийских турок и рагузинских граждан. Рагузинское правительство, в частности, беспокоит вопрос, на чью сторону встанут черногорцы, которые к этому времени уже вплотную подошли к Никшичу⁵⁷. Несколько позже он же сообщил: "Турецкое население г. Сараева вначале взялось было за оружие, чтобы отразить нападение сербов, но боснийский паша отдал приказ разойтись всем по домам, так как он еще не получил от Порты повеления выступить против мятежных сербов"⁵⁸,

По мере осуществления каждого из этапов утвержденного Портой плана отношения между враждующими в пашалыке и сопредельных с ним нахиях

группировками претерпевали изменения в соответствии со складывающейся ситуацией. Например, как только стало известно, что после изгнания янычар Хафиз-паша собирается сделать то же самое с белградскими кирджалиями, Кусанджали Халил предложил сербам заключить с ним перемирие. Хотя сербы и белградские кирджалии преследовали совершенно разные цели, однако при сложившейся ситуации Карагеоргий и Кусанджали Халил, как пишет Кирико, "совместно объявили" о том, что, несмотря на решение Порты они не впустят Хафиз-пашу в Белград. В ответ на это, продолжает Кирико, "паши турецкие в Ниссе (Нише. - В.Г.), Лесковце и комендант в Ени-Базаре публиковали, что кто из турков охотно вооружится против сербов и запишется в службу, таковой получить будет сверх провианта и фуража по 15 пиастров в месяц жалованья"⁵⁹.

Перемирие свое отношение к угнетенному христианскому населению Пазванд-оглу, Терсеникли-оглу и другие мятежные и сочувствовавшие им паши и аяны. "Оные турецкие начальники, - пишет Кирико, - угнетая народ, всячески стараются не допустить болгар к соединению с воюющими сербами"⁶⁰. Чтобы предотвратить восстание, Пазванд-оглу, по свидетельству того же консула, "в округе своем сильно уважает болгар, позволяя им строить церкви и оказывая для сего всякую помощь". Аналогичной тактики придерживались лесковацкий Шашит-паша и Реджеб-ага Орсовский. Первый, по свидетельству И.Ф. Болкунова, пока "продолжает доброе согласие с сербами, не позволяя даже своим туркам записываться в службу вышесказанного нисского паши (Хафиза. - В.Г.)"⁶¹, а второй также "обходится с сербами ласково и дружественно, стараясь снисказать у них доверенность к себе"⁶².

К июлю 1805 г. ситуация в Белградском пашалыке сложилась таким образом, что сербы, заключив перемирие с белградскими кирджалиями, были вынуждены напасть надвигающиеся к Белграду войска Хафиз-паши. "Они уже разбили корпус этого паши, - пишет К. Ипсиланти, - и овладели небольшим фортом, который он пытался защищать"⁶³.

Рассмотренные выше факты показывают, что в позиции сербских повстанцев также произошли важные изменения. Если до назначения Хафиз-паши белградским мухазифом сербские повстанцы выступали под флагом верноподданных султана и объявляли себя врагами янычар, кирджалиев и мятежных пашей, то с мая 1805 г. они стали проявлять открытое неповиновение назначенному Портой визирю, а в конце июня уже вступили с ним в вооруженный конфликт. С другой стороны, восставшие стали заключать перемирия со своими прежними неприятелями - белградскими кирджалиями и мятежными пашами. Все это дает основание для вывода о том, что из внутреннего сербо-янычарского конфликта, каким сербское восстание было до апреля 1805 г., оно постепенно стало перерастать в национально-освободительное движение. Но в то же время заключаемые сербскими повстанцами перемирия и временные соглашения с отдельными пашами и аянами, свидетельствуют, что восстание окончательно еще не

вычленилось из общего клубка местных междоусобиц и не приобрело ясно выраженной формы национально-освободительной борьбы.

Однако есть основания думать, что главные предводители сербского восстания по совету валашского господара К. Ипсиланти, карловацкого митрополита Ст. Стратимировича и русского правительства сознательно маскировали национально-освободительные устремления под внутренний конфликт, чтобы до времени не вызывать гнева Порты и всех соседних аянов, а также накопить как можно больше сил для национально-освободительной борьбы.

3. Апрельская скупщина в Орашце и разногласия в лагере сербских повстанцев. Два варианта прошения султану и сербская депутация в Константинополь

В историография до сих пор нет определенной ясности в вопросе о событиях, происходивших в лагере сербских повстанцев после прибытия на родину М. Ненадовича и Й. Протича, о характере наметившихся разногласий среди предводителей восстания, о причинах задержки депутации в османскую столицу, которая доставила немало тревог и хлопот А.Я. Италинскому в Константинополе, П. Новаковичу и Л.Г. Кирико в Бухаресте, И.Ф. Болкунову в Яссах. Крайне слабо и с большими пробелами освещены события, связанные с посылкой в лагерь повстанцев уполномоченных представителей господарей Дунайских княжеств⁶⁴.

Как уже отмечалось выше, К. Ипсиланти и А. Мурузи получили предписание Порты послать своих представителей в лагерь повстанцев еще в марте 1805 г. Им поручалось, пишет Италинский, "призвать этот народ к покорности и узнать мотивы его нового восстания и его требования". По сообщению русского посланника, Порта на этот раз была встревожена "характером, который это восстание может принять" и теми новыми "настроениями, которые это положение вещей вызвало в умах всех магометан, живущим по соседству с этими краями". По его же наблюдениям, султанское правительство до поры до времени старалось избегать назревавшего конфликта между христианами и мусульманами, хотя жившие в этих районах турки уже поставили его в известность о том, что они не могут долее оставаться равнодушными к избиению их братьев христианами и готовы сообща выступить против мятежных сербов. Порта, констатировал Италинский, пока воздерживается от решительных мер и предпринимает попытки успокоить разгорающиеся страсти обеих враждующих сторон⁶⁵. Согласно предписанию из Константинополя, господарь Молдавии выделил для дипломатической миссии бана Караджу, боярина Ставри и архимандрита Серафима, а К. Ипсиланти — боярина Васибаки. Уполномоченные должны были передать восставшим два документа: повеление Порты и письмо А. Мурузи. В письме последнего содержался совет: повстанцы должны сложить оружие, помириться с Реджеб-агой и с другими местными турками. В противном случае сербы будут объявлены мятежни-

ками и испытывают на себе всю силу султанского гнева. Поскольку К. Ипсиланти сочувствовал делу сербов и уже дал согласие И.Ф. Болкунову тайно доставить в лагерь под Белградом русскую субсидию, то он пошел на хитрость. В последний момент перед отправкой миссии в Сербию К. Ипсиланти изменил ее состав⁶⁶. Он уговорил А. Мурузи вместо Караджи и Ставри послать в Сербию спатаря (спальника) из Галаца Калигари — доверенное лицо валашского господара⁶⁷.

Калигари с архимандритом Серафимом отправились из Бухареста в Сербию на перекладных 15 апреля 1805 г.⁶⁸. К их приезду в местечке Печаны, расположенном неподалеку от села Остружницы, 17 апреля была собрана народная скупщина. На ней должны были обсуждаться условия мира сербов с белградскими турками, их дальнейшие отношения с Портой и пункты прошения султану, а также состав делегации в Константинополь. Другими словами, апрельская скупщина 1805 г. должна была определить, нужно ли продолжать восстание дальше, добиваясь намеченных ранее и согласованных с русским правительством требований, или прекратить сопротивление и дожидаться условий, которые предложит сама Порта. В ходе обсуждения этих коренных вопросов, которые дебатировались в присутствии представителей Порты, наметились весьма существенные разногласия. Партия старейшин, которую возглавил крагуевацкий кнез Теодосий Маричевич, активно настаивала на прекращении восстания и призывала согласиться на условия, которые были установлены реформами 90-х годов XVIII в. Партия Карагеоргия не менее горячо призывала продолжать восстание до полного удовлетворения выдвинутых требований. На этой почве возникла ссора, которая закончилась убийством Т. Маричевича⁶⁹.

Одержав верх, сторонники продолжения восстания постановили добиваться удаления из пашалыка белградских кирджалиев, составить на имя султана прошение и направить в Константинополь делегацию в составе трех человек: Алексы Лазаревича, Стефана Живковича и Петра Новаковича (последний должен был присоединиться к депутатам в Бухаресте). Поскольку обсуждение пунктов прошения на имя султана происходило в присутствии представителей господарей дунайских княжеств, то на заседаниях скупщины, проходивших в период с 17 по 20 апреля ее участники не имели возможности открыто говорить о тех рекомендациях, которые были даны сербским депутатам в Петербурге. Исходя из этих соображений, был составлен первый, апрельский, вариант прошения султану, который состоял из 9 пунктов, значительно отличавшихся от пунктов, рекомендованных русским правительством. В апрельском варианте участники скупщины просили султана:

1) Прислать в Белградский пашалык вместо визиря преданного султану сборщика налогов (мухасила); 2) предоставить сербскому народу право выбирать своего "великого кнеза" и 12 обер-кнезов по одному для каждого судебного округа (кадилука), которые после выборов будут

утверждаться особым указом султана (бератом). Великий кнез должен быть признан главой сербского народа и начальником над обер-кнезами. Он должен находиться в Белграде и получать распоряжения Порты через мухасила; 3) власть великого кнеза и обер-кнезов должна быть выборной и без права наследования; 4) султанская дань, государственные и спахийские налоги должны выплачиваться один раз в год, как это делается в Неготинской Крайне. После передачи общей суммы налогов в казну Порты, турецкая администрация должна самостоятельно рассчитываться со спахиями и другими чиновниками, получившими право иметь доходы с сербского народа. Такая система расчета со спахиями и чиновниками лишит их возможности вмешиваться в порядок сбора налогов и незаконно назначать свою администрацию, ибо хорошо известно, поясняли авторы прошения, что спахи наполовину сродни янычарам и также легко могут стать причиной новых беспорядков в пашалыке; 5) собранные с сербского народа дань и налоги будут доставляться в Константинополь уполномоченными верховного кнеза и турецкого мухасила; 6) верховный кнез и мухасил вместе и в равной мере отвечают за порядок в Белградском пашалыке (вилайте), поэтому глава сербского народа должен иметь в своем распоряжении некоторое число войск; 7) сербам никто не должен препятствовать в постройке церквей, монастырей и исповедывании их веры; 8) они должны иметь все условия для беспрепятственной обработки земли, торговли, занятия ремеслами и другими видами производственной деятельности; 9) поскольку укрывшиеся в белградской крепости янычары и кирджалии не хотят добровольно выйти из нее, Porta сама должна потребовать от австрийских властей, чтобы они прекратили доставку провианта осажденным⁷⁰. Прощение подписали 56 старейшин из 8 нахий.

В письме Карагеоргия и Якова Ненадовича от июля 1805 г. Италинскому пояснялось, что апрельский вариант прошения, посланный султану с валашскими боярами, является неподлинным, поскольку он составлен для того, чтобы дезинформировать венский двор и господарей Дунайских княжеств. Подлинным же следует считать прошение от 1 мая 1805 г., которое составлено в соответствии с рекомендациями русского правительства⁷¹.

Подлинный вариант прошения султану, датированный 1 мая 1805 г., содержал всего три пункта. В нем сербы просили разрешить им:

1) Отныне иметь право избирать из среды своего народа начальников и их наследников, которые будут под покровительством султана управлять сербским народом по примеру иных, находящихся под его же защитой подданных и платящих провинций; 2) эти народные начальники с избранным из их среды председателем должны управлять народом, исправно собирать с него полагающуюся султану дань, а после сбора в определенные сроки доставлять ее через представителя сербов (вилаетского человека), который всегда будет жить в Константинополе. Эту

дань (мирию) сербы обязуются не только своевременно платить в установленных размерах, но по возможности и силам будут выплачивать ее в больших размерах за оказанное им благодеяние. Сербы просят установить в их пределе постоянный мир, порядок и тишину; 3) чтобы все военнoслужашие турки были выведены навсегда из края, в котором живут сербы; взамен этого сербы согласны принять на себя обязательства охранять из предел, границу и города от всех внешних и внутренних нападений и мятежей, также они обязуются воевать против непокорных султану мятежников и истреблять их не только в своем крае, но и в сопредельных с ним районах. "Мирных и добрых" турок, которые останутся жить с сербами и будут свободно заниматься ремеслами и торговлей, они обязуются оберегать от всякого зла⁷².

Подлинный вариант был скреплен двумя подписями: Карагеоргия (от имени князев, воевод и сербского народа) и Матвея Ненадовича (от имени сербского духовенства). При сопоставлении этих вариантов можно заметить, что между ними была весьма существенная разница. Помимо требования о выводе из Сербии всех турецких войск и ликвидации должности мухасила, вместо которого предлагалось назначить постоянного представителя сербов в Константинополе, майский вариант прошения существенно отличался от апрельского и теми пунктами, которые относились к форме и структуре органов власти в автономном сербском государстве. В апрельском варианте предпочтение отдавалось ограниченной монархии во главе с верховным князем, а в майском — республиканской форме правления с Советом, возглавляемым председателем. В данной связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Карагеоргий и Матвей Ненадович скрепили своими подписями оба варианта. А это, как нам кажется, свидетельствует о том, что на первом этапе восстания его предводители еще не придавали решающего значения форме власти будущего автономного государства.

11 мая Л.Г. Кирико сообщил Италинскому и Болкунову, что 8 мая в Бухарест вернулись ездившие по приказу Порты в лагерь сербских повстанцев два валашских боярина. С ними вместе прибыла и сербская депутация, направляющаяся в Константинополь. Она была принята К. Ипси-ланти, который, ознакомившись с обоими вариантами прошения сербов султану, одобрил тексты и разрешил П. Новаковичу присоединиться к сербской депутации. Он вручил сербским депутатам рекомендательные письма к своим представителям в Константинополе⁷³. 11 мая П. Новакович, А. Лазаревич и Ст. Живкович выехали из Бухареста и через Рушук и Варну направились в Константинополь⁷⁴.

В этот же день Л.Г. Кирико отправил с курьером Г. Живковичем к А.Я. Италинскому в Константинополь все документы и письма, которые сербские депутаты должны были передать разным лицам. В связи с отъездом П. Новаковича для связи с лагерем сербских повстанцев в Бухаресте был оставлен Г. Вуянович, а прибывший для этой цели вместе с

сербскими депутатами Иван Протич, был отправлен в Сербию через Землин. На Л.Г. Кирико возлагалась обязанность пересылать депутатам в Константинополь всю корреспонденцию, поступающую из Сербии. По предложению К.Ипсиланти И.Ф. Болкунов должен был прибыть в Бухарест, когда туда вернутся из Константинополя сербские депутаты⁷⁵.

В середине 20-х чисел мая сербские депутаты прибыли в Константинополь и поселились в резиденции патриарха. До июня им так и не удалось добиться аудиенции ни у одного из турецких министров. Это обстоятельство само по себе указывало на неблагоприятное расположение Порты к сербам. Характеризуя ее отношение к депутатам, Италинский писал, что имеются два обстоятельства, которые могут препятствовать успеху миссии сербов: первое - назначение их врага нишского аяна Хафиз-аги белградским пашой, второе - распространившиеся в Константинополе слухи, будто при назначении депутатов предводители восстания не запрашивали мнения народа, поэтому прибывшие выдают точку зрения нескольких лиц за точку зрения всех христиан пашалыка. Эти слухи, пишет Италинский, "возбуждены лицами этой же национальности (т.е. сербами. - В.Г.), что указывает на раскол, о котором я уже имею некоторые сведения". В той же депеше Италинский выражал сожаление по поводу того, что сербам не удалось захватить в свои руки белградскую крепость, что явилось бы, с его точки зрения, "наиболее эффективным средством добиться от Порты согласия на все их требования, из которых при нынешней ситуации, требование об удалении турок из Сербии, несомненно, не будет принято"⁷⁶.

Первая аудиенция была дана депутатам министром внутренних дел (кяхья-беем) 1 июня. Хотя этот вельможа и сообщил в общих выражениях о готовности султана принять во внимание просьбу сербского народа, однако рассмотрение их дела демонстративно затягивалось. На запросы Италинского турецкие чиновники обычно отвечали, что прошение сербов переводится сначала с сербского на русский, затем с русского на греческий, а с греческого на турецкий. Многоступенчатый перевод прошения был закончен к 15 июня.

Между тем Чарторыйский 4 июня направил А.Я. Италинскому и И.Ф. Болкунову инструкции. Первому он предписывал соблюдать предельную осторожность в его демаршах перед Портой в защиту сербских повстанцев и излагать точку зрения русского правительства в форме дружеских советов. Эти предосторожности, писал Чарторыйский, нужны для того, чтобы не возбуждать недоверия турецкого дивана. Наряду с этим Италинскому разрешалось тайно встречаться с сербскими депутатами и давать им необходимые советы, чтобы они по какой-либо оплошности не были обмануты турецкими министрами. Вместе с тем посланник был обязан предупредить депутатов, чтобы они, как сказано в инструкции, "не открывались ни перед кем об особенном участии российским двором в пользу их приемлемым"⁷⁷. В инструкции Болкунову говорилось, что

он должен в Бухаресте или где ему будет удобнее встретиться со связными повстанцев и передать им, что "Россия желает видеть сербскую нацию, совершенно счастливою и спокойствие и безопасность ее утвержденные навсегда". В дальнейшем, пишет Чарторыйский, русское правительство будет помышлять о таких мерах, которые "... по стечению обстоятельств наилучшими кажутся для достижения сего предмета". Чарторыйский просил Болкунова передать сербам, что турецкое министерство для восстановления спокойствия в пашалыке для видимости, возможно, и согласится принять их требования. Но, несмотря на это, им не следует складывать оружия. Наоборот, они должны увеличивать свои вооруженные силы. Поскольку сербы пока еще не могут противостоять турецкой армии, то Карагеоргию, по мнению Чарторыйского, следовало бы "... всеми силами стараться заставить Порту принять поведение его в прямом виде и быть уверенною в преданности и любви к туркам и что он принял оружие единственно для защищения себя от угнетавших отечество его, от разбойнических партий, повсюду усиливающихся, и от Пазванд-оглу, грозящего непрерывным нападением". Болкунову предписывалось также убедить Карагеоргия в том, что сам верховный вождь и все сербы должны "благосклонно и дружественно" обходиться с теми турками, которые против них не вооружились. Между собой сербы должны жить в единомыслии и согласии, без которых они могут подвергнуть себя крайним бедствиям. Если петербургский двор узнает, припугивал Чарторыйский, что повстанцы "... вместо того, чтобы заниматься мерами, долженствующими оградить на будущее время спокойное существование их, вдаются в раздоры и междоусобные вражды, то в таком случае перестанет совершенно их покровительствовать"⁷⁸.

Предупреждения Чарторыйского были не случайны. Как выяснилось из рассказа П. Новаковича Чардаклии, тайно встречавшегося с А.Я. Италинским в середине июня 1805 г., столичные греки-фанариоты, видимо, не без ведома Порты предложили депутатам создать в Сербии управления по типу Дунайских княжеств при условии, что "верховное начальство" будет передано "избранным из греческого рода на ограниченное время князьям и господарям"⁷⁹. Италинский советовал решительно отказаться от подобного предложения, но Чарторыйский усматривал в нем возможность использовать влияние фанариотов для решения сербского вопроса⁸⁰. "Если намеки, делавшиеся депутатам со стороны фанариотов, - пояснял свою мысль Чарторыйский, - могут иметь последствия, тогда используйте все ваши возможности, чтобы помешать успеху их плана. Но, по возможности, было бы неплохо вначале не отнимать у них этой надежды для того, чтобы привлечь их к сотрудничеству в деле, которого добиваются сербы при Вашей поддержке"⁸¹. Но еще до получения этих инструкций А.Я. Италинский настоял на встрече с рейс-эфенди для того, чтобы, как сказано в его депеше, "заставить Оттоманское министерство приступить к объяснению с депутатами"⁸². После этого демар-

ша перевод прошения сербов от 1 мая был передан кяхья-бею только через 3 недели, т.е. 20 июня 1805 г.⁸³. К этому времени в столице уже было известно о первых вооруженных столкновениях сербов с войсками Хафиз-паши; и турецкие министры воспользовались этим, чтобы не встречаться больше с сербскими депутатами.

Свой ответ Порты сообщила депутатам через константинопольского патриарха, которому она поручила написать письма сербскому народу и Хафиз-паше. В письме к сербскому народу патриарх сообщил, что Порта знает о бесчинствах мятежных янычар и накажет их по заслугам сама. Но в то же время она не может оправдать и действия восставших сербов, беспощадно и без разрешения властей истребляющих янычар. Выход из создавшегося в Белградском пашалыке положения Порты видит в том, чтобы сербы совместно с войсками Хафиз-паши очистили Карановац и соседние укрепления от янычар, а Белград — от кирджалиев. Затем, предварительно разоружившись, сербы разойдутся по домам. После этого на территории пашалыка будут проведены реформы низами-джедид⁸⁴.

Послание патриарха повез Ст. Живкович. Он выехал из Константинополя 18 июля вместе с неким греком, который по пути следования признался, что он тоже едет в Сербию и везет Карагеоргию письмо от Наполеона. Попутчики прибыли в Бухарест 30 июля. По распоряжению К. Ипсиланти Ст. Живкович был отправлен в загородный монастырь Котрошаны, а его попутчик, "французский эmissар из серрских греков", 6 августа выехал в Землин под предлогом свидания с родственниками, якобы проживавшими в Белграде. Письмо патриарха К. Ипсиланти отправил с двумя валашскими боярами. Кроме того, по поведению Порты им было дано поручение уговорить сербов покориться воле султана, принять с подобающими почестями назначенного к ним визиря Хафиз-пашу и прислать в Константинополь другую депутацию с новым "объяснительным прошением"⁸⁵.

Наставления патриарха и предупреждение Порты усилили разногласия в лагере сербских повстанцев. Русское правительство предпринимало попытки устранить возможные нежелательные последствия этих разногласий. "Раздор, который возник в среде этого (сербского. — В.Г.) народа, — писал Чарторыйский, — несомненно, может стать пагубным для него, облегчить врагам средство его порабощения"⁸⁶. В надежде устранить причину споров Чарторыйский предписал Италинскому, чтобы он постарался убедить Порту отметить решение о назначении Хафиз-паши белградским визирем. Оно, с точки зрения русского правительства, было несвоевременной и политически ошибочной мерой. "В момент, когда высшие интересы Порты требуют, чтобы в условиях отсутствия сильных средств она приняла лишь мягкие и примирительные средства, — пишет Чарторыйский, — турецкое министерство ставит на первый план человека, ненавидимого всем народом, которым он должен управлять. В этом, конечно, проявилась одна из тех крайностей, которые могут случаться лишь в Турции, где ничто не может противиться всепогло-

щающей силе золота, как об этом свидетельствует и тот факт, о котором идет речь. Ибо известно, что именно за деньги нишский аян (Хафиз-паша. - В.Г.) получил свое новое губернаторство"⁸⁷.

4. Сражение сербских повстанцев с войсками Хафиз-паши у с. Иванковцы и бегство сербских депутатов из Константинополя в Одессу

По получении письма константинопольского патриарха Карагеоргий запросил Хафиз-пашу намерен ли он удовлетворить условия, изложенные в прошении султану от 1 мая. На его вопрос визирь ответил, что на это он никогда не согласится. В лучшем случае сербы могут рассчитывать на некоторое снисхождение, да и то, если они останутся на положении зависимой райи и безоговорочно подчинятся законам Османской империи, повелениям султана и назначенным им чиновникам. Чтобы иметь надежные гарантии выполнения предъявленных условий, Хафиз-паша потребовал прислать к нему в качестве заложников семьи всех предводителей восстания⁸⁸. Естественно, что такое решение не могло устроить повстанцев и они решили продолжать сопротивление. Оставив под Белградом не более 2 тыс. человек, предводители восстания перебросили свои основные силы к р. Мораве, чтобы поставить заслон продвижению войск Хафиз-паши на Белград⁸⁹. Исходя из этой задачи, Карагеоргий расположил правый фланг своих войск таким образом, чтобы закрыть дорогу на Каргудевац, а отряды левого фланга должны были блокировать дорогу в Пожаревацкую нахию. В с. Иванковцы была расположена основная ударная группа повстанцев численностью до 2500 человек. Резерв обстоявший из 4 тыс. человек, верховный вождь расположил в с. Топола. Западные районы Сербии в это время защищало двенадцатитысячное войско под предводительством Якова Ненадовича, которому было поручено отражать нападения турок со стороны Боснии. Небольшие заградительные отряды размещались у Сокола, Смедерева, Пореча и в других районах Белградского пашалыка. В период подготовки к решающему сражению с войсками белградского визиря в сербский лагерь прибыл Дмитрий Джайкович, который по поручению И.Ф. Болкунова передал Карагеоргию 3 тыс. червонцев и письмо⁹⁰. В нем генеральный консул советовал, чтобы верховный вождь "не только не ослаблял настоящего вооружения, но и старался бы всеми мерами оное усиливать и запастись корпус свой нужными припасами, поколику положение его позволяет, для достижения чего... ныне дано им нужное вспоможение"⁹¹.

Набрав с большим трудом пятнадцатитысячный отряд, состоявший из янычар, кирджалиев и разного рода других наемников, которым платили от 10 до 30 грошей в месяц, Хафиз-паша в последних числах июля вышел из г. Ниш и двинулся по главной константинопольской дороге на Белград. Его попытки уговорить повстанцев без боя пропустить его к Белграду остались безрезультатными, и он отдал приказ прорвать сербские заслоны силой. В ходе начавшегося 8 августа 1805 г. у с. Иванковцы сражения

сербские повстанцы разбили основные силы белградского визиря, а сам Хафиз-паша был тяжело ранен. Прибывший из Сербии в Бухарест Ст. Живкович подробно информировал К. Ипсиланти и Л.Г. Кирико о ходе боевых действий. Основываясь на его рассказе, Кирико писал: "Хафиз-паша с 15 тысячами военных турок подошел под сербское местечко Иванковцы, сделал нападение на сербов и союзных болгар, которые защищались храбро, разбили его и гонялись до Паланки уезда Шашит-паши, куда он, Хафиз, с войском ретировался, потеряв много людей убитыми"⁹². В этом бою пришлось участвовать и посланцу И.Ф. Болкунову Дмитрию Христофоровичу Джайковичу. В выданном ему 12 апреля 1806 г. свидетельстве сообщалось, что он, принимая участие в сражении у с. Иванковцы и при Парачине, "существенные заслуги ... сотворил: он наших воинов поучал как пушки управлять, он сам собою ревностно воинов ободрял и боролся с нашими неприятелями..."⁹³. Кроме того, Стефан Живкович сообщил русскому консулу, что, согласно договору с Кусанджали Халилом о совместных действиях против Хафиз-паши, Карагеоргий потребовал от белградского коменданта, чтобы и он выставил против визиря 500 своих кирджалиев, снабдил сербов артиллерией, порохом и ядрами, а также разрешил им ввести в Белград до 500 воинов. Однако осторожный Кусанджали Халил, загодозрив опасность, не принял предложения верховного вождя. Он дал согласие впустить в Белград лишь 4 семьи сербских воевод, которые будут находиться там в качестве заложников. Ссылаясь на рассказ Ст. Живковича, Кирико сообщил, что Названд-оглу по случаю победы сербов над белградским визирем прислал Карагеоргию письмо с поздравлением и советовал сербам продолжать борьбу с Хафиз-пашой и извещать его о дальнейших успехах⁹⁴.

По получении известий о разгроме турецких войск у с. Иванковцы и о ранении самого Хафиз-паши Порта объявила П. Новаковичу Чардакли, пишет Италинский, что теперь-то она "направит нишскому паше надлежащие инструкции по урегулированию сербских дел, что он (Новакович. - В.Г.) и его коллега станут их предъявителями и что они должны явиться к этому паше, чтобы действовать в согласии с ним, в целях восстановления в Сербии полного порядка и спокойствия"⁹⁵. Не трудно понять, что подобное решение турецкого дивана было равносильно смертному приговору сербским депутатам. При содействии членов русской миссии 11 августа 1805 г. они тайно сели на корабль и отправились в Одессу. Ответ депутатам, пишет Италинский, еще раз убеждает в том, что "Порта не примет благожелательного решения в пользу этого народа, если только она не будет принуждена к нему военными событиями в этой стране"⁹⁶. В связи с этим Италинский писал Болкунову в Яссы: "Нужны дальнейшие и важнейшие подвиги со стороны (сербской. - В.Г.) нации, решившейся однажды истинно оружием отграднейшей участи"⁹⁷.

5. Положение в Румелии осенью 1805 г.

Отказ сербов принять Хафиз-пашу в качестве Белградского мухаджиза и разгром его войск у с. Иванковцы, по определению Италинского, "поразили чувствительно" турецкое правительство. Оно, пишет посланник, "устрашилось последствий могущих произойти от дальнейших успехов сего народа, вознамерилось употребить важные силы для приведения оногo в надлежащее повиновение"⁹⁸. Порта немедленно разослала повеления бейлербею Румелии Ибрагим-паше, боснийскому визирю, пашам и даже начальникам кирджалийских отрядов. Как сообщалось в "Записке бухарестских известий до 26 августа", Порта "повелела всем командующим в Румелии, соединяя военные силы свои, следовать на помощь (Хафиз-паше. - В.Г.) против кирджалиев в Белграде и христиан в Сербии и чтобы в селениях турецких были выставлены, по обычаю их, знамена в знак собирания войск"⁹⁹. Сербские повстанцы между тем в сентябре 1805 г., по замечанию Болкунова, "производили дела свои с особливою расторопностью и желаемым успехом и что турки, наконец, почувствуют невозможность противиться справедливым их требованиям"¹⁰⁰. Узнав о секретных распоряжениях Порты о подготовке нападения на сербов, Италинский предписал И.Ф. Болкунову найти способ предупредить Карагеоргия об этом и передать совет о целесообразности занятия Белграда. Захват Белграда, писал он Болкунову, предоставил бы сербам случай "...давать Порте законы и получать ее согласие на все то, что к пользе и выгоде отечества их нашли бы они за благо требовать от нее"¹⁰¹.

Русские дипломаты в Константинополе тем временем продолжали свои демарши перед Портой в защиту сербов. Переводчик русской миссии жозеф Фонтон по поручению Италинского встретился с рейс-эфенди и настаивал на отмене приказа о назначении Хафиз-паши белградским визирем. На его требование турецкий министр высокомерно ответил, что Порта крайне раздражена вооруженным сопротивлением сербов и считает насилие единственным действенным средством решения "белградского дела". Такая позиция, пишет Италинский, доказывает, что "наши советы не образумят Порту и что нужно в мужестве сербов видеть надежду на то, что оттоманское правительство войдет в соглашение с ними"¹⁰². Распоряжения центральных властей румелийским пашам и аянам о подготовке к походу выполнялись ими с большой неохотой и крайне медленно. Во второй половине октября 1805 г. стало ясно, что поход против сербов придется отложить. Хафиз-паше было приказано сформировать собственное войско из 20 тыс. человек, действия которого будут поддержаны войсками боснийского пашы. Из Константинополя в Ниш были посланы 20 пушек и две роты артиллеристов общей численности в 240 человек. Положение в Румелии было крайне напряженным; и из Константинополя Хафиз-паше под большим секретом сообщили, что если до наступления зимы ему не удастся собрать достаточно сил для подавления восстания, то генеральное наступление следует отложить до весны¹⁰³.

На повторный запрос русского посланника, намерена ли Порты выполнить условия сербов, изложенные в прошении от 1 мая 1805 г., а также отстранить Хафиз-пашу от управления Белградским пашалыком, рейс-эфенди заявил: "Требования сербов по своей природе таковы, - пишет Италинский, - что не могут быть приняты". Более того, правительство вообще не намерено возобновлять переговоров с подданными, которые демонстративно не хотят подчиняться назначенному им паше и даже подняли против него мятеж. По глубокому убеждению Порты, говорил рейс-эфенди, устранение Хафиз-паши и назначение в Белград нового чиновника не приведет сербов к покорности. В сложившейся ситуации, резюмировал турецкий министр, мятеж сербов может быть ликвидирован только силой¹⁰⁴.

Наряду с подготовкой к массированному наступлению на сербов Порты в то же время не прекращала попыток уговорить их добровольно прекратить восстание. По ее настоянию патриарх Калиник 1 октября 1805 г. обратился с новым посланием к сербскому народу, в котором убеждал его сложить оружие и смириться с решением о назначении Хафиз-паши. В ответном послании от 30 декабря сербские старейшины писали, что сербы согласны оставаться подданными Порты, но только на условиях, которые изложены в их прошении от 1 мая 1805 г.¹⁰⁵

Между тем сербы по совету Италинского 20 октября направили в Константинополь новую депутацию с просьбой об отставке Хафиз-паши. Но депутаты успели доехать лишь до Бухареста. Там они узнали о смерти Хафиз-паши, избавившей их от необходимости продолжать поездку¹⁰⁶. После смерти паши, пишет Италинский, "я весьма опасаясь, что как мои представления, так и жалобы сербов произведут не более эффекта, чем предшествующие, конечно, это не довод для прекращения вмешательства в их пользу. Возможно то, что кажется невозможным в настоящий момент, не останется безрезультатным при других обстоятельствах"¹⁰⁷.

Получив известия о смерти Хафиз-паши, Селим III направил фирманы бейлербею Румелии Ибрагим-паше Шкодринскому и новому визирю Боснии Саиду Мустафа-паше¹⁰⁸. Султан приказывал им как можно скорее усилить нишскую группировку войск, командование которой временно передавалось казначею румелийского бейлербея Мехмеду Хасанджи. Новому командующему было дано распоряжение немедленно начать операцию по освобождению занятого сербами Карановца¹⁰⁹. Тогда же Порты разослала всем румелийским пашам и аянам фирманы султана и фетву шейх-уль-ислама, которыми сербы объявлялись мятежниками, посягнувшими на жизнь и имущество мусульман. Султанские фирманы гласили, что в соответствии с фетвой объявляется священная война против сербской райи. Главнокомандующим румелийского войска назначается бейлербей Румелии Ибрагим-паша, которому предоставляются "неограниченные права для подавления восстания, разгрома бунтовщиков и умиротворения края, чтобы это восстание не приняло более широких размеров". В связи с этим все правоверные мусульмане, которые могут носить оружие, должны присоединиться к армии Ибрагим-паши¹¹⁰.

Несмотря на объявление священной войны против сербов, ни паши, ни сам бейлербей не спешили ее начинать. Али-паша Янинский, например, получив такой фирман, объявил, что не пошлет свои войска против сербов до тех пор, пока Порты не восстановит его в должности бейлербея Румелии¹¹¹. Воспользовавшиеся этим сербы 8 ноября 1805 г. захватили одну из важнейших крепостей пашалыка — Смедерево¹¹². Осеннее наступление сербов привело Порту в растерянность. Она не знала, кого из румелийских пашей можно было бы назначить мухафизом Белградского пашалыка. Вначале на этот пост прочили Терсеникли-оглу, который располагал к этому времени наиболее мощными силами в придунайских областях. Но рущукский аян претендовал на Пловдив и Софию и по этому случаю был в ссоре с бейлербеем. В конце 1805 г. румелийский бейлербей подал на имя султана прошение, в котором предлагал собрать тайное совещание дивана, чтобы принять меры для укрощения зарвавшегося Терсеникли-оглу. На этом документе Селим III наложил весьма примечательную резолюцию: "Мой визирь, все это хорошо, но приближается зима, а податель прошения даже не шевелится. Часть кирджалиев находится под Стамбулом, положение в Белграде и Видине известно... Посмотрим, как румели-валиссы возвратят себе Пловдив и Софию. Если бы даже (Терсеникли-оглу. — В.Г.) начал открытый бунт, то и тогда было бы не время для подобного совещания"¹¹³.

Победа французов под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. над русско-австрийскими войсками внесла еще большую растерянность в правящие круги Турции. Это известие, по свидетельству Италинского, весьма встревожило султана, испугавшегося, что французы начнут вторжение в пределы Османской империи и поддержат восстание сербов. "Невозможно скрыть, — писал в этой связи Италинский, — что Порты (оказалась. — В.Г.) на грани самого критического состояния". Растерянность властей и нежелание румелийских пашей и аянов воевать ободряли повстанцев¹¹⁴. После капитуляции Смедерева они овладели городом Кладово и сосредоточивали силы для штурма крепости Орсово. В этих сражениях был убит Ибрагим-ага, брат орсовского коменданта Реджеб-аги. Несмотря на это, сам Реджеб-ага и аян г. Лесковца воздержались от участия в вооруженных столкновениях. Шашит-паша Лесковацкий в какой-то мере даже помогал сербам, не разрешая боснийским туркам пройти к Белграду через его владения. К середине ноября 1805 г. отряды сербских повстанцев находились от Ниша на расстоянии 60 км (или в 12 часах езды). Успехи осеннего наступления сербов оказали сильное воздействие и на христианское население сопредельных с Белградским пашалыком районов. "Беспокоясь удачами сербов и боясь, чтобы остальные болгары его (Пазванд-оглу. — В.Г.) владений не восстали, уменьшил он денежные подати до 5 левов"¹¹⁵.

Не прекращая наступательных операций, предводители сербских повстанцев по-прежнему продолжали уверять Порту и венский двор в неизменной верности султану. 30 ноября в с. Остружница сербские старей-

шины написали прошение султану и обращения к русскому царю и австрийскому императору. В "Оправдательном прошении" султану они изложили причины своего выступления против их давнего недоброжелателя Хафиз-паши и заверили Селима III в своей "подданической верности", продолжая в то же время настаивать на удовлетворении своих требований, изложенных в прошении от 1 мая 1805 г. Сербские старейшины писали, что только введение "крепких законов" и утверждение их особым фирманом могло бы обеспечить "безопасие и гражданское счастье" угнетенного сербского народа¹¹⁶.

В обращении к Александру I Карагеоргий и М. Ненадович от имени всего народа просили его убедить султана отменить решение об объявлении священной войны против сербов и приказ о походе на них войск румелийских пашей¹¹⁷. Разъясняя цель, которую вожди восстания преследовали, направляя эти письма монархам России, Австрии и Османской империи, М. Ненадович и Б. Груйович (Ф. Филипович) писали И.Ф. Болкунову: Наступление войск румелийских пашей будет трудно отразить потому, что "изнурение в земле нашей велико". К тому же крепость Смедерево полностью разрушена и нуждается в восстановлении. Добытые повстанцами пушки "слабо употребляются", так как к ним нет боеприпасов. Казна также пуста, покупать порох, свинец и остальное снаряжение не на что. Сербские повстанцы воюют не со всеми турками, сообщалось в этом же письме, а только с теми, которые их угнетают. В Валево, Шабаци, Ужице и других городах, сообщают М. Ненадович и Груйович, вместе с сербами "живут в содружестве и любви" многие турки. Они спокойно обрабатывают поля, занимаются торговлей и чувствуют себя лучше, "нежели им прежде под начальством их (соотечественников. - В.Г.) было". Но в то же время, поясняют авторы письма, находящийся в Белграде Кусанджали Халил с кирджалиями продолжают оставаться неприятелями сербского народа, и повстанцы в скором времени избавятся от них. "Между нами и между воеводами нашими, - пишут они, - пожелательное согласие царствует, всех единая ревность оживляет; божественное (царское. - В.Г.) покровительство жарким энтузиазмом их (воевод. - В.Г.) наполняет. Недостаток нужного вежества (искусства. - В.Г.) в войне храбрость их надомещает". Далее М. Ненадович и Б. Груйович просили Болкунова переслать их послание царю и со своей стороны ходатайствовать о выдаче сербам денег¹¹⁸.

Вопреки грозным постановлениям Порты, бейлербей Румелии так и не смог организовать осенью наступления на сербов. В декабре 1805 г. Итальянский писал, что Порта "по сей день находится в величайшем беспокойстве по изысканию средств для восстановления в оном крае неограниченного господствования турецких начальников". Этот вопрос, по свидетельству русского посланника, часто обсуждался в диване, но до начала зимы так и не было принято никакого важного постановления. С наступлением зимы стало совершенно ясно, что до весны 1806 г. у Порты не найдется сил для подавления сербского восстания. В связи с

"ополчением, успехами и предложением условий для будущей их (сербов. - В.Г.) от нее зависимости" Порта стала столь раздражительной, пишет Италинский, что даже отказалась принимать во внимание какие-бы то ни было ходатайства в защиту сербского народа. После поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем, занятия французами Вены и вывода русских войск из австрийских владений, успех сербского дела, по мнению Италинского, мог зависеть только от успешных действий самих повстанцев и особенно от занятия ими Белграда¹¹⁹.

В конце октября 1805 г. диван наконец-то принял решение назначить новым сераскером похода против сербов Терсеникли-оглу. Но рушукский аян не спешил принимать это предложение и дал согласие только после получения второго фирмана. Однако, собрав к концу года не более 4 тыс. человек из числа войск соседних аянов, сераскер понял, что с такими силами сербов ему не одолеть, и по случаю наступавшего праздника байрам распустил собравшихся по домам¹²⁰. Сербы же тем временем продолжали развивать успешно начатое осенью наступление. К началу 1806 г. они заняли крепость Борицу, вплотную подошли к Нишу и силами до 30 тыс. человек осадили Орсово. Комендант орсовской крепости Реджеб-ага был в панике и пытался выпросить у господаря Валахии подкрепления¹²¹.

Русское и австрийское правительства к этому времени по-разному отреагировали на обращение сербских старейшин от 30 ноября 1805 г. Поверенный в делах Австрии в России Агилар 4(16) января 1806 г. особой нотой известил МИД России, что венский двор заинтересован в прекращении волнений в Белградском пашалыке, создающих напряженность на австрийской границе. Кроме того, австрийское правительство считает, подчеркивалось в ноте, что "было бы несовместимым с дружественными отношениями, существующими между Австрией и Портой, поставлять оружие или припасы войскам, готовым сражаться против войск султана"¹²². Эта нота вместе с прошением сербов русскому царю от 30 ноября 1805 г. были доложены Александру I 11 января 1806 г. В своем докладе Чарторыйский пытался убедить царя в важности своевременной помощи сербам, поскольку они могут быть разбиты турками или, стоя на краю гибели, согласятся принять покровительство Франции. И то и другое, по его мнению, было бы "противно пользе империи Российской". Соседние с сербами черногорцы, босняки, герцеговинцы и другие народы, убеждал царя товарищ министра иностранных дел, считают себя находящимися под покровительством России; и если она будет равнодушна к сербам, то и эти народы могут последовать их примеру и принять покровительство Франции. Чтобы оказать быструю и действенную помощь сербским повстанцам, Чарторыйский предлагал царю принять следующие меры:

1) отправить в Константинополь Италинскому подлинник прошения сербов с предписанием "...приклонить министерство турецкое к отмене военных против сербов приготовлений, к доставлению им должной справедливости и к принятию во движение представлений их касательно будущего

области их управления"; 2) независимо от результатов деятельности Италинского, выдать сербам просимые ими 10 тыс. голландских золотых, которые нужны им для укрепления войска; 3) несмотря на ноту Агилара, убедить венский двор в необходимости отпуски сербам боеприпасов. "По-видимому, означенный двор, - отмечал здесь же Чарторыйский, - твердо намерен сохранить дружеские связи с Россией, в таком случае не подлежит сомнению, что коль скоро он ведать будет в подробности о причинах, побуждающих нас к таковому требованию, он согласится на оное"; 4) предписать генеральному консулу в Яссах, чтобы он известил сербских вождей о принятых русским правительством мерах и посоветовал им хорошо защищать себя от турок и по возможности овладеть Белградом. При этом вожди сербов по-прежнему должны "уверять Порту в готовности своей вступить... в ее подданство, коль скоро она согласится на справедливое их требование"¹²³.

С сообщением о принятых русским правительством мерах в январе 1806 г. в Сербию был отправлен капитан русской армии Утричич Требиньский (он же Бей Новокрещенный), который эмигрировал из Боснии и был принят на русскую военную службу в 1805 г. В связи с его прибытием в Сербию Карагеоргий писал русскому правительству, что появление в лагере повстанцев русского посланца "влило новый дух" в сердце сербских воинов. Теперь они переполнены желанием бороться со своими угнетателями, но для этого им нужны деньги, оружие, амуниция и опытные воины. Через неделю верховный вождь направил главнокомандующему русской армией на Днестре И.И. Михельсону письмо, в котором просил его прислать Бея Новокрещенного еще раз на более длительный срок для того, чтобы он "устроил неискусное воинство" сербов¹²⁴.

6. Проекты государственного устройства автономной Сербии и борьба группировок сербских старейшин за власть

Отказ сербских повстанцев признать белградским визирем Хафиз-пашу и пропустить его в Белград на деле означал, что руководители восстания и большинство сербского населения, несмотря на серьезные разногласия, все же решились до конца отстаивать начатое ими дело и продолжать борьбу до признания Портой условий, изложенных в прошении от 1 мая 1805 г. В связи с этим предводители восстания приняли решение явочным порядком брать в свои руки власть на местах. После освобождения от мятежных янычар городов и укрепленных населенных пунктов повстанческое руководство назначало туда свою администрацию и устанавливало порядки, обязательные как для сербского, так и для турецкого населения, с которым в особых случаях заключались мирные договоры (в Шабаце, Ужице и других городах). К. Йованович в письме от 4 августа 1805 г. митрополиту Ст. Стратимировичу так описывал начальный этап введения новых порядков в освобожденных от янычар районах. После взятия г. Ужице, писал он, для всего народа и повстанческого войска были изданы строгие приказы и постановления. Согласно этим приказам, все

люди должны были называть друг друга братьями. За оскорбление личности (души), веры и т.д. виновные подлежали телесному наказанию от 50 до 100 ударов палками. Если же кто поднимет оружие на своего собрата, то у него следовало отрубить руку. "И это теперь уже введено, — пишет К. Иванович, — ныне очень приятно слышать, что на переправах нет никакой ругани и один другого называет братом"¹²⁵.

Вопрос об учреждении центрального органа власти в автономной Сербии был официально поставлен в середине августа 1805 г. Однако при этом следует иметь в виду, что его постановке на скупщине предшествовала большая подготовительная работа. Как уже отмечалось выше, идея о характере верховного органа власти обсуждалась в Петербурге с сербскими депутатами осенью 1804 г. Тогда В.Н. Каразин внес предложение учредить в качестве центрального органа власти автономной Сербии Правительствующий совет¹²⁶. О центральном органе власти по типу Совета шла речь, правда в несколько завуалированной форме, и в пункте 2 сербского прошения султану от 1 мая 1805 г. В нем говорилось, что сербским народом должны управлять "народона начальники со своим из их среды избранным председателем"¹²⁷. В письме Карагеоргия, Я. Ненадовича, Я. Катича, М. Обреновича и С. Марковича от 8 июля 1805 г. сербским депутатам, находившимися в Константинополе, совершенно определенно сказано, что вопрос об учреждении Совета был решен и одобрен народом еще в начале июля 1805 г. "Благочестивое общество всего сербского народа, — говорилось в письме, — возобновило святилище Совета в монастыре Боговадже, находящемся в пределе Валеvской нахии". Если депутатам понадобится писать письма в Сербию, то с этого времени, т.е. с начала июля 1805 г., они должны направлять их в адрес "этого общества"¹²⁸. В своих мемуарах М. Ненадович писал по поводу создания Правительствующего совета или, как он его называл, Сената следующее.

После победы сербов у с. Иванковцы перед руководителями восстания встал вопрос о введении нового порядка в освобожденных от янычар районах. Разработка проекта его "устроения" была возложена на Божидача Груйовича, который и начал его писать в Бранковине. После составления проекта "устроения" Матвей Ненадович начал согласовывать его с воеводами (комендантами) Я. Ненадовичем, М. Обреновичем и кнезом Симой Марковичем. Тогда же М. Ненадович и Б. Груйович сообщили верховному вождю восстания, что скупщина, на которой будет обсуждаться вопрос об учреждении Правительствующего совета и об избрании Карагеоргия председателем (главой) Совета, состоится в монастыре Боговаджа 14 августа 1805 г. Они просили Карагеоргия прибыть на скупщину к указанному времени. Верховный вождь, которого, видимо, не устраивали отводимые ему место и роль в системе новых органов власти, отказался приехать в Боговаджу и назначил сбор в с. Борк, в доме кнеза Симы Марковича, где уже собралось более 300 человек¹²⁹.

Оставляя в стороне анализ причин, побудивших Карагеоргия к такому поступку, мы остановимся лишь на рассмотрении существа проекта об учреждении Правительствующего совета, составленного Б. Груйовичем¹³⁰.

Как было сказано выше, сербский депутат Федор Филипович, возвращаясь из Петербурга, должен был ехать на родину через австрийские владения. В середине февраля 1805 г. он заехал в Сремские Карловцы к митрополиту Ст. Стратимировичу. В Сербию он прибыл в конце февраля или в начале марта уже под именем Божидара Груйовича. Из письма К. Йовановича от 10 августа 1805 г., адресованного М. Ненадовичу и Б. Груйовичу видно, что последний, находясь в Сремских Карловцах, обсуждал с митрополитом вопрос о создании в повстанческой Сербии новых органов власти. В этом письме К. Йованович подробно излагает рекомендации Ст. Стратимировича по поводу разработки проекта управления автономной Сербией. По мнению Ст. Стратимировича, первый создаваемый в Сербии орган власти следовало бы называть "междувременным", а не "провизориальным", как его предлагал именовать Б. Груйович. Создание новой системы управления в Сербии, с точки зрения Стратимировича, следовало пока сохранять в тайне. "Никому ничего о вашем управлении не пишите до тех пор, пока оно немного не окрепнет", — говорилось в письме К. Йовановича. В нем же сербским повстанцам передавался совет митрополита изгонять из страны только янычар и спахивей, безжалостно эксплуатировавших народ. Ремесленников, земледельцев и других мирных турок, которые "живут сами по себе и не желают управлять райей", Стратимирович советовал оставить в Сербии, подчинить их новой власти и новому суду. Он также рекомендовал "распространять" среди турок сербский язык, учение и "книжество", чтобы они со временем "превратились в сербов и приумножили ваш язык и государство". Хорошее отношение к турецкому населению, справедливо полагал митрополит, могло бы способствовать тому, что оно со временем отдаст предпочтение новому порядку и будет его защищать. Изнав янычар и турецкое войско, наставлял Стратимирович, сербы ни в коем случае не должны выпускать из своих рук захваченную власть. Поскольку правительство Рагузинской республики боится сербов больше, чем турок, говорилось в письме К. Йовановича, то оно намерено искать защиты у французов, которые хотят ввести свои войска в Дубровник, а оттуда в пределы Османской империи. Имея в виду такую возможность, сербы также должны быть готовыми к отражению французского вторжения.

В отношении организации органов автономного управления Стратимирович рекомендовал:

- 1) хорошо организовать повстанческое воинство; 2) постоянно пополнять казну, в которую каждый человек должен платить налоги по своим возможностям; 3) учредить суд ("должны судить сербы и поставленные вами спахии, а не турецкие калии... Все должно быть так учреждено, чтобы вас турки не поколебали"); 4) ввести христианские законы и орга-

низовать православную церковь; 5) создать школы для обучения народа, учить читать и писать, как можно шире распространять сербские книги, заставить народ молиться богу.

На первом этапе формирования органов власти, разъяснял Ст. Стратимирович, система управления должна быть настолько простой, чтобы она была понятна каждому человеку. Организация войска, например, должна напоминать структуру корпуса австрийских граничар ("крајишников наших"). Это позволит вступать в него всем желающим. Налоги с населения могли бы собирать сельские кметы и кнезы, которые не служат в войске. Кнезы с выборными и приведенными к присяге ("заклетима") крестьянами и священниками могли бы первое время вершить суд. Что же касается переходящих из Австрии сербов (дезертиров), то Стратимирович рекомендовал не удерживать их у себя, чтобы не портить отношений с австрийскими властями. Но, с другой стороны, митрополит нисколько не возражал, если население Сербии будет пополняться за счет присоединяющихся к сербским повстанцам болгарских и других беженцев из разных областей Османской империи.

Призывая сербских старейшин к единству, Ст. Стратимирович убеждал их слушаться и защищать Карагеоргия, который, по его мнению, должен являть собой "средоточие сербской власти". В системе новой власти, говорится в письме К. Йовановича, "вы — только члены, а он — голова". М. Ненадович, по рекомендации Стратимировича, должен находиться вблизи Карагеоргия; а Б. Груйовичу он советовал не выпускать из своих рук дела организации автономного управления, поскольку оно без его знаний и учености может замереть. Органы сербского управления, настаивал Стратимирович, должны быть сформированы независимо от тех решений, которые будут приняты Портой. Для этого, пояснял он, сейчас сложились наиболее благоприятные условия, поскольку почти все европейские державы воюют между собой и им теперь нет дела до сербов, а султан сбит с толку неурядицами в провинциях своей империи. Он сейчас просто не знает, как ему следует поступить: то ли защищать сербов от их врагов, то ли применить против них силу и отказать им в их требованиях. Поэтому в сложившейся ситуации сербам было бы целесообразно отстаивать свои требования единодушно, настойчиво и без малейших уступок. "Лучше сейчас перенести все муки и кровопролитие, — излагает мнение митрополита К. Йованович, — и после жить в мире и безопасности, нежели оставаться, как прежде, угнетенными". В заключение Стратимирович еще раз напоминал, чтобы М. Ненадович и Б. Груйович никому не доверяли своих тайных замыслов создания нового управления в Сербии, кроме верховного вождя Карагеоргия и некоторых других предводителей восстания¹³¹.

Хотя на скупщине в с. Борк и не было принято окончательного решения об учреждении Правительствующего совета, однако Карагеоргий распорядился, чтобы в помощь М. Ненадовичу для ведения административных

дел были выделены по одному человеку от каждой из 12 нахий. Среди них были: В. Велимирович из Валеvской нахии, К. Йованович из Шабацкой нахии, Стоян из Рудницкой нахии, П. Попович из Белградской нахии и др. По определению М. Ненадовича, они должны были "стараться за весь сербский народ"¹³². Этот "эмбриональный" орган новой власти еще не имел официального статуса и рассматривался как вспомогательный административный аппарат при верховном предводителе сербского восстания. Он разместился в монастыре Волявча, а впоследствии перебрался в Бранковину. Свою деятельность административная группа начала с рассылки циркуляров по нахиям. В них разъяснялось, как следует организовывать новую власть на местах. Высшим органом власти, говорилось в циркулярах, является скупщина. В ее состав должны входить: воевода (военный поглаварь), сотник (булюбаша), представители духовенства (поп и монах) и от трех до шести крестьян из каждого села. Нахийская скупщина избирает трех человек в нахийский суд (магистрат)¹³³. Зафиксированный в мемуарах М. Ненадовича вариант местного управления, видимо, являл собой ту самую первоначальную и предельно простую форму организации "междувременного правления", которую рекомендовал учредить на первом этапе восстания митрополит Ст. Стратимирович.

Более обстоятельный и хорошо продуманный проект организации Правительствующего совета ("Устроение совета") был подготовлен Божидаром Груйовичем к заседанию несостоявшейся скупщины, которую предполагалось собрать 15 августа 1805 г. в монастыре Боговаджа. Согласно его проекту, в "Начальный правительствующий совет народный" избирались по одному "заслуженному мужу" от каждой из 12 нахий. "Эти 12, - пишет Б. Груйович, - должны управлять всем народом". Члены учрежденного Совета выбирают из своей среды на один месяц председателя или "поглаваря", который должен быть первым в Совете. "Что Совет определит, то он исполнит". Затем советники избирают между собой, по их способностям, секретаря и попечителей войска, казны, суда, просвящения и церкви, иностранных дел, полиции. Остальные советники соответственно становятся помощниками попечителей. Советники переизбираются один раз в год, а председатель - каждый месяц¹³⁴. В подготовленной к открытию скупщины речи Б. Груйович полнее и ярче раскрывает замысел своего проекта организации автономного управления в Сербии. Господином и судьей в народе, писал Б. Груйович, должен быть закон, который вытекает из воли народа. Ему должны подчиняться все: господа и поглавари, Правительствующий совет и священники, воины и народ. Сам же закон должен зиждиться на разуме и правде. Где их нет, там не может быть и закона. "Мы воздвигнем и прочно утвердим в Сербии эти два принципа - разум и правду. Только такой мудрый и праведный закон будет для нас первейшим повелителем и господином", - отмечал Б. Груйович. Основы нового порядка, провозглашал Груйович, должны быть зафиксированы в конституции. "Где есть хорошая конституция, то есть,

где есть хорошее установление закона и где хорошо организована власть по законам, - писал он, - там есть свобода и вольность, а там, где один или несколько (человек. - В.Г.) приказывают по своей воле, закона не существует... там гибнет воля народа ("вилает"), там нет свободы, безопасности ("сигурности") добра..." Б. Груйович акцентировал внимание на том, что новые законы никому не позволят обижать бедный народ, тем более избранным им же судьям и начальникам ("заповедникам"). Главной обязанностью народных начальников, разъяснял автор проекта, должно стать их старание о личной безопасности каждого человека, его семьи, дома, имущества и чести. Если избранный народом начальник забудет об этой обязанности, то он не достоин быть главой народа ("поглаварем").

Вторую основную функцию народных избранников Б. Груйович видел в их обязанности оберегать завоеванную народом свободу и помогать освобождению той части соотечественников, которая еще находилась под гнетом жестоких османских властей: "Лучше умереть, чем жить в поганом рабстве, только свобода делает нас людьми... Свобода и вольность дают простым воинам силу, воеводам и предводителям - мудрость и правосудие... Свобода Народный совет умудряет... В свободной земле поля приносят больший урожай, скот лучше плодится, хлеб становится вкуснее, а вино-веселит. Одним словом, - заключал свою речь Б. Груйович, - где нет свободы, там и жизни быть не может"¹³⁵.

Как видно из содержания самого проекта и особенно из записи вдохновенной, но не состоявшейся речи, предлагаемый вариант государственного устройства автономной Сербии был более демократичным, чем варианты организации органов власти, зафиксированные в самых общих чертах в прошении сербов от 1 мая 1805 г. и в рекомендациях митрополита Ст. Стратимировича. Проект Б. Груйовича, с нашей точки зрения, отвечал всем требованиям устройства буржуазно-демократической республики, но, видимо, во многом еще не соответствовал уровню социально-экономического и общественно-политического развития сербского общества того времени. Он в определенной мере был утопичен, поскольку не учитывал конкретных задач, стоявших перед восставшим, но еще не одержавшим окончательной победы сербским народом. С другой стороны, проект, как и речь Б. Груйовича, был явно направлен на ограничение власти верховного вождя. Ежемесячное переизбрание председателя Совета, по существу, лишало Карагеоргия той реальной власти, которую он уже успел себе обеспечить за полтора года руководства восстанием. Более того, в проекте и речи осуждались именно те отрицательные стороны в поведении главы народа - стремление к неограниченной власти, жестокость, нежелание считаться с законами и мнением народа, которые были присущи Карагеоргию. Видимо, это и послужило одной из причин того, что верховный вождь отказался приехать в монастырь Боговаджу и, решив продемонстрировать в чьих руках находится реальная власть и сила,

назначил сбор скупщины в с. Борк и отложил обсуждение вопроса об учреждении Правительствующего совета до представления нового, более соответствовавшего его требованиям проекта.

Однако последующие события показали, что сторонников демократических принципов правления было больше, чем противников, и они не собирались так легко уступать своих позиций, поскольку их поддерживали широкие слои народа. В октябре 1805 г. была собрана новая народная скупщина, на которой официально был учрежден Народный совет сербский. Сохранившиеся в советских архивах копии актов, утвержденных на скупщине 4-14 октября 1805 г., позволяют проследить процедуру учреждения этого центрального органа власти и характер принятых им первых законов и постановлений.

Как видно из протокола Народного совета, его первое, организационное, заседание состоялось 4 октября. На нем были приняты три постановления:

- 1) Верховным председателем Народного совета сербского избирается господарь Георгий Петрович, т.е. верховный вождь Карагеоргиев; 2) народный совет обязуется каждый день посылать рапорт о проделанной работе Карагеоргию; 3) принятые Советом решения должны утверждаться Карагеоргием.

Из этих постановлений видно, что Народный совет сделал значительную уступку верховному вождю, но отстоял свое право быть центральным органом власти под председательством и контролем Карагеоргия. О ежемесячном переизбрании председателя уже не было речи.

"Полное" заседание Народного совета состоялось 10 октября. В этот день были приняты шесть постановлений:

- 1) провести в освобожденных районах Сербии поименную перепись всех торговцев с указанием, к какой категории каждый из них относится: мелкой, средней, крупной; 2) учесть в каждой нахии большие и малые питейные заведения ("ме/х/ана"), облагаемые налогом водяные мельницы ("беглучни воденице") с указанием числа жерновов ("витлова"); 3) учесть по всей Сербии лиц, вносящих в казну десятину, которая при любых условиях должна быть уплачена в срок; 4) обязать каждую нахию провести перепись налогоплательщиков беглука (спахийского налога) и собрать с них налог. Отчет о выполнении этого пункта постановления представить в Народный совет; 5) деньги, собранные в счет беглука должны быть переданы в кассу Народного совета, который использует их на нужды народа; 6) в счет жировницы (налог на свиней) следует взимать по 4 пара (мелкая монета) с каждой свиньи, пасущейся в дубравах. С введением в действие нового закона сбор желудей в лесу запрещается. Деньги, собранные за жировницу, также пойдут на народные нужды.

Принятые Народным советом 10 октября постановления свидетельствуют о том, что новый орган власти своими первыми актами стремился

упорядочить существовавшую в Османской империи систему налогов. Старые налоги не отменялись и не снижались. Изменения касались лишь их получателей. Вместо спахийев, визирия и Порты их теперь занимал Народный совет, который обязался тратить собранные деньги на общественные нужды.

На следующем, также "полном" заседании Совета, состоявшемся 14 октября, был принят декрет об "Учреждении судейств для всей Сербии". В соответствии с ним в каждой нахии и в каждом селе создавались местные суды. В сельский суд избирались два или три крестьянина (кметы) и местный кнез. Кнез, кметы и сельский священник (поп) каждое воскресенье и в другие праздничные дни должны были собираться у церкви и вершить правый суд по требованию всех, кто в этом нуждался. В качестве следующей судебной инстанции учреждался т.н. кнезов суд, т.е. суд в срезе (военном округе). В него избирались: кнез данного среза, два или три наиболее авторитетных крестьянина и представитель церкви (наместник срезского священника). Третью судебную инстанцию должен был представлять "нахийский суд", в который входили: нахийский кнез (поглаварь), три или четыре крестьянина из этой нахии, протопоп, его наместник и еще один священник. Высшую судебную инстанцию представлял "Великий народный суд", функции которого возлагались на "Правительствующий совет народный". Согласно этому декрету, принятые Народным советом законы, постановления и распоряжения передавались нижестоящим инстанциям, которые и доводили их до сведения народа. В тех случаях, когда решение одной из нижестоящих судебных инстанций не удовлетворяло истца или ответчика, они имели право обращаться в следующую, вышестоящую инстанцию вплоть до Народного совета. Если нахийский поглаварь или срезский кнез пойдут на войну, то они обязаны оставлять вместо себя заместителей.

Помимо организации гражданских судов, законодательный акт от 14 октября предусматривал создание церковных (священнических) судов, которые подразделялись на наместнический, протоиерейский и архиерейский. Их члены входили соответственно в состав гражданских судебных инстанций.

Двумя днями раньше, т.е. 12 октября, в "полном заседании и единодушно" Народный совет принял закон под названием "Сербская свобода". По важности его содержания и по форме излагаемых в нем статей этот документ может быть приравнен только к актам конституционного значения. "Сербская свобода" подразделялась на пять пунктов:

1. Отныне никто не властен погубить даже самого виновного человека. Виновного в убийстве может судить только Верховный народный суд; только он может дать разрешение привести в исполнение вынесенный им приговор. Верховный суд рассматривает также дела, связанные с утратой свободы, ибо потеря свободы приравнивается к гражданской смерти. Дела, связанные с розгами ("кошчига"), приравнивающиеся к "полусмерти", также решаются только в высшей судебной инстанции.

2. Денежные штрафы ("глоба"), брань, удары булава и секирой отменяются. Справедливыми и общепризнанными наказаниями по всей Сербии будут считаться тюрьма и розги.

3. Каждый человек, большой и малый, богатый и бедный, может обращаться в Народный совет и просить содействия в облегчении его тягот.

4. Каждый житель Сербии может свободно присылать в Народный совет свои проекты и предложения о том, что и где можно лучше исправить, установить или завести. Все это называется "Сербская свобода". Народный совет все внесенные предложения с радостью и благодарностью примет и в свое время употребит в дело.

5. Каждый человек по своему благоразумию может свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом ("добром") и продавать его кому захочет. Всякая предварительная купля и перекупка запрещаются¹³⁶.

Принятые 4-14 октября законодательные акты при их дальнейшем усовершенствовании вполне могли бы составить основу буржуазно-демократической конституции, которая отвечала бы интересам самых широких слоев сербского народа. Однако они, как и первоначальный проект Б. Груйовича, еще не соответствовали ни уровню экономического развития страны, в которой еще сохранялась значительная часть феодальной системы налогообложения, господствовавшей в Османской империи, ни уровню общественного самосознания. Новые законы открывали широкие возможности для развития торговли, ремесла и различных промыслов. Однако реализация этих возможностей в условиях всенародного восстания была крайне ограничена. Далеко не все положения законов устраивали и главных воевод, которые пользовались неограниченной властью. Чтобы не отпугнуть от себя широкие массы крестьянства и ремесленников, верховный вожь и большинство местных воевод были вынуждены идти на временный компромисс со сторонниками "Сербской свободы" и из демагогических соображений скрепили своими подписями эти акты. Тем не менее Карагеоргий и многие из главных воевод по-прежнему продолжали проводить нужную им политику, мало заботясь о введении новых законов в жизнь. В связи с этим М. Ненадович и Б. Груйович настояли на созыве новой скупщины. В 20-х числах ноября 1805 г. был организован, как значится в протоколе, "всеобщий Народный сбор в городе Смедерево, на котором присутствовали все советники, все поглавари и коменданты, великие кнезы вилаетские от всех нахий". На скупщине было заключено соглашение между Правительствующим советом и главными военачальниками о распределении функций управления страной. Это соглашение, скрепленное подписями и печатями тринадцати главных предводителей восстания, состояло из девяти пунктов, которые гласили:

«1. Мы хотим, чтобы от имени всего сербского народа верховная власть была предоставлена Народному собору, который называется Народным советом и будет состоять из кметов от всех нахий и одного секретаря.

2. Мы предоставляем Народному совету верховную власть издавать постановления ["заповести"] всем гражданским ["мирским"] и церковным поглаварям, кнезам, воеводам, бимбашам и вообще всем сербам, а также архиереям и священнослужителям. Если же кто из них оставит без внимания постановления своего Народного совета или не будет его слушать... либо уважать советника или любого члена Совета, либо обесчестит их, обругает или оскорбит, то пусть тот знает, что вместе с ним он оскорбляет весь простой народ ["сиротину"]. Мы все вместе готовы со всем народом по приказу Совета изо всей силы ударить того, кто будет противиться этому постановлению ["суду"] и Совету. Мы все в этом клянемся. Совет народный будет защищать их власть и их честь вместе с жизнью, когда это потребует. Мы обязуемся и клятвенно заверяем слушать и уважать этот Народный совет как своего старшего. И если получим из Совета какой-либо приказ ["заповесть"], то с покорностью и с пристойным вниманием обязуемся его выполнять. Мы сами и весь народ обязуемся и всенародно клянемся сохранять послушание и совершенную покорность...

3. Мы предоставляем Народному совету всю полноту законодательной власти ["вилаетскую власть"] устанавливать в народе любые учреждения. Что Совет решит, то и будет исполнено.

4. Мы передаем Народному совету кассу, народную казну, право собирать налоги, получать доходы: с перевозов ["скале держати"], собирать спahiйские налоги ["беглук"] и хранить все общенародные доходы ["вилаетско благо"]. Если сербскому народу "вилаету" понадобятся оружие, боеприпасы или что-нибудь другое, то об этом должен заботиться Народный совет.

5. Совету предоставляется власть утверждать избранных народом поглаварей, воевод, старейшин, кнезов и буюкбашей. Каждому из утвержденных (начальников. - В.Г.) вручается подтверждающее письмо за подписью Народного совета и общинского мира.

6. Мы даем им власть управлять городом Смедерево, а в будущем, если бог даст, и другими (городами. - В.Г.). Все другие городские коменданты пусть находятся под властью и началом Народного совета.

7. Народный совет является высшей судебной инстанцией, и выше него суда не должно быть. В городе Смедерево никто, кроме него, не имеет права вершить суд...

8. С этого времени, кроме Верховного суда, ни одна судебная инстанция не имеет права приговаривать людей к смертной казни и розгам до полусмерти. Это право принадлежит исключительно Народному совету.

9. С момента принятия данного постановления ["за сад"] старейшиной и председателем Народного совета становится протоиерей Матвей (Ненадович. - В.Г.), а все остальные господа советники имеют одинаковую власть судить и советовать. В дальнейшем Совет имеет право увеличивать число своих членов, перемещать их на другие места, изменять свои

прежние решения ["поправляти себе"] и изменять его прежнюю структуру ["уреживати себе"].>

Документ подписали: "Верховный комендант Карагеоргий, комендант Валеvской нахии Яков Ненадович, обер-кнез Сима Маркович, Янко Катич, пожаревацкий комендант Миленко Стойкович, кнез Аксентий, шабацкий комендант Лука Лазаревич, воевода Новак, смедеревский воевода Вуица, левачский кнез Евто, ресавский кнез Стефан, кнез и воевода валеvский Милован Грбич, ужицкий воевода Алекса Лукич. Все подписи были скреплены личными печатями. В заключительной части документа указано: "Записано в городе Смедерево на общенародном сборе, на сербской скупщине 25 ноября 1805 года"¹³⁷.

Через пять дней после принятия этого решения М. Ненадович и Б. Груйович сообщили И.Ф. Болкунову, что Народный совет был составлен из 12 избранных скупщиной кметов, по одному от каждой из 12 нахий. Между Народным советом и сербскими воеводами, писали председатель и секретарь этого Совета, теперь "полнейшее согласие царствует; всех единодушная ревность оживляет"¹³⁸. Написанные в тот же день обращение сербского народа к русскому царю и прошение турецкому султану были подписаны "Председателем и старейшиной Народного совета" М. Ненадовичем, "вождем и верховным военачальником сербов" Карагеоргием и другими членами Народного совета¹³⁹. В письме Италинскому от 2 января 1806 г. Б. Груйович так писал по этому поводу: "Новоустановленному Совету Народному иже в Смедереве ведение всех народных дел с совершенною властью передано есть". Он просил А.Я. Италинского всю корреспонденцию, предназначенную для сербов, направлять только в адрес Народного совета"¹⁴⁰.

Между тем дальнейшее развитие событий показывает, что отношения между Правительствующим советом и верховным вождем складывались далеко не так, как этого хотели М. Ненадович и Б. Груйович. Карагеоргий и местные воеводы не торопились выполнять данную ими на скупщине клятву. Они по-прежнему не хотели упускать власти из своих рук. Опираясь на поддержку местных органов новой власти, М. Ненадович и Б. Груйович еще раз настояли на том, чтобы решения смедеревской скупщины были повторно подтверждены на декабрьской скупщине 1805 г. Но на этот раз их расчеты не оправдались. "Карагеоргий и все остальные воеводы, - пишет В. Караджич, - остались, как и прежде, а Совет, хоть и не был подтвержден в качестве верховной власти, однако, продолжал все больше и больше вмешиваться в дела управления землей"¹⁴¹. Свидетельство В. Караджича отчасти подтверждается и сообщением корреспондента газеты "Moniteur" из Землина о том, что в декабре 1805 г. в Сербии было принято решение о предоставлении воеводам права расстреливать провинившихся воинов на месте, не давая отчета вышестоящим инстанциям¹⁴². В результате разгоревшейся борьбы предводителей сербского восстания за власть, значение Правительствующего совета как органа верховной власти с 1806 г. пошло на убыль.

Рассмотренные в главе VI факты дают основание заключить, что, начиная со второй половины июля 1805 г., предводители сербского восстания, несмотря на имевшиеся среди них разногласия, сумели убедить народные массы в необходимости продолжать восстание до полного удовлетворения требований, изложенных в прошении сербского народа султану. В соответствии с принятым решением сербские повстанцы отказались признать назначенного Портой мухазифом в Белград Хафиз-пашу, их предводители своей властью стали назначать в освобожденные города и районы сербскую администрацию. К декабрю 1805 г. сербские повстанцы в ходе успешного наступления освободили от янычар, войск Хафиз-паши, Шашит-паши, Реджеб-аги почти все, кроме Белграда, основные укрепленные города в Белградском пашалыке и начали операции против засевших в Белграде кирджалиев Кусанджали Халила, а также вступили в пределы владений Пазванд-оглу.

Приведенные факты дают основание считать, что с началом вооруженной борьбы повстанцев против войск, преданных Порте, а заодно и мятежных пашей и аянов, сербское восстание к концу 1805 г. переросло рамки локального сербо-янычарского конфликта и обрело форму национально-освободительного движения с определившейся на ближайшие годы программой борьбы за создание автономного государства.

Основные положения этой программы предусматривали использование всех доступных сербскому народу форм борьбы, в том числе и вооруженной, для того чтобы принудить правительство Османской империи предоставить Сербии автономию, вывести с ее территории не только мятежных и непокорных Порте янычар и кирджалиев, но и войска преданных ей пашей вместе с турецкой администрацией. Предоставленное сербам право автономии должно быть гарантировано Россией. Однако в пределах автономного государства, помимо сербов, могли оставаться по желанию турецкое население и беженцы из разных областей Османской империи. Согласно разработанным и принятым на октябрьской и ноябрьской 1805 г. скупщинах законам, новое автономное государство независимо от решений Порты провозглашалось республикой. В качестве центрального органа власти утверждался выборный Правительствующий совет сербский, а в качестве местных органов власти — городские, нахийские и сельские скупщины и суды, члены которых также избирались народом. Однако из-за разногласий внутри повстанческого руководства, структура центрального органа власти периодически менялась на протяжении всего восстания.

За создание нового автономного государства на Балканах в составе Османской империи выступала только Россия. Ее правительство и дипломатия на всех уровнях отстаивали права сербского народа перед правительствами Турции, Англии, Австрии и других европейских держав. Против же выступали не только враги России, но и ее союзники по антифранцузской коалиции. Особенно активно противодействовали осуществле-

нию этой идеи Франция и Австрия. Министр иностранных дел Франции Ш. Талейран, в частности, в июне 1806 г. направил в Константинополь П. Ришфену инструкцию, в которой предписал французскому поверенному в делах передать Порте ноту с заявлением, где должно быть сказано, что Россия в отношении Турции действует не как ее союзник, а как враждебное государство, поскольку она пытается "вывести из ее подчинения Сербию, как она уже вывела Молдавию и Валахию"¹⁴³. Через две с лишним недели Ш. Талейран уже настаивал на том, чтобы Порта в зародыше задушила восстание сербов и тем самым лишила Россию ее влияния на них¹⁴⁴.

В последующие годы национально-освободительное движение сербского народа проходило в условиях более активного и сложного противоборства внутренних и внешних сил, к которым добавились не менее сложные классовые противоречия внутри сербского общества. Не прекратилась и борьба группировок в среде повстанческого руководства, которые к тому же придерживались разной внешнеполитической ориентации.

¹Первое сербское... Кн. 1. С. 44-46.

²В частности, М. Ненадович неточно указал даты прибытия депутатов в Бухарест и Яссы, а также не изложил сути прошения сербских депутатов в разговорах с русскими консулами. Об этом см.: В у к и ћ е - в и ћ М. Карађорђе. Књ II. С. 633. Примеч. № 417.

³Первое сербское... Кн. 1. С. 46-48. Кирико - Жерве, 8 сентября 1804 г.

⁴Там же. С. 49-50. Жерве - Черторийскому, 14 сентября 1804 г.

⁵АВПР. Ф. ГА 1-8. 1804-1806. Д. 2. Ч. I. Л. 10, 10 об. Эссен - Кочубею, 27 сентября 1804 г.

⁶Там же. Л. 1-3, 4-8.

⁷Первое сербское... Кн. 1. С. 54. Италинский - Чарторийскому, 17(29) октября 1804 г.

⁸Там же. С. 60-62.

⁹Там же.

¹⁰О личности В.Н. Каразина и его плане см.: Д о с т я н И.С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Сов. славяноведение. 1970. № 5. С. 15-19.

¹¹АВПР. Ф. Канцелярия. 1804. Д. 5074. Л. 1-2. В.Н. Каразин - Чарторийскому, 21 ноября 1804 г. Сравни оригинал с копией, опубликованной в "Собраниях, письмах и бумагах В.Н. Каразина", изданных под ред. Д.И. Боголея. Харьков, 1910.

¹²На этот пост В.Н. Каразин предлагал себя, но при условии, если "сия особая милость... останется неизвестной даже самой сербской нации".

¹³Т.е. в соответствии с тем ответом, который даст депутатам царь.

¹⁴П е ј о в и ћ Ђ. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд. 1981. С. 47-48.

¹⁵Об этом см.: Д о с т я н И.С. Из истории русско-сербских связей... С. 16-17; Г а в р и л о в и ћ Сл. Војводина и Србија. С. 20-24.

¹⁶Докладная записка Чарторийского царю не имеет даты. Но на ее полях есть помета: "Составлен рескрипт министру финансов ноября 28 дня 1804 г. об отпуске товарищу МИД на известное употребление

- 3000 голл (андских) червонных, которые подлежать будут к доставлению сербам вместо 20 000 пиастров, о коих здесь упоминается" (ВПР. II. С. 203-204; Первое сербское... Кн. 1. С. 64-67).
- 17 Первое сербское... Кн. 1. С. 64-66.
- 18 О тайных связях К. Ипсиланти с Россией см.: Семенова Л.Е. Константин Ипсиланти и первое сербское восстание // Югословенские земли и Русија. С. 220-245.
- 19 Первое сербское... Кн. 1. С. 67-76.
- 20 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804. Д. 39. Л. 434-455. Чарторыйский - Италинскому, 17 декабря 1804 г.
- 21 Первое сербское... Кн. 1. С. 77-78.
- 22 Там же. С. 80-81.
- 23 "Доставление Порте в настоящее время известий о депутатах, - писал посланник 17(29) января 1805 г., - не может не произвести у нее впечатления и предосудительного пользам нашим и крайне вредного оному народу. Когда духовенство и мирное начальство Сербии представит султану прошение о прекращении бедствий отечественного их края и об образовании состояния его сходственно с общим и правым их желанием, тогда я, обратя по высочайшей воле старания мой в пользу прошения оного, предоставлю, согласно с предписанием вашего сиятельства, выгоды и преимущества, коих пожалования Сербия заслуживает, и найду удобность так изъясниться с министерством о выше-сказанных депутатах, что не представляю ему никакого основания приписывать то существованию каких-либо подозрительных связей между Россией и Сербией" (АВПР. Ф. Канцелярия. 1805. Д. 2249. Л. 35-36. Италинский - Чарторыйскому, 17/29 января 1805 г.).
- 24 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1805. Д. 122. Л. 69. Кирико - Жерве. 6 января 1805 г.
- 25 АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. I. П. 2. Л. 2, 4. Болкунов - Чарторыйскому, 16 января 1805 г.
- 26 Первое сербское... Кн. 1. С. 83-84. Записка... до 30 января 1805 г.; Documente... Vol. IV. P. 571-572.
- 27 Первое сербское... Кн. 1. С. 86-87. Болкунов - Чарторыйскому, 2 февраля 1805 г.
- 28 Там же. С. 88-89. Волков - Болкунову, 14 февраля 1805 г.
- 29 21 февраля 1805 г. И.Ф. Болкунов известил Чарторыйского, что по возвращению Волкова из Бухареста, т.е. 14 февраля 1805 г., к нему явился П. Новакович, который задержался в пути "по причине... жестокой стужи и некоторых своих домашних распоряжений" (АВПР. ГА 1-9. Д. 5. Ч. I. П. 3. Л. 15).
- 30 Из письма Ст. Стратимировича Г.И. Терлаичу от 16 февраля 1805 г. известно, что Ф. Филипович 15 февраля 1805 г. прибыл в Сремски Карловци и передал митрополиту книги, которые дал ему в Петербурге Г.И. Терлаич (Први српски... Књ. 1. С. 112).
- 32 АВПР. Ф. ГА 1-9. 1802-1805. Д. 8. П. 10. Л. 14-15. Ипсиланти - Чарторыйскому, 29 января 1805 г.
- 33 Первое сербское... Кн. 1. С. 88-89. Волков - Болкунову, 14 февраля 1805 г.
- 34 Први српски... Књ. 1. С. 109-111. Сербские старейшины - Францу II, 10 февраля 1805 г.
- 35 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 122. Л. 107-108. Записка... до 5 марта. Этот факт по каким-то соображениям не вошел в опубликованный вариант Записки... См.: Documente... Vol. IV. P. 575.
- 36 Ibidem.
- 37 Первое сербское... Кн. 1. С. 90-94.

- 38 Documente... Vol. IV. P. 576. Записка... до 24 марта 1805 г.
- 39 Ibid. P. 577. Записки .. до 19 апреля 1805 г.
- 40 Ibid. P. 574. Записка... до 16 февраля 1805 г.
- 41 Ibid. P. 577. Записка... до 19 апреля 1805 г.
- 42 Ibid. P. 577. Записка... до 19 апреля 1805 г.
- 43 Ibid. P. 578. Записка... до 28 апреля 1805 г. Подробнее см.:
Г р а ч е в В.П. Към въпроса...
- 44 Moniteur. 1805. 31.III (12.IV.); 16(28).IV.; Об этом см.:
В у к и њ е в и њ М. Караџорџе. Књ. II. С. 234.
- 45 АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. I. П. 5. Л. 6-10. Болкунов - Чарторыйскому, 23 апреля 1805 г.; Documente... Vol. IV. P. 578. Записка... до 28 апреля 1805 г.
- 46 Первое сербское... Кн. 1. С. 97. Болкунов - Чарторыйскому, 27 марта 1805 г.
- 47 Documente... Vol. IV. P. 589. Записка... до 28 мая 1805 г.
- 48 АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 2249. Л. 628-629. К. Ипсиланти - Италинскому, 3(15) июня 1805 г.; М и л о с а в л е в и њ П. Бој на Иванковцу. С. 29-56.
- 49 Посылка уполномоченных представителей предусматривалась и раньше (Об этом см. Первое сербское... Кн. 1. С. 101-103. Италинский - Чарторыйскому, 4/16 апреля 1805 г.). Однако в связи с изменениями состава администрации и разработкой нового плана урегулирования белградского конфликта, поездка уполномоченных была отложена до 11 мая 1805 г.
- 50 АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. I. П. 7. Л. 15-16. Болкунов - Чарторыйскому, 14 июня 1805 г.
- 51 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 136/6. Л. 112-113. Записка... до 22 апреля 1805 г.
- 52 Documente... Vol. IV. P. 578. Записка... до 28 мая 1805 г.
- 53 АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. I. П. 6. Л. 4. Болкунов - Чарторыйскому, 1 мая 1805 г.
- 54 Первое сербское... Кн. 1. С. 125-129. Кирико - Италинскому, 18-20 мая 1805 г.
- 54a Documente... Vol. IV. P. 58. Записка... до 10 июня 1805 г.
- 55 Први српски... Књ. 1. С. 130-132. К. Йованович - Ст. Стратимировичу, 14 августа 1805 г. С. 133-134. Л. Мушнцики - Г. Терлаичу, 7 августа; В у к и њ е в и њ М. Караџорџе. Књ. II. С. 277-279.
- 56 Первое сербское... Кн. 1. С. 159-161. Кирико - Болкунову, 11 сентября 1805 г.
- 57 АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 2996. Л. 31-35. К. Фонтон - Чарторыйскому, 1(13) августа 1805 г.
- 58 Там же. Д. 2956. Л. 38, 40. К. Фонтон - Чарторыйскому, 10(22) сентября 1805 г.
- 59 Documente... Vol. IV. P. 580-582. Записки... до 28 мая, до 10 и до 28 июня 1805 г.
- 60 Ibid. P. 582. Записка... до 28 июня 1805 г.
- 61 Ibid. P. 583-584. Записка... до 15 июля 1805 г.
- 62 Первое сербское... Кн. 1. С. 149. Болкунов - Чарторыйскому, 19 июля 1805 г.
- 63 АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д. 2249. Л. 628-629. Ипсиланти - Италинскому, 3 июля 1805 г.

- 64 В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 227-240; Зорџевић М. Политичка историја Србије XIX века. Београд, 1956. Књ. 1. С. 109-112.
- 65 Первое сербское... Кн. 1. С. 101-108. Италинский - Чарторыйскому, 4(16) апреля 1805 г.
- 66 Первое сербское... Књ. 1. С. 103-106. Кирико - Италинскому, 15 апреля 1805 г.
- 67 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1805. Д. 136/1. Л. 83. Болкунов - Италинскому, 19 апреля 1805 г.
- 68 Первое сербское... Кн. 1. С. 103-106.
- 69 З о р џ е в и њ М. Политичка историја... Књ. 1. С. 110.
- 70 Первое сербское... Кн. 1. С. 108-111.
- 71 Там же. С. 114-115; АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 3163. Л. 25-26. Карагеоргий, Я. Ненадович - Италинскому, июль 1805 г. (без числа).
- 72 Первое сербское... Кн. 1. С. 116-119.
- 73 Там же. С. 122-123; АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 136/5. Л. 147-149, Кирико - Италинскому, 11 мая 1805 г.
- 74 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 122. Л. 159. Кирико - Болкунову, 12 мая 1805 г.
- 75 Первое сербское... Кн. 1. С. 125-128.
- 76 Там же. С. 129-131. Италинский - Чарторыйскому, 2(14) июня 1805 г.
- 77 Там же. С. 135. Чарторыйский - Италинскому, 4 июня 1805 г.
- 78 Там же. С. 135-137. Чарторыйский - Болкунову, 4 июня 1805 г.
- 79 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 110. Л. 98-99. Италинский - Болкунову, 19 июня 1805 г.
- 80 Первое сербское... Кн. 1. С. 139-142. Италинский - Чарторыйскому, 18(30) июня 1805 г.
- 81 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 45. Л. 179-181. Чарторыйский - Италинскому, 18 июля 1805 г.
- 82 Там же. Л. 129-131. Италинский - Чарторыйскому 2(14) июня 1805 г.
- 83 Там же. Л. 139-141, 144-146. Италинский - Чарторыйскому, 18(30) июня и 2(14) июля 1805 г.
- 84 П. Новакович писал по этому поводу, что Порта настаивает на том, чтобы Хафиз-паша "с его войском в Белграде низам поставил" (АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 122. Л. 19. П. Новакович - Петраки, 7 июля 1806 г.).
- 85 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 139. Л. 17-18; там же. Д. 136/5. Л. 89-90. Кирико - Италинскому, 3(15) и 6(18) августа 1805 г.; там же. ГА 1-9. Д. 5. Ч. II. П. 9. Л. 6-8. Кирико - Болкунову, 3 августа 1805 г.; там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 122. Л. 27. Кирико - Болкунову, 14 августа 1805 г.
- 86 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 45. Л. 170-173. Чарторыйский - Италинскому, 4 июля 1805 г.
- 87 Там же.
- 88 М и л о с а в л е в и њ П. Бој на Иванковцу... С. 55-56.
- 89 В у к и њ е в и ч њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 256.
- 90 Там же. С. 287.
- 91 Первое сербское... Кн. 1. С. 150.
- 92 Там же. С. 159-161. Кирико - Болкунову, 11 сентября 1805 г.

- 93 АВПР. Ф. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. II. П. 5. Л. 29. Свидетельство Д.Х. Джайковичу, выданное Правительствующим советом сербским 12 апреля 1806 г. во время второго приезда Джайковича в Смедерево для передачи сербам 10 тыс. червонных.
- 94 Первое сербское... Кн. 1. С. 159-161. Кирико - Болкунову, 11 сентября 1805 г. 18(30) августа 1805 г.
- 95 Там же. С. 155; Италинский - Болкунову, 18(30) августа 1805 г.
- 95 Там же. С. 152-155. Италинский - Чарторыйскому, 17 августа 1805 г. 18(30) августа 1805 г.
- 96 Там же.
- 97 Там же. С. 155; Италинский - Болкунову, 18(30) августа 1805 г.
- 98 Там же. С. 166-167. Италинский - Болкунову, 3(15) октября 1805 г.
- 99 Documente... Vol. IV. P. 585. Записка... до 26 августа 1805 г.
- 100 Первое сербское... Кн. 1. С. 162-163. Болкунов - Чарторыйскому 20 сентября 1805 г.
- 101 Там же. С. 166-167. Италинский - Болкунову, 3 октября 1805 г.
- 102 Там же. С. 169-171. Италинский - Чарторыйскому, 17 октября 1805 г.
- 103 Там же.
- 104 Там же.
- 105 Там же. С. 197-199. Б. Груйович - Италинскому, 2 января 1805 г.
- 106 АВПР. ГА 1-9. 1805. Д. 8. П. 10. Л. 130. Ипсиланти - Чарторыйскому, 22 октября 1805 г.
- 107 Первое сербское... Кн. 1. С. 172-174. Италинский - Чарторыйскому, 3(15) ноября 1805 г.
- 108 Бекир-паша к этому времени был переведен в Бендеры.
- 109 В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 343-344.
- 110 Б а л а с ч е в Г. Неиздаты турски документи о српском устанку // Српски књижевни Гласник. Београд, 1905. Књ. XIV. С. 29; В у к и њ е в и њ М. Караџорђе. Књ. II. С. 344.
- 111 Documente... Vol. IV. P. 595. Записка... до 14 ноября 1805 г.
- 112 Смедерево было блокировано сербскими повстанцами еще в середине сентября. Сербь трижды штурмовали крепость, но разлив Дуная помешал им тогда ею овладеть (АВПР. ГА 1-9. 1804. Д. 5. Ч. I. П. 10).
- 113 М у т а ф ч и е в а В. Кърджалиско... С. 302-303.
- 114 Первое сербское... Кн. 1. С. 187-193. Италинский - Чарторыйскому, 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.).
- 115 Там же. С. 178. Записка... до 28 ноября 1805 г.
- 116 Там же. С. 182-185. Оправдательное прошение сербского народа к султану, 30 ноября 1805 г.
- 117 Там же. С. 178-182. Карагеоргий, М. Ненадович - Александру I, 30 ноября 1805 г.
- 118 АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 130. Л. 105-106. Ненадович, Груйович - Болкунову, 30 ноября 1805 г.
- 119 Первое сербское... Кн. 1. С. 187. Италинский - Чарторыйскому, 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.); АВПР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 110. Л. 209-210. Италинский - Болкунову, 2(14) декабря 1805 г.
- 120 АВПР. ГА 1-9. Д. 5. Ч. II. П. 1. Л. 6-7. Болкунов - Чарторыйскому, 2(14) января 1806 г.
- 121 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д. 865. Л. 10. Кирико - Италинскому, 15(27) января 1806 г.; Первое сербское... Кн. 1. С. 202-203. Записка... до 15 января 1806 г.

- 122 Первое сербское... Кн. 1. С. 200-202. Доклад Чарторыйского Александру I, 11 января 1806 г.
- 123 Там же.
- 124 ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 395. Л. 84-85. Карагеоргий - Михельсону, 18(30) января 1806 г.
- 125 Први српски... Књ. 1. С. 130-132.
- 126 См. стр. 147. настоящей книги.
- 127 Первое сербское... Кн. 1. С. 116-119. Пршение сербского народа султану Селиму III, 1 мая 1805 г.
- 128 АВНР. Ф. Посольство в Константинополе. 1804 г. Д. 3163. Л. 11-12; Карагеоргий и др. - сербским депутатам в Константинополе, 8 июля 1805 г.
- 129 Н е н а д о в и њ М. Мемоари. Београд. 1867. С. 187-188.
- 130 О причинах, побудивших Карагеоргия перенести время и место августовской скупщины 1805 г., существует большая литература, обзор которой см.: Д е с н и ц а Г. Стварање српске државе у револуцији 1804-1813 гг. Београд, 1977. С. 70-73.
- 131 Прво српски... Књ. 1. С. 134-137; К. Йованович - Якову и Матвею Ненадовичам и Б. Груйовичу, 10 августа 1805 г.
- 132 Н е н а д о в и њ М. Мемоари. С. 190.
- 133 Там же. С. 190-191.
- 134 Там же. С. 291-293. Приложение № 4.
- 135 Там же. С. 295-297. Приложение № 5. "Слово" Б. Груйовича.
- 136 ЦГВИА СССР. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 605. Л. 1-4 ("Спис из актов народных сербских").
- 137 Там же. Ср.: Д е с н и ц а Г. Проект решения смедеревской скупщины 1805 г. // Исторический архив АН СССР. М., 1961. С. 252-254; О н ж е. Стварање... С. 81-84.
- 138 АВНР. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д. 130. Л. 105-106. М. Ненадович, Б. Груйович - Болкунову, 30 ноября 1805 г.
- 139 Первое сербское... Кн. 1. С. 178-185:
- 140 Там же. С. 197-199. Груйович - Италинскому, 2 января 1806 г.
- 141 К а р а џ и њ В. Ст. Правительствующий Совет Сербский за време Карагеоргиева. Историјски списи. Т. II // Сабрана дела В. Караџића. Београд, 1969. Т. XVI. С. 55-56.
- 142 Moniteur. 1806. 20.1.
- 143 Первое сербское... Кн. 1. С. 263-264. Ш. Талейран - П. Рюффену, 8(20) июня 1806 г.
- 144 АВНР. Ф. Канцелярия. 1806. Д. 11 524. Л. 66. Талейран - Рюффену. 25 июня 1806 г. Об этом см.: Г р а ч е в В.П. Начальный этап русской политики в отношении сербского восстания 1804-1813 гг. // Югословенске земље и Русија... С. 191-192.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историографии второй половины XX в., рассматривающей национально-освободительные движения первой трети XIX в. в балканских владениях Османской империи как буржуазные революции, предпосылки этих движений чаще всего характеризуются по общепринятой в марксистской историографии схеме: разложение феодальной формации, развитие товарно-денежных отношений, накопление капитала, формирование национальной буржуазии, которая идеологически подготавливает и возглавляет движение. Такой же схемы придерживаются некоторые исследователи и при раскрытии предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. В качестве основных факторов они обычно справедливо указывают на разложение тимарной системы и на предоставленные сербам Белградского пашалыка в 90-х годах XVIII в. привилегии, которые, с их точки зрения, в течение 10–15 лет способствовали созданию благоприятных условий для ускоренного развития всех сфер народного хозяйства, торговли и т.д. Но при доказательстве последнего положения исследователи, почему то, не хотят принимать во внимание, казалось бы, очевидные факты, которые свидетельствуют о разрушенном войной 1787–1791 гг. хозяйстве, о массовой миграции и эпидемии чумы, в результате которых большая половина жителей покинула Белградский пашалык в 1793–1795 гг., о действовавших до 1797 г. карантинах, препятствовавших нормальному развитию внешней торговли, о сепаратизме и междоусобной борьбе румелийских пашей и аянов, о необузданном разгуле кирджалийских банд, о непрерывных мятежах янычар, которые в 1801 г. привели к установлению кровавой диктатуры и отмене объявленных в 90-х годах привилегий сербам Белградского пашалыка и т.д. Ведь все это вместе взятое, на наш взгляд, вряд ли могло способствовать фактической реализации названных выше привилегий и тем более ускоренному развитию народного хозяйства, торговли, накоплению капитала и т.д. Если приведенные факты справедливы, в чем автор не сомневается, то возникает закономерный вопрос: как же следует объяснять предпосылки и причины восстания сербов, начавшееся в 1804 г. в Белградском пашалыке? Ответ на этот коренной вопрос недвусмысленно дают свидетельства рассмотренных в книге разнородных источников. Предпосылки этого восстания, действительно, неразрывно связаны с разложением тимарной системы, которое привело Османскую империю на рубеже XVIII–XIX вв. к кризисному состоянию, выход из которого

султан Селим III и небольшая группа его сторонников видели в проведении реформ сверху. При повторной попытке введения реформ в 1804 г. Порты, как и в 1792 г., приняла решение использовать для подавления недовольных реформами белградских янычар сербское население Белградского пашалыка. Узнав о подготовке карательных акций из разных источников, предводители белградских янычар убили нескольких имевших отношение к этому делу сербских кнезов, что послужило непосредственным поводом к восстанию сербского населения против непокорных Порте янычар. Как видно из постановлений турецкого дивана, из обращения сербских старейшин к султану и правительствам Австрии и России, а также ответов на них, из донесений русского посланника в Константинополе, писем валашского господаря К. Ипсиланти, из донесений Бекир-паши и других источников, Порты осудила мятеж белградских янычар и признала оправданным поднятое против них восстание сербов. Более того, Порты отдала распоряжение бейлербею Румелии, соседним с Белградским пашалыком аянам и господарю Валахии снабдить восставших сербов оружием. Эти и другие рассмотренные в книге факты не оставляют никакого сомнения в том, что сербо-янычарский конфликт в Белградском пашалыке в первой половине 1804 г. представлял собой локальную форму разрешения общего противоречия, возникшего в конце XVIII-начале XIX в. между центральным правительством империи и янычарским корпусом, который согласно замыслу реформаторов должен был быть или ликвидирован, или реорганизован по типу новых войск. Поскольку у Порты не хватало финансовых средств и вооруженных сил для того, чтобы сломить сопротивление янычар, местных аянов, институт которых также подлежал упразднению, сепаратистски настроенных провинциальных пашей и других оппозиционных группировок, то сербы Белградского пашалыка, не желая выносить произвол и беззаконие местных янычар и соседних мятежных пашей, после изгнания из пашалыка янычар летом 1804 г. приняли решение добиваться от Порты автономии по типу Дунайских княжеств или Ионической республики и обратились с просьбой к австрийскому и русскому правительствам поддержать их требование перед Портой. Венокий двор был заинтересован в урегулировании внутреннего сербо-янычарского конфликта в пограничном с Австрией пашалыке, но был категорически против предоставления сербам автономии. Правительство Российской империи, хотя и находилось в союзе с Портой, дало согласие поддержать это требование сербов перед Портой и другими европейскими государствами. Разработанный совместно с сербскими депутатами в Петербурге зимой 1804 г. план осуществления этого требования сербов был рассчитан на получение автономии посредством реформ сверху и встречного движения сербов снизу. Чтобы Порты была более податливой некоторые из русских дипломатов рекомендовали сербам занять Белград. Отказ Порты предоставить автономии повлек за собой вооруженное противодействие сербов которые в августе 1805 г. у села Иванковцы преградили путь войску назначенного

в Белград мухафиза и разбили его. Вооруженное сопротивление сербов назначенному Портой визирю изменило ее отношение к сербским повстанцам. Они были объявлены мятежниками, врагами империи и мусульман. В связи с этим сербские повстанцы были вынуждены заключать временные союзы с оппозиционными Порте румелийскими аянами и предводителями кирджалийских отрядов.

Осенью 1805 г. предводители сербских повстанцев отказались от временных союзов с оппозиционными Порте группировками и встали на путь вооруженной борьбы за создание автономного государства. Об этом свидетельствуют принятые 4—14 октября 1805 г. на народной скупщине законы о характере и структуре новой сербской власти автономного государства, образование которого было декларировано независимо от решения и желания Порты.

С первыми же шагами сербских повстанцев по пути национально-освободительного движения за создание автономной Сербии правительства Франции и Австрии круто изменили свое отношение к сербскому восстанию. Они почти одновременно потребовали от Порты задушить в зародыше эту новую форму сербского движения, чтобы лишить Россию ее влияния на сербов. И только Россия, с давних пор сочувственно относившаяся к тяжелому положению угнетенных османами христианских народов, активно поддержала требования повстанцев о предоставлении Сербии статуса автономного государства и отстаивала их интересы перед Портой и правительствами других европейских государств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР - Архив внешней политики России историко-дипломатического управления МИД СССР.
- БАН - Българската Академия на Науките.
- ВПР - Внешняя политика России XIX - начала XX в. Серия 1. М., 1960. Т. I; Т. II; Т. III, 1962, 1963.
- ВУА - Военно-учебный архив ЦГВИА СССР.
- ГА - Главный архив. Фонд АВПР.
- Глас СКА - Глас Српске краљевске Академије.
- Годиш ак ИДБИХ - Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Сарајево.
- Documente... - Documente privind istoria României. Colectia Eudoxiou de Hurmuzaki. (Seria noua). Bucuresti, 1926-1974. Vol. 1-IV.
- Записка... - Записка бухарестских и задунайских известий (или новостей).
- ЗФФ - Сборник философског факултета Београдског универзитета.
- ИСН - Историја српског народа. Београд, 1981. Кн. V, т. 1; 1986. Кн. IV, т. 1.
- Југословенске земље... - угословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1913 гг. Београд, 1983.
- М у т а ф ч и е в а В. Кърджалийско... - Мутафчиева В. Кърджалийско време С., 1977.
- П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1791-1794 гг.) - П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук после Свиштовскога мира (1791-1794 гг.). Београд, 1927.
- П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук... (1794-1804 гг.) - П а н т е л и њ Д. Београдски пашалук пред први српски устанак (1794-1804 гг.). Београд, 1949.
- Первое сербское... - Первое сербское восстание 1804-1913 гг. и Россия. Кн. 1 (1804-1808 гг.). М., 1980.
- П о п о в Д.И. Принос... - П о п о в Д.И. Принос за изучаване миналото на българското отечество // Сб. НУНК. С., 1908. Кн. 24.
- Први српски... - Први српски устанак: Акта и писма на српском језику / У редакцији Р. Перовића. Књ. 1. (1804-1808 гг.). Београд, 1977.
- Сб. НУНК - Сб. за народни умотворени, наука и книжнина.
- Сб. РИО - Сб. Русского исторического общества. Спб., 1891-1892. Т. 77. 82, 88.
- Т р и ч к о в и њ Р. Ђуприја... - Т р и ч к о в и њ Р. Ђуприја и Сред е Поморавље до првог српског устанка // Бој на Иванковцу 1805 г. Београд, 1979.
- Списи бечких архива... - Списи бечких архива о првом српском устанку / Сакупио и средно А. Ивић. Београд; Суботица; Београд, 1935-1977. Кн. I-XI.
- ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
- ЦГИАЛ - Центральный государственный исторический архив (в Ленинграде).

Введение	3
Г л а в а I. Административная и социально-экономическая структура балканских владений Османской империи в конце XVIII - начале XIX в.	
1. Краткий обзор истории формирования административно-территориального деления и органов управления в балканских владениях Османской империи	6
2. Характеристика миграционных процессов в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII - XIX вв.	16
3. Основные черты экономического развития балканских владений Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв.	16
4. Характеристика общего состояния военно-ленной (тимарной) системы и эволюции социально-политических отношений в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв.	20
5. Политическая ситуация в балканских владениях Порты накануне и в период реформ 90-х годов XVIII в.	24
Г л а в а II. Формирование и расстановка политических сил в Балканском регионе Османской империи в конце XVIII в.	
1. Визирь Шкодринского пашалыка Махмуд Бушатли	36
2. Янинский пашалык в конце XVIII в.	40
3. Осман-паша Пазванд-оглу Видинский	43
4. Политическая ситуация в Белградском пашалыке во время и после заключения Систовского мира (1791-1801 гг.)	50
5. Обстановка в восточных районах Румелии в конце XVIII - начале XIX в. Иликли-оглу - аян делиорманский	61
6. Терсеникли-оглу - аян рудукский	63
Г л а в а III. Борьба политических группировок в Румелии в 1800-1803 гг. и отношение к ней поработенных народов.	
1. Первый поход румелийской оппозиции на Константинополь ..	71
2. Обстановка в Белградском пашалыке в 1802-1803 гг.	75
3. Мероприятия Порты по восстановлению порядка после Египетской кампании и перегруппировка оппозиционных сил в Румелии в 1803-1804 гг.	80
4. Отношение поработенных христианских народов Балканского полуострова к междоусобной борьбе группировок румелийских аянов в конце XVIII - начале XIX в.	85

Г л а в а IУ. Повторная попытка введения реформ в 1804 г. и начало сербского восстания в Белградском пашалыке

1. Постановления Порты о введении реформ в Румелии и о назначении Ибрагим-паши Бушатли бейлербеем. Борьба населения и румелийской оппозиции против насильственного введения новых реформ 96
2. Повторная попытка введения реформ в Белградском пашалыке и обострение сербо-янычарского конфликта 98

Г л а в а У. Отношение России, Австрии и Франции к борьбе политических группировок в Румелии и сербо-янычарскому конфликту в 1801—1805 гг.

1. Отношение великих держав к борьбе политических группировок в Румелии II7
2. Отношение великих держав к сербо-янычарскому конфликту в Белградском пашалыке I3I

Г л а в а VI. От сербо-янычарского конфликта к национально-освободительной борьбе

1. Первая сербская депутация в Россию осенью 1804 г. и ее значение для развития сербского национально-освободительного движения I42
2. Ситуация в Белградском пашалыке после отъезда сербской депутации в Россию I54
3. Апрельская скупщина в Орашце и разногласия в лагере сербских повстанцев. Два варианта прошения султану и сербская депутация в Константинополь I6I
4. Сражение сербских повстанцев с войсками Хафиз-паши у с. Иванковцы и бегство сербских депутатов из Константинополья в Одессу I68
5. Положение в Румелии осенью 1805 г. I70
6. Проекты государственного устройства автономной Сербии и борьба группировок сербских старейшин за власть I75

- Заключение I93
- Список сокращений I96

Научное издание

ГРАЧЕВ Виктор Петрович

БАЛКАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВВ.

(Внутреннее положение, предпосылки
национально-освободительных движений)

Утверждено к печати Ордена Дружбы народов Институтом
этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства А.В. Болдов

Художник Л.А. Игошева

Художественный редактор М.Д. Богачев

Технический редактор Н.В. Вишнева

ИБ № 46107

Подписано к печати 21.04.90. А-05905
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 12,5. Усл.кр.-отт. 12,8. Уч.-изд.л. 14,9
Тираж 1250 экз. Тип.зак. 304. Цена 3руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени I-я типография издательства
"Наука" 199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Список опечаток и исправлений

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
<p>стр. 31 Отсутствует 16 строка снизу</p>	<p>ся этими привилегиями. ледовательность кон- цепции, выдвинутой не- которыми югославскими истори-</p>	<p>ся этими привилегиями. В заключение хоте- лось бы обратить вни- мание на теоретическую непоследовательность концепции, выдвинутой некоторыми югослав- скими истори-</p>

Зак. 304

3 руб.